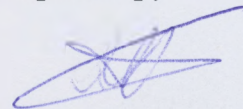

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

На правах рукописи

Мушаков Виталий Евгеньевич

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук,
доцент

Бучакова Марина Александровна

Омск 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Конституционно-правовое регулирование прав человека в условиях цифровизации общества	19
1.1. Цифровизация общества: доктринальный и легальный подходы.....	19
1.2. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества	42
1.3. Международно-правовые стандарты прав человека в условиях цифровизации общества	71
Глава 2. Механизм реализации прав человека в условиях цифровизации общества.....	94
2.1. Особенности реализации прав человека в условиях цифровизации общества.....	94
2.2. Конституционные гарантии прав человека в условиях цифровизации общества.....	135
2.3. Система органов публичной власти в механизме реализации прав человека в условиях цифровизации	161
Заключение	184
Список литературы	190
Приложения	230

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная эпоха научно-инновационного развития сопровождается цифровизацией, т. е. процессом внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в разные сферы общественной жизни. Цифровизация имеет множество позитивных моментов: ускоряется обмен информацией, повышаются возможности информированности граждан, совершенствуются организационные и управленческие процессы, увеличивается интенсивность взаимодействия личности с институтами гражданского общества и государством, что в совокупности влияет на выстраивание публично-правовых отношений. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, констатируется, что информационные и коммуникационные технологии стали частью сферы обеспечения правопорядка (п. 11).

Форсированной цифровой трансформации подвергаются конституционные права и свободы и способы их реализации. Постепенное законодательное оформление получают цифровые права, имеющие публично-правовую природу (право на забвение, право на доступ к сети «Интернет» и др.). Порожденные цифровизацией и неразрывно связанные с ней цифровые права расширяют юридический статус личности в виртуальной среде.

Вместе с тем современные технологии внедряются в публично-правовые отношения без должных теоретических обоснований: не в полной мере исследованы особенности реализации конституционных прав человека в виртуальной среде, угрозы и риски, которым они подвергаются и, самое главное, эффективность существующего юридического механизма их защиты.

Использование цифровых технологий оказывает и негативное воздействие на права человека. Информационное пространство несет множество угроз и опасностей, связанных с киберпреступностью, буллингом, сталкингом,

дискриминацией граждан, нарушением неприкосновенности их частной жизни, ограничениями свободы слова, тайны переписки и иными нарушениями конституционных прав и свобод.

По данным ГИАЦ МВД России, за 2022 г. более четверти (26,5%) преступлений совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Из них почти три четверти (73%) таких преступлений совершается с использованием сети «Интернет» (381,1 тыс.), что актуализирует проблематику обеспечения и защиты прав человека.

Неравномерный доступ отдельных групп граждан к информационно-телекоммуникационными технологиям, т. е. цифровой разрыв, вызывает цифровое неравенство, которое выступает современной разновидностью социального неравенства и приводит к ущемлению конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Все это предопределяет важность совершенствования публично-правового регулирования, направленного на обеспечение безопасности информационного пространства. Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в предмет ведения Российской Федерации было включено обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71 Конституции РФ). Эффективное законодательное регулирование в рассматриваемой сфере невозможно без понимания насущных и ожидаемых последствий цифровизации для института прав человека.

Процессы влияния цифровизации на фундаментальные права человека, установления соответствия российского законодательства международным правовым стандартам в области цифровизации прав человека, определения особенностей реализации прав человека в условиях цифровизации, гарантированности этих прав, а также оптимизации деятельности существующей

системы органов публичной власти требуют дальнейшего осмысления. Без выполнения данных задач невозможно сформировать действенный юридический механизм реализации прав человека в условиях цифровизации общества.

Таким образом, учитывая изложенное, на современном этапе развития общества конституционно-правовое исследование прав человека в условиях цифровизации представляется востребованным и крайне актуальным.

Степень научной разработанности темы исследования. Теоретические основы правового статуса личности заложены в трудах ученых в области общей теории государства и права: С. С. Алексеева, Н. А. Власенко, В. В. Лазарева, С. В. Липень, В. С. Нерсисянца, А. В. Малько, О. В. Мартышина, М. Н. Марченко, Н. И. Матузова, Г. И. Муромцева, Т. Н. Радько, Ю. С. Решетова, Т. В. Синюковой, Р. О. Халфиной и др.

Вопросы правового положения человека, обеспечения и защиты его прав обстоятельно разработаны в трудах ученых-конституционалистов: С. А. Авакьяна, М. В. Баглая, Л. Д. Воеводина, Н. В. Витрука, Е. Г. Войде, В. Д. Зорькина, А. И. Казанника, Г. Н. Камковой, В. А. Карташкина, Д. Т. Караманукяна, В. М. Капицына, Е. И. Козловой, О. Е. Кутафина, Е. А. Лукашевой, В. А. Лебедева, А. А. Пронина, А. С. Прудникова, В. В. Сорокина, Э. В. Талапиной, О. В. Танимова, Т. Я. Хабриевой, Е. Н. Хазова, В. Е. Чиркина, А. Г. Чернявского, Б. С. Эбзеева и многих других авторов.

Проблемы цифровизации прав человека исследованы в работах А. С. Агеева, А. А. Антопольского, И. А. Алешковой, С. Т. Артемовой, Е. В. Алферовой, Е. С. Аничкина, С. Д. Афанасьева, М. А. Бучаковой, Н. С. Бондаря, М. С. Бурьянова, А. А. Васильева, Д. С. Велиевой, И. В. Воронцовой, И. В. Гончарова, Т. В. Захарова, А. И. Ковлера, О. А. Кожевникова, А. Н. Козырева, И. А. Кравец, А. Т. Карасева, С. Э. Либановой, В. Н. Монахова, О. Х. Молокаевой, В. Ю. Музыкачук, А. В. Нестерова, С. Э. Несмеяновой, В. В. Невинского, Д. А. Пашенцева, Е. М. Подрабинок, А. А. Саурина, М. С. Саликова, Э. В. Талапиной,

А. В. Туликовой, О. В. Танимова, А. А. Уварова, И. А. Умновой-Конюховой, А. И. Хуснутдинова, Н. Н. Черногор, С. М. Шахрая, А. А. Щербовича и др.

Рассматриваемая проблематика исследовалась в трудах ряда зарубежных исследователей, в частности, таких как Т. Аттолини, М. С. Абламейко, Д. Белл, Г. А. Василевич, С. Л. Дикинсон, Джерман М. Теруэль, М. Вайлер, К. Карппинен, Й. Курбалия, Б. Манкофф, Т. С. Масловская, Й. Милкер, Мария Грация Порседда, О. Пуукко и Р. К. Сарпеков.

Диссертационное исследование также посвящено проблемам обеспечения прав человека в условиях цифровизации общества. Поэтому в работе использовались научные изыскания в области конституционного гарантирования прав человека, деятельности органов публичной власти по обеспечению прав человека, в частности, труды А. А. Гришковца, Ю. М. Козлова, Л. О. Красавчиковой, М. Н. Кобразь-Фроловой, А. С. Мордовца, А. Н. Писарева, Ф. М. Рудинского, Ю. Н. Старилова, Е. Н. Хазова, В. И. Фадеева, Л. Н. Федоровой, А. А. Югова и ряда других авторов.

По некоторым проблемам развития прав человека в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий были подготовлены диссертации А. А. Щербович (Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет, 2013), К. Ю. Матрениной (Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития: конституционно-правовое исследование, 2016), А. В. Туликовым (Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития: теоретико-правовой анализ, 2017), Р. И. Шайхиевым (Конституционно-правовые средства информационного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации, 2020), А. А. Максимовым (Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет, 2021), Д. В. Абдрахмановым (Конституционно-правовые основы информационного

общества в Российской Федерации, 2022) и др. Признавая ценность указанных работ, следует, однако, отметить, что в них рассмотрены особенности развития лишь отдельных прав человека в цифровую эпоху.

В российской юридической науке еще не проводилось комплексного конституционно-правового осмысления прав человека в условиях цифровизации общества. В связи с этим в настоящей работе впервые предпринимается попытка системного рассмотрения прав и свобод в условиях цифровизации.

Теоретическую основу исследования составили научные труды в области философии, политологии, общей теории государства и права, истории государства и права, а также отдельных отраслей юридической науки, прежде всего, в области конституционного, международного, административного и информационного права.

Объектом диссертационного исследования выступает комплекс общественных отношений, складывающихся в сфере признания и реализации прав человека в условиях цифровизации общества.

Предмет диссертационного исследования составляют нормативные правовые акты, регламентирующие права человека в условиях цифровизации, научные взгляды, концепции и доктрины российских и зарубежных ученых, рассматривающих данную проблематику, а также сложившаяся в Российской Федерации правоприменительная практика.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является получение новых знаний о правах человека в условиях цифровизации общества и выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию конституционно-правовой доктрины и законодательного регулирования в исследуемой сфере.

Достижение поставленных целей обуславливает необходимость решения следующих задач:

— обосновать наступление нового этапа в развитии прав человека, вызванного применением цифровых технологий;

— рассмотреть содержание понятия «цифровизация общества» с позиции мировоззренческих, философских взглядов и концепций, конституционно-правовой доктрины, а также законодательства Российской Федерации;

— выявить и классифицировать международно-правовые стандарты прав человека в условиях цифровизации общества;

— исследовать влияние цифровизации общества на реализацию прав человека;

— определить специфику конституционного гарантирования прав человека применительно к новым реалиям, связанным с цифровыми изменениями в обществе;

— проанализировать систему органов публичной власти, участвующих в механизме реализации прав человека в условиях цифровизации общества;

— выработать и предложить научно обоснованные рекомендации, направленные на совершенствование законодательного регулирования в исследуемой сфере.

Методологическая основа исследования. Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач автором использована система верифицированных общенаучных и специальных методов, направленных на изучение правовых явлений и выработку научных рекомендаций, ориентированных на повышение эффективности правового регулирования в исследуемой сфере. Основу для проведения диссертационного исследования составили общенаучные формально-логические методы — анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, контент-анализ, экстраполяция, а также структурный и статистический методы исследования. Формально-логические методы применялись при анализе различных доктринальных подходов к понятию цифровизации и трактовок его содержания, а также для решения иных задач диссертационного исследования.

В совокупности с общенаучными методами использовались такие специальные методы юридического познания, как историко-правовой,

формально-юридический и сравнительно-правовой. Историко-правовой метод позволил изучить основные этапы развития прав человека, предшествовавшие современному этапу, наступление которого вызвано цифровизацией общественных отношений. Формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования применялись в ходе анализа российского и зарубежного опыта законодательного регулирования вопросов, связанных с реализацией прав человека в условиях цифровизации.

Нормативную правовую основу диссертационного исследования составили Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормы международного права, подзаконные нормативные правовые акты, законодательные акты субъектов РФ, а также муниципальные правовые акты, регулирующие вопросы реализации и защиты прав человека в условиях цифровизации.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ), Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховного Суда РФ), иных российских судебных органов, документы Организации Объединенных Наций (далее — ООН), постановления Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ); документы статистической отчетности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее — Минцифры России), Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России), сборники статистических и аналитических данных, социологические опросы, материалы интернет-сайтов институтов публичной власти, электронных средств массовой информации, а также иные размещенные материалы, имеющие значение для исследуемой темы.

Обоснованность представленных выводов подтверждается результатами выборочного социологического опроса, проведенного в форме анкетирования граждан, по вопросам реализации отдельных прав и свобод посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Всего в анкетировании

приняли участие 240 граждан, из них 118 — сотрудники правоохранительных органов.

Репрезентативность полученных данных, вошедших в выборочную совокупность, определена рядом актуальных параметров, а именно — охват территорий, количество анкетированных, сфера занятости и т. д., что позволило обеспечить представительность результатов исследования и послужило основой обоснованных и достоверных выводов.

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного конституционно-правового исследования прав человека в условиях цифровизации общества. Элементами научной новизны выступают:

— обоснование нового этапа развития прав человека, вызванного процессом цифровизации общества;

— введение в конституционно-правовую доктрину оригинального определения понятия цифровизации общества, отражающего его содержание;

— классификация международно-правовых стандартов, направленных на обеспечение прав человека в условиях цифровизации общества;

— обновленная интерпретация общих и специальных (юридических) гарантий прав человека, адаптированная под реалии технологического развития;

— оценка современного состояния и выявление тенденций развития законодательства Российской Федерации в области прав человека в современную цифровую эпоху;

— вынесение предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики в области осуществления и защиты прав человека в условиях цифровизации общества.

Научная новизна диссертационного исследования нашла отражение в положениях, выносимых на защиту.

На защиту выносятся следующие научные положения:

1. Обосновывается вывод о наступлении качественно нового этапа развития прав человека, обусловленного цифровыми изменениями в обществе:

— использованием виртуальных способов реализации прав человека, закрепленных в гл. 2 Конституции РФ;

— образованием новых цифровых прав человека (право на забвение, право на доступ к сети «Интернет», право на цифровую смерть), имеющих публично-правовую природу;

— появлением дополнительных рисков и угроз нарушения прав личности в виртуальной среде;

— возникновением и обострением проблемы цифрового разрыва, т. е. неравномерного доступа отдельных групп граждан к информационно-телекоммуникационным технологиям.

2. Понятие «цифровизация общества», используемое в публично-правовом измерении, трактуется двойственно. С одной стороны, в контексте проблематики прав человека цифровизация общества является процессом внедрения в публично-правовые отношения возможностей информационно-телекоммуникационных технологий, влияющих на степень защищенности и особенности реализации отдельных конституционных прав и свобод человека. С другой стороны, исходя из государственной политики в области применения информационных технологий, цифровизация общества выступает необходимым средством достижения стратегически приоритетной цели Российской Федерации — построения информационного общества.

3. Использование информационно-коммуникационных технологий в публично-правовых отношениях приводит к цифровизации способов реализации отдельных конституционных прав и свобод человека. Отличительной чертой цифровых прав выступает их осуществление только в виртуальной среде. На этом основании к числу цифровых прав, имеющих публично-правовой характер,

относятся право на забвение, право на доступ к сети «Интернет» и право на цифровую смерть.

4. Определены международно-правовые стандарты прав человека в условиях цифровизации, включающие следующие нормы и принципы:

- расширительное толкование положений действующих международных актов в области прав человека применительно к новой виртуальной реальности;
- равная защита прав человека в офлайновой и онлайновой среде;
- обязательность содействия каждого государства в реализации и защите прав человека в информационном пространстве;
- обеспечение дополнительных правовых гарантий государственной защиты категориям лиц, наиболее уязвимых в цифровую эпоху (дети, инвалиды, лица пожилого возраста, потребители товаров и услуг в сети «Интернет»).

5. Вводится авторская классификация международно-правовых стандартов прав человека в условиях цифровизации:

- по субъекту (принятые ООН, Советом Европы, ОБСЕ и другими международными организациями);
- по объекту (нормы и принципы, относящиеся ко всем правам и свободам человека и гражданина, и нормы и принципы, направленные на обеспечение прав и свобод, наиболее уязвимых в цифровую эпоху (например, активное избирательное право, право на частную жизнь, свобода выражения мнения));
- по сфере применения (направленные на обеспечение прав человека в целом, в сети «Интернет» и направленные на обеспечение прав человека в отдельном сегменте виртуальной среды (в социальных сетях, поисковых системах)).

6. Возникновение цифровых возможностей реализации конституционных прав и свобод человека не исключает применения традиционных способов их реализации. Основу правового статуса личности в виртуальной среде составляют право на свободу, право на информацию и свобода слова. Самостоятельное определение личностью степени своего участия в цифровых коммуникациях, его

свобода в выражении мнений, а также свободный оборот информации являются условием реализации иных прав и свобод, подвергшихся цифровизации.

7. В эпоху развития цифровых технологий эффективность конституционного гарантирования реализации прав человека зависит от следующих общих условий:

— политики государства, направленной на технологическое развитие общества (политическое условие);

— интенсивного межгосударственного взаимодействия в целях развития информационно-коммуникационных технологий (политическое условие);

— экономического благосостояния граждан, позволяющего им приобретать и в личных целях использовать информационно-коммуникационные технологии (экономическое условие);

— создания, поддержания исправности и дальнейшего развития сетевой инфраструктуры на территории всего государства (технологическое условие);

— уровня цифровой грамотности населения государства, достаточного для обеспечения массового использования информационно-коммуникационных технологий при реализации прав и свобод (культурное условие);

— доверия к информационно-коммуникационным технологиям со стороны граждан, на основании которого последние самостоятельно и исходя из личных интересов распространяют в виртуальной среде свои персональные данные и сведения о частной жизни (духовное условие).

Положения, закрепленные в ст. ст. 2, 17–19, 45, 46 и 125 Конституции РФ, в обновленной доктринальной и законодательной интерпретации выступают специальными (юридическими) гарантиями прав человека в условиях цифровизации.

8. На основе проведенного исследования сформулированы предложения, направленные на совершенствование нормативных правовых актов, обеспечивающих права человека в условиях цифровизации. Для повышения эффективности законодательного регулирования в данной сфере диссертант:

— предлагает внести изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации» (далее — Федеральный закон № 149), дополнив статью 8 частью 4¹ следующего содержания: *«Каждый имеет право на беспрепятственный доступ к информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе сети «Интернет», независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Ограничение права на доступ к информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе сети «Интернет», возможно при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации»* (Приложение 1). Данные изменения являются правовым условием решения проблемы цифрового разрыва и направлены на совершенствование правового статуса человека в той части, где реализация его прав и свобод в публично-правовых отношениях, охраняемых Конституцией РФ, зависит от возможностей доступа к сети «Интернет».

— учитывая расширение практики применения дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ) в российском избирательном процессе, обосновывает необходимость детального урегулирования вопросов, связанных с применением нового способа голосования. Наличие технических и иных проблем, возникающих в ходе проведения и определения результатов ДЭГ, должно компенсироваться законодательным механизмом обжалования нарушений избирательных прав граждан, возможностью повторного подсчета голосов, полученных электронным способом, а также их аннулированием. В данной части следует внести изменения в порядок проведения ДЭГ, утвержденный постановлением ЦИК России. В этих целях автором предлагается внести изменения в Федеральный закон № 67, а именно — дополнить пункт 13 ст. 64.1 подпунктами 6, 7 и 8 следующего содержания:

«б) порядок обжалования нарушений избирательных прав граждан при проведении дистанционного электронного голосования и подведения его итогов на выборах, референдуме;

7) основания, порядок и сроки повторного подсчета голосов, полученных в результате дистанционного электронного голосования;

8) основания и порядок аннулирования голосов, полученных в ходе дистанционного электронного голосования с нарушением законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах» (Приложение 2).

9. Принимая во внимание, что мониторинг виртуальной среды выступает современным направлением деятельности, фактически осуществляемой российской полицией, но не урегулированной законодательством Российской Федерации, автор считает целесообразным внести изменения в ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», где в п. 11.1 возложить на полицию обязанность: *«осуществлять мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет в целях выявления, предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений, отнесенных законодательством Российской Федерации к подведомственности полиции»* (Приложение 3). Предложенные изменения в законодательство РФ позволят направить усилия полицейских органов на противодействие преступлениям и административным правонарушениям, совершаемым в виртуальной среде.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в использовании сформулированных и аргументированных теоретических положений, выводов и рекомендаций:

— в научно-исследовательской сфере — для проведения дальнейших научных исследований в области осуществления и защиты прав человека в условиях цифровизации общества;

— в образовательном процессе — при преподавании учебных дисциплин конституционно-правового цикла, при подготовке методических пособий для органов внутренних дел, применяемых в преподавательской и иной деятельности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в законотворческой сфере — при совершенствовании

юридического механизма реализации прав человека в условиях цифровизации общества; в практической деятельности — при обеспечении прав человека органами публичной власти.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были представлены на научно-практических конференциях разного уровня, в том числе: на международной научно-практической конференции «Защита прав, свобод и законных интересов в РФ: коллизионные вопросы материального и процессуального права» (Саратов, 2019 г.); всероссийской научной конференции «Омские научные чтения — 2020» (Омск, 2020 г.); международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы конституционализма» (Нижний Новгород, 2020 г.); международной научно-практической конференции «Финансовое право в цифровую эпоху» (Москва, 2020 г.); всероссийской научно-практической конференции «Реализация Конституции: состояние и перспективы» (Омск, 2020 г.); всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Томск, 2021 г.); международной научной конференции «Правоприменение в публичном и частном праве» (Омск, 2021 г.); всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей «Преемственность и новации в юридической науке» (Омск, 2021 г.); международной научно-практической конференции «Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений» (Екатеринбург, 2021 г.); международной научной конференции «Государственное строительство на современном этапе» (Омск, 2021 г.); VII международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития государственности и публичного права» (Санкт-Петербург, 2021 г.); международной научной конференции «Онтология и аксиология права» (Омск, 2021 г.); международном форуме молодых ученых «Молодежь. Наука. Безопасность» (Москва, 2021 г.); VIII всероссийской научно-практической конференции «Народовластие в России: опыт и перспективы отечественной

государственности» (Нижний Новгород, 2021 г.); международной научно-практической конференции «Реализация Конституции: состояние и перспективы» (Омск, 2021 г.); международной научной конференции «Правоприменение в публичном и частном праве» (Омск, 2022 г.); XX международной научной конференции студентов и молодых ученых «Эволюция российского права — 2022» (Екатеринбург, 2022 г.); всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей «Преемственность и новации в юридической науке» (Омск, 2022 г.); международной научной конференции «Государственное строительство на современном этапе» (Омск, 2022 г.); международной научно-практической конференции «Государство и право в эпоху глобальных перемен» (Барнаул, 2022 г.); в Уральском форуме конституционалистов (Екатеринбург, 2022 г.); всероссийской научно-практической конференции «Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества» (Москва, 2022 г.); всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей «Преемственность и новации в юридической науке» (Омск, 2023 г.); всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы конституционного права» (Екатеринбург, 2023 г.); международной научно-практической конференции «Правовые аспекты цифрового развития общества» (Москва, 2023 г.); I всероссийском конгрессе «Санкт-Петербургские встречи молодых ученых» (Санкт-Петербург, 2023 г.).

Ряд результатов диссертационного исследования был представлен на конкурсах научных работ разного уровня, в том числе: на всероссийском конкурсе среди студентов, аспирантов и молодых преподавателей по вопросам избирательного права и избирательного процесса «Атмосфера» 2020–2021, проводившемся Российским центром обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии РФ (2020–2021 гг.); XVII всероссийском конкурсе научных работ «Новеллы Конституции Российской Федерации — настоящее и будущее. (Работа над ошибками)» (Тюмень, 2021 г.). Принято участие и выигран заочный тур Всероссийского

конкурса молодежи образовательных и научных организаций на лучшую научную работу «Моя законотворческая инициатива», проведенного Общероссийской общественной организацией «Национальная система развития научной, творческой и инициативной деятельности молодежи России „Интеграция“» (Москва, 2022 г.).

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 25 научных статьях, 4 из которых — в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Диссертация обсуждена и одобрена на заседаниях кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Отдельные результаты диссертационного исследования внедрены в образовательный процесс Сибирского юридического института МВД России, Омской академии МВД России, а также в практическую деятельность ОМВД России «Артемовский» Луганской Народной Республики и ОМВД России по Называевскому району Омской области, что подтверждается актами внедрения научной продукции.

Структура и объем работы. Структура диссертации predetermined объектом, предметом, целями и задачами исследования и включает оглавление, введение, две главы, состоящие из шести параграфов, заключение, список литературы и приложения. Диссертация выполнена в объеме, установленном Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

ГЛАВА 1. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

1.1. Цифровизация общества: доктринальный и легальный подходы

В современную эпоху глобальной информатизации повышается интенсивность взаимодействия личности с обществом и государством. Увеличиваются объемы информации, с которой сталкивается человек в личной, социально-экономической, политической, культурной и иных сферах жизнедеятельности. Особую ценность приобретает обладание информацией. Причиной этому является процесс перехода к постиндустриальному (информационному) обществу как период, который ознаменован внедрением инновационных информационных технологий и оказанием высокотехнологичных услуг населению.

Развитие постиндустриального (информационного) общества сопровождается технологизацией различных сфер жизнедеятельности человека. Стремительный научно-технический прогресс привел к появлению таких информационных технологий, как глобальная информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», локальные информационные сети, электронные устройства (персональные компьютеры, смартфоны, smart-часы, технологии «умный дом», «умный город» и др.), электронные валюты, интернет-вещей (Internet of things, IoT), облачные хранилища, электронные базы данных, робототехника, искусственный интеллект, блокчейн, био- и нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальности (VR/AR) и др. Внедрение указанных виртуальных технологий привело к широкому повседневному использованию их человеком.

Появляется цифровой аналог традиционных общественных отношений. Общеупотребительными в повседневной жизни, в научном сообществе и в деятельности органов публичной власти становятся такие неологизмы, как

цифровизация, интернетизация, цифровые технологии, цифровая экономика, цифровое государство, цифровой суверенитет, цифровой профиль, информационное общество, электронное правительство, электронная валюта и др.

На фоне данных процессов, современниками которых мы являемся, ряд ученых признают свершение «информационной (компьютерной) революции»¹, переход к постиндустриальному обществу и наступление в связи с этим «эпохи разобщенности»². В обозримом будущем прогнозируется четвертая промышленная революция³ и развитие так называемой Индустрии 4.0. Как отмечает Б. Манкофф, «В англосаксонском контексте эту волну часто называют «Интернетом вещей», в то время как в Германии и других европейских странах, где цифровизация производства и распределения находится в центре обсуждения, это работает под термином «Индустрия 4.0»⁴. К числу таковых государств относится и Российская Федерация.

В рамках настоящего исследования осмысление сущности процессов цифровизации автором видится возможным посредством обращения к доктринальному и легальному подходам. Первый составляет совокупность идей и взглядов ученых-юристов на процессы цифровизации и их влияние на положение индивида в обществе и государстве. Доктринальный подход находит отражение в юридической литературе и требует более детальной разработки. Второй подход отражает официальную государственную позицию относительно цифровизации, выраженную в нормативных правовых актах на современном этапе.

Выработка доктринального подхода к пониманию цифровизации обуславливает обращение к ее философскому аспекту. Как известно, понятие

---

¹ *Либанова С. Э.* Информационное гражданское общество в «эпоху разобщенности» // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 19.

² *Белл Д., Иноземцев В. Л.* Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI в. — Москва : Центр исследований постиндустриального общества, 2007. — 304 с.

³ *Шваб К.* Четвертая промышленная революция [Текст] = The fourth industrial revolution : [перевод с английского : 12+] / Клаус Шваб. — Москва : Эксмо, 2018. — 285 с.

⁴ *Mahnkopf B.* THE FUTURE OF WORK IN THE ERA OF «DIGITAL CAPITALISM // Beyond Market Dystopia: New Ways of Living: Socialist Register 2020, edited by LEO PANITCH and GREG ALBO, NYU Press, 2019. P. 104. // URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv1f885m4.8> (дата обращения: 13.11.2020).

цифровизации связывается с применением в технических устройствах бинарного (двоичного) кодирования⁵. Следовательно, на данной основе прослеживается взаимосвязь ряда философских течений с процессами цифровизации, происходящими в настоящее время.

Восприятие мира посредством чисел, находящихся в основании всех вещей, является подходом, апробированным философской школой пифагорейцев. Ими было открыто, что временная периодизация, биологические циклы развития эмбриона, звуки музыки и многое другое регулируется числовыми законами⁶. Пифагорейство выступает древнейшим философским учением, объясняющим числовое бытие мира. Конечно, во времена античности не было и, с учетом уровня технологического развития, не могло быть предсказаний цифрового будущего человечества, однако сегодня цифровые технологии основаны на числовом кодировании, поэтому пифагорейство с некоторой долей условности может считаться первой философской интерпретацией цифровизации.

Определенная взаимосвязь прослеживается между идеей Платона о дихотомии сущего (на материальный мир вещей и надфизический мир идей) и современным разделением пространства на реальное и виртуальное. Мир идей и виртуальный мир по своей сущности противоположны осязаемому миру.

Концепция мира идей была дополнена теорией чисел в рамках философского учения неопифагорейцев. Ж. Реале описывал их взгляды следующим образом: «Бытие не может быть материей, ибо она неопределенна, иррациональна, непознаваема, в то время как бытие неизменно. Оно не может быть и телом, ибо ясно, что тела подлежат непрерывному изменению и

---

⁵ См., напр.: *Нестеров А. В.* О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. — 2020. — № 1. — С. 13–14 ; *Талатина Э. В.* Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2019. — Т. 14. — №. 3. — С. 122–123 ; *Козырев А. Н.* Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе // Цифровая экономика. — 2018. — № 1. — С. 5.

⁶ *Реале Ж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. — Т. I. Античность. — Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1994. — С. 28.

нуждаются в чем-то, что их скрепляет»⁷. Числа же отсылали к тому, что было глубже и сложнее.

Как бы ни были интерпретированы вышеупомянутые философские идеи, они в силу своей архаичности не смогут предложить исчерпывающего осмысления современных процессов цифровизации, протекающих в обществе. Однако обращение к древнейшим философским учениям наталкивает на выводы о том, что установка на выход за пределы материального мира выступает идейной предпосылкой формирования цифрового аналога общественных отношений.

При обращении к взглядам современных авторов отдельного внимания заслуживает выдвинутая американским социологом Д. Беллом теория постиндустриального (информационного) общества. В современную эпоху вполне реалистичной представляется его футурологическая концепция о смене экономических парадигм посредством внедрения «умных» технологий. Д. Белл считает, что в эпоху разобщенности, где мировые процессы невозможно описать в рамках нескольких парадигм, развитие общества определяется нововведениями и инновациями⁸. Данная концепция не только выполняет функцию объяснения происходящего, но и убеждает в успешности цифровизационного пути развития общества.

Современной концепцией, основанной на вере в абсолютное благо цифровых технологий, является датаизм (религия данных)⁹. В настоящее время человечество все более зависит от современных цифровых технологий. Мобильный телефон и сеть «Интернет» стали «приложением» к каждому из нас. Сегодня отказаться от использования гаджетов значит лишить себя удобств и отчасти попасть в информационный вакуум. Форсированными темпами увеличивается объем и без того «больших данных». Вероятно также, что

---

⁷ Реале Ж., *Антисери Д.* Указ. соч. С. 238.

⁸ Белл Д., *Иноземцев В. Л.* Указ. соч. С. 17.

⁹ См., напр.: *Попов Д. В.* Датаизм — квазирелигиозное расширение трансформантропной биополитики // Религиозная ситуация в российских регионах : тез. докл. и сообщ. Седьмой всерос. науч.-практ. конф. Омск, 8–9 октября 2020 г. / отв. за выпуск А. А. Морозов. — Омск : Омская академия МВД РФ, 2020. — С. 25.

ускорятся темпы информатизации и интернетизации и для последующих поколений. Датаизм описывает мировоззренческие установки своих представителей, которые видят во всех вышеуказанных процессах только положительную сторону.

Однако за видимой привлекательностью цифрового мира скрываются потенциальные опасности, угрожающие свободному развитию общества. Уже сегодня снижается приватность жизни граждан. Ситуация может существенно усугубиться, если антидемократической политической элитой монополизируются цифровые технологии, которые будут использоваться для создания общества глобальной слежки и контроля за гражданами.

Неизвестность судьбы общества, последовавшего по пути цифрового развития, видится существенной проблемой. Как представляется, положительный либо отрицательный итог текущей цифровой трансформации непосредственно коррелирует с опытом, полученным обществом в процессе виртуализации сфер жизнедеятельности. Поэтому в настоящее время можно прогнозировать следующие сценарии развития общества.

1. Неизбежность дальнейшего развития общества, основанного на цифровых технологиях. Увеличение количества пользователей сети «Интернет» свидетельствует о тенденции к возрастанию со стороны населения спроса к повсеместному применению цифровых технологий. Цифровые мировоззренческие установки и доверие к продуктам научно-технического прогресса приобщают молодежь к информационным технологиям. Человек, родившийся в XXI столетии, в подавляющем большинстве случаев уже не представляет свою повседневную жизнь без цифровых устройств. Сегодня обойтись без них значит стать субъектом, ограниченным в социальном взаимодействии и получении информации. При значительной доли условности, человек, не пользующийся цифровыми технологиями, сравним с монахом-отшельником, отказавшимся от мирских благ. Учитывая изложенное, процесс

цифровизации продолжится и при будущих поколениях, а следовательно, виртуальная реальность еще больше вытеснит осязаемый материальный мир.

2. Возникновение цифровых вызовов и угроз свободному развитию гражданского общества. Уже сегодня за привлекательностью научно-технического развития скрывается опасность в виде снижения приватности жизни граждан. В этой связи ключевой вопрос состоит в том, каким образом политическая элита воспользуется современными цифровыми разработками. Насущность проблемы обнажится в случае, если они будут применены в целях монополизации и удержания публичной власти. В обществе с антидемократическим политическим режимом «цифра» может являться орудием глобальной слежки за широкими слоями общества. Например, в настоящее время в Китайской Народной Республике установлено 200 млн камер видеонаблюдения¹⁰ и действуют так называемые «социальные рейтинги», формируемые на основе данных, полученных посредством информационно-коммуникационных технологий. В подобных случаях цифровые продукты могут выступить инструментарием контроля, устрашения и даже подавления личности. Все это указывает на вероятность наступления неблагоприятного исхода научно-технического развития.

В то же время современные технологии повышают прозрачность государственного аппарата, усиливают контроль за деятельностью органов публичной власти и их должностных лиц. Как итог, процесс цифровизации общества может привести как к положительным, так и к отрицательным для него последствиям.

3. Прекращение цифровизации различных сфер общественной жизни как результат удовлетворения основных информационных потребностей либо получения негативного опыта виртуализации. В данном случае изменится вектор технологического развития в сторону обслуживания иных интересов: генетика,

---

¹⁰ По числу камер видеонаблюдения страна вышла на третье место в мире // Коммерсантъ. 2020. 25 декабря // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4628220> (дата обращения: 18.03.2021).

телемедицина, альтернативная энергетика и др. Цифровизация же будет считаться пройденным этапом социального развития.

Таким образом, к каким последствиям, негативным или позитивным, приведет цифровизация, зависит от того, в каких целях будут применены ее основные продукты. Ясно одно — важно, чтобы цифровые технологии способствовали увеличению транспарентности государства, подотчетности государственных служащих и популяризации среди граждан гуманистических и демократических идей.

В условиях внедрения современных информационных технологий происходит трансформация различных сфер общественных отношений, в том числе подлежащих конституционно-правовому воздействию. Одной из первых цифровую трансформацию на себе ощутила экономика. Так, А. А. Саурин отмечает: «Трансформации подвергается каждый из традиционных рынков: рынок товаров и услуг — через взрывной рост электронной торговли; рынок капиталов — через внедрение финансово-технологических инноваций; рынок труда — через переориентацию на творческий потенциал людей как главный источник добавленной стоимости»¹¹. Деятельность медиакорпораций, рыночная капитализация которых в последние годы является крупнейшей в мире, непосредственно связана с разработкой и применением цифровых инновационных продуктов («Apple inc.», «Microsoft», «Amazon Inc.», «Tesla»). Рост капитализации и популярность данных компаний обусловлена общественным запросом на развитие данной экономической отрасли.

Вслед за цифровой трансформацией экономических отношений информационные технологии оказали воздействие и на социальную сферу. Используемые посредством электронных устройств и сети «Интернет» мессенджеры и социальные сети беспрецедентно изменили характер и интенсивность взаимодействия между гражданами. Данные сетевые платформы

---

¹¹ Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. — С. 27.

стали новым местом реализации отдельных конституционных прав и свобод человека и гражданина (право на информацию, свобода слова, свобода собраний и т. п.).

С внедрением цифровых технологий повышается прозрачность политических отношений, что влечет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, происходит укрепление институтов гражданского общества для участия граждан в управлении делами государства. Информационные технологии позволяют гражданам, находящимся на удаленном расстоянии, обсуждать вопросы, составляющие политическую повестку дня. Расширяются возможности средств массовой информации доводить до граждан актуальные политические события. Общество становится более политизированным. Снижается индифферентность граждан относительно формирования и деятельности органов государственной власти. В частности, институты электронной демократии упрощают избирательные процедуры и привлекают на выборы граждан, некогда склонных к абсентеизму. Тем самым повышается активность участия граждан в управлении делами государства. С другой стороны, в информационной сети граждане могут быть подвергнуты влиянию лиц, заинтересованных в подрыве основ конституционного строя и политической стабильности Российского государства. Кроме того, сеть «Интернет» выступает площадкой для организации и координации проведения незаконных протестных политических акций, а также обсуждения результатов их проведения.

В настоящее время предметом исследования гуманитарных наук (экономики, социологии, политологии, юриспруденции, психологии) являются процессы цифровизации общества, в этом направлении отмечается активизация научных сообществ¹². Например, интерес юридического сообщества объясняется

---

¹² См., напр.: *Цифровое* развитие экономики и прикладная информатика в управлении территориями: опыт России и Казахстана : монография / Е. Бейсембай, Е. Г. Вдовкина, М. А. Егорова [и др.] ; под редакцией О. В. Кожевиной, Н. В. Салиенко. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 170 с. ; *Голубев С. С.* Экономика цифровизации промышленных предприятий :

влиянием цифровизации на охраняемые правом общественные отношения. Ученые-правоведы обсуждают вопросы сущности цифровизации, ее достоинств, недостатков, возможных последствий, а также необходимости, мер и средств нормативно-правового регулирования¹³. Теоретические исследования общественных отношений, наиболее подверженных цифровизации, определяют вектор развития отечественного законодательства.

Частно-публичная природа цифровизации общества обуславливает ее исследование представителями как частных, так и публичных отраслей российского права. Проводится множество междисциплинарных исследований¹⁴.

Особое значение имеют теоретические разработки и обоснования ученых-конституционалистов. Дело в том, что разработчиками цифровых технологий изначально предусмотрено информационное пространство, которое пополняется все большим объемом информации за счет ее перевода из традиционной среды в виртуальную. Новые «online» возможности влияют на выстраивание базовых отношений в системе «человек — общество — государство», традиционно регулируемых нормами конституционного права. В результате цифровизации

монография / С. С. Голубев, А. Г. Щербаков. — Москва : Первое экономическое изд-во, 2022 — 231 с.; *Сморгунов Л. В.* Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость : монография / Балаян А. А., Волкова А. В., Игнатьева О. А. [и др.] ; под редакцией Л. В. Сморгунова ; Санкт-Петербургский государственный университет. — Москва : Аспект Пресс, 2022. — 348 с.; *Добринская Д. Е.* Введение в цифровую социологию : учеб. пос. / Д. Е. Добринская. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2022. — 144 с.

¹³ См., например: *Трансформация* и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / под ред. И. В. Воронцовой. — Казань: Отечество, 2020. — 415 с. ; *Трансформация* права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; под ред. А. А. Васильева. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 432 с.

¹⁴ См., напр.: *Пащенко И. Ю.* Информация как объект публично-правового регулирования в условиях цифровизации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2. / Пащенко Илья Юрьевич. — Краснодар, 2022. — 300 с. ; *Кирилловых А. А.* Цифровое государство (digital state): организационно-правовые аспекты. — Москва : Юрлитинформ, 2022. — 184 с. ; *Ганиева Д. З.* Модернизация правовой системы России в условиях цифровой экономики : монография / Д. З. Ганиева. — Волгоград : Черняева Ю. И., 2022. — 102 с. ; *Попадейкин В. В.* Цифровизация в государственном управлении, общественной жизни и правовой сфере : монография / Архипова М. Ю., Розанова Е. В., Сиротин В. П. [и др.] ; под общ. ред. В. В. Попадейкина. — Москва : Эдитус, 2022. — 237 с.

подвергаются важнейшие общественные отношения, являющиеся объектом конституционно-правового регулирования.

Подтверждения вышесказанного тезиса можем встретить в юридической литературе. По замечанию Е. С. Аничкина, «Конституция РФ и конституционное право должны занять базовое положение в правовом регулировании цифровизации»¹⁵. М. А. Федотов отмечает, что «пока Конституция не обретет своего интернет-измерения, всякие попытки правового регулирования деятельности в киберпространстве методами национального законодателя обречены на неудачу»¹⁶. Следовательно, требуется урегулирование процессов цифровизации общества посредством конституционно-правового воздействия, что невозможно без углубленного теоретического осмысления и доктринального обоснования. Именно поэтому процессы цифровизации общественных отношений являются предметом исследования науки конституционного права.

Существенное влияние цифровизации сказывается на состоянии прав человека. Цифровые технологии создают новые возможности реализации и определяют состояние защищенности фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Конституционно-правовой статус личности преобразуется, получает новое содержание. Перед законодателем стоит задача своевременного нормативно-правового регулирования процессов цифровизации прав человека, в первую очередь, нормами конституционного права. Как отмечает председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, «Фундаментальные права человека конкретизируются в законодательстве на каждом историческом этапе развития страны. Очевидно, наступило время их конкретизации применительно к цифровой реальности»¹⁷. Аналогичного мнения придерживается Н. В. Варламова: «Цифровизация существенным образом затрагивает практически все социальные

---

¹⁵ Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. — 2019. № 12. — С. 19.

¹⁶ Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. — 2016. — № 3. — С. 165.

¹⁷ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. — 2019. — 25 мая.

отношения, что требует переосмысления многих базовых юридических понятий. Одним из них являются права человека»¹⁸. Конкретизация прав человека относительно условий цифровой реальности осуществима посредством эффективной законодательной деятельности, основанной на теоретических разработках ученых-конституционалистов.

Механизмы воздействия цифровой сферы на развитие прав человека, а также возникающие в этой связи последствия вызывают научно-исследовательский интерес. Зарубежные и отечественные ученые-конституционалисты, приступая к осмыслению цифровизации, вырабатывают подходы к ее пониманию.

Представители белорусской научной школы конституционного права участвуют в данной дискуссии. Т. С. Масловская, используя лаконичную формулировку, утверждает, что «Digitalization (цифровизация) — это изначальное создание нового продукта в цифровой форме»¹⁹. В контексте цифровизации общества заслуживают внимания взгляды М. С. Абламейко и Г. А. Василевича, которые определяют, что с юридической точки зрения «информационное общество — это общество, в котором обработка и использование знаний и информации становятся основной производительной силой, а электронные технологии позволяют гражданам активно участвовать в экономической, социальной, культурной и политической деятельности»²⁰.

Директор Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан Р. К. Сарпеков считает цифровизацию одной из наиболее динамичных глобальных тенденций текущего десятилетия. Он убежден, что ее тотальное проникновение в жизнь современного казахстанского общества сформировало

---

¹⁸ Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — № 4. — С. 9.

¹⁹ Масловская Т. С. Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 9. — С. 19.

²⁰ Абламейко М. С., Василевич Г. А. Подготовка и принятие информационного кодекса Республики Беларусь — настоятельная потребность времени // Веснік БДУ. Сер. 3. — 2012. — № 2. — С. 99.

новую реальность, особенности которой заключаются в использовании цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности человека²¹.

В свою очередь, российские ученые-конституционалисты, изучая отдельные аспекты цифровизации общества, высказывают собственные подходы к ее пониманию. Так, С. А. Авакьян под цифровизацией понимает использование компьютерных технологий²². О. В. Танимов утверждает, что в техническом смысле цифровизация — это преобразование информации в цифровую форму, а также процесс, направленный на преобразование той или иной сферы жизнедеятельности посредством внедрения в нее цифровых технологий и инновационных технологических решений²³.

Е. Г. Стребкова полагает, что цифровизацию следует рассматривать в узком и широком значениях. В узком значении цифровизация — это преобразование информации в цифровую форму. В широком же значении цифровизация означает общемировую тенденцию развития общества, основанного на знаниях и информации²⁴.

Л. Н. Васильева и А. В. Григорьев, анализируя перспективы конституционного развития в свете цифровизации общества, определяют, что «в научно-техническом понимании термин «цифровизация» означает использование в сетях связи и телекоммуникаций высокоскоростных каналов связи, основанных на бинарном (двоичном) коде»²⁵.

---

²¹ Сарпеев Р. К. Цифровизация правового пространства // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. — 2020. — № 3(61). — С. 14.

²² Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 25.

²³ См.: Танимов О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 2. — С. 13.

²⁴ См.: Стребкова Е. Г. Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации // Правовая политика и правовая жизнь. — 2021. — № 1. — С. 220.

²⁵ Васильева Л. Н., Григорьев А. В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. — 2020. — № 10. — С. 45.

А. А. Саурин считает, что с точки зрения права цифровизация может рассматриваться как комплекс отношений по генерации, обработке и передаче информации на принципах двоичного кода²⁶.

Вышеприведенные дефиниции исследуемого понятия позволяют автору в рамках доктринального подхода рассматривать процессы цифровизации общества в широком и узком (юридическом) смыслах. В первом случае подчеркиваются инженерно-технические составляющие цифровизации общества: оцифровка информации (перевод реальной информации на электронные носители, ее двоичное кодирование, создание новой виртуальной среды), создание инфраструктуры для обеспечения целей цифровизации (к примеру, проведение кабелей для подключения к сети «Интернет») и, наконец, внедрение электронных устройств в повседневную жизнь. Данные составляющие отражают технический аспект цифровизации общества. С этой позиции под цифровизацией общества в наиболее широком смысле следует понимать процесс постепенного внедрения современных информационно-телекоммуникационных технологий в различные сферы общественных отношений.

В узком смысле, адаптированном под запросы юридической науки, говоря о цифровизации, диссертант акцентирует внимание на изменении содержания общественных отношений, регулируемых в том числе нормами конституционного права. В контексте проблематики прав человека и исходя из необходимости совершенствования понятийного аппарата науки конституционного права, автор дает собственное определение понятия цифровизации общества в узком смысле. В рамках настоящего исследования под цифровизацией общества понимается процесс внедрения в публично-правовые отношения возможностей информационно-телекоммуникационных технологий, влияющих на степень защищенности и особенности реализации отдельных конституционных прав и свобод человека.

---

²⁶ Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. — С. 27.

Ученые-конституционалисты не ограничиваются исследованием категориального аппарата цифровизации. Обсуждению подлежит необходимость отраслевого регулирования информационного пространства. Определяются конституционные права, наиболее подверженные цифровизации. За счет интерпретаций ученых российское законодательство адаптируется под реалии объективной технологичной действительности.

Вместе с тем большинство последствий цифровизации, имеющих конституционно-правовое значение, не исследовано. Отечественная конституционная доктрина цифровизации общества находится на начальном этапе своего оформления. Однако на сегодняшний день в вопросе оценки цифровизации общественных отношений взгляды отечественных ученых-конституционалистов могут быть сведены к нескольким положениям.

1. В настоящее время происходит *форсированная цифровизация общественных отношений*, являющихся объектом конституционно-правового регулирования. В юридической литературе ряд ученых данный процесс именуют «цифровым конституционализмом»²⁷. Круг вышеупомянутых отношений определен Конституцией РФ и представляет собой важнейшие, базовые взаимосвязи личности, общества и государства, затрагивающие основные сферы их жизнедеятельности. О необходимости переосмысления содержания рассматриваемых общественных отношений в связи с их цифровой трансформацией высказываются многие российские ученые-конституционалисты, в частности, В. Д. Зорькин, С. А. Авакьян, Э. В. Талапина, Н. В. Варламова, Н. С. Бондарь, А. Т. Карасев, О. А. Кожевников, В. В. Невинский и др.²⁸

---

²⁷ См., напр.: *Кравец И. А.* Конституционный символизм, модернизация Конституции и информационное общество (между учредительным и информационным конституционализмом для России) // *Lex russica*. — 2020. — № 1. — С. 46.

²⁸ *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире // *Российская газета*. — 2019. — 25 мая ; *Авакьян С. А.* Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // *Конституционное и муниципальное право*. — 2019. — № 7. — С. 23–28 ; *Талапина Э. В.* Права человека и цифровой суверенитет // *Государственная власть и местное самоуправление*. — 2020. — № 6. — С. 10–15 ; *Варламова Н. В.* Цифровые права — новое поколение прав человека? // *Труды Института государства и права РАН*. — 2019. — № 4. —

Новое информационное пространство служит местом возникновения конституционно-правовых отношений. В частности, длительное время правовые системы России и большинства зарубежных стран были ориентированы на регулирование общеизвестных и апробированных способов организации и проведения выборов и референдумов. В условиях развития цифровой реальности им на смену приходят институты «электронной демократии» с возможностями реализации избирательных прав граждан дистанционными способами. Указанные в качестве примера изменения безусловным образом определяют реализационный потенциал норм конституционного права. В целом уже сегодня признается необходимость соблюдения и защиты прав человека в новой, виртуальной среде. Генеральная Ассамблея ООН еще в 2013 г., а Совет Европы в 2014 г. провозгласили принцип, согласно которому те права, которые человек имеет «offline» (вне сети), должны защищаться и «online» (в сети). К данным рекомендациям прислушиваются государства с развитым конституционным правопорядком и вносят в собственное законодательство изменения, направленные на совершенствование правового статуса личности в сети «Интернет».

2. Конституционализация информационного пространства основана на цифровых технологиях. Данная идея базируется на конституционно-правовой природе цифровизации общества. Виртуальная среда и отношения, складывающиеся в ней, должны следовать принципам, изложенным в Конституции РФ.

Цифровизация общественных отношений, являющихся объектом конституционного права, и конституционализация виртуальной среды — это

С. 141–167 ; *Бондарь Н. С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. — 2019. — № 11. — С. 25–42 ; *Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мецерегина В. А.* Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. — Т. 19. — № 3. — С. 99–119 ; *Невинский В. В.* Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10. — С. 26–32.

обоюдный, взаимосвязанный процесс. Верно подметила Т. Я. Хабриева: «В условиях новой реальности право становится не только инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия «цифровизации», в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, механизма действия»²⁹.

Представленные идеи ученых-конституционалистов в основном прослеживаются в научных статьях. Отсутствуют комплексные диссертационные исследования, раскрывающие конституционно-правовые аспекты цифровизации общества. Перед конституционным правом как отраслью юридической науки возникают беспрецедентные задачи. Предстоит ответить на множество актуальных вопросов, начиная от способностей нового информационного пространства поддаваться нормативно-правовому воздействию и заканчивая проблематикой реализации отдельных конституционных прав человека в виртуальной среде.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что учеными-конституционалистами предпринимаются попытки теоретического осмысления цифровизации общества, выделяются ее основные конституционно-правовые аспекты. В связи с этим можно говорить о начавшемся процессе формирования доктринального конституционно-правового подхода к анализу цифровизации общества. Однако отсутствует четкое понимание закономерностей и последствий цифровой трансформации. Доктринальная интерпретация объективной действительности в перспективе позволит разрешить спорные конституционно-правовые вопросы, возникающие вследствие цифровой трансформации.

Рассмотрев доктринальное обоснование цифровизации общества, перейдем к легальному подходу, отражающему законодательное понимание цифровизации

---

²⁹ Хабриева Т.Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85.

и связанные с ней направления применения информационных технологий в Российской Федерации.

Цифровая трансформация общественных отношений сопровождается правотворческими попытками урегулировать данную сферу. В российском праве с середины 1990-х гг. в разных контекстах содержатся упоминания о цифровизации. Впервые о проблемах цифровизации сказано в Указе Президента РФ от 11 января 1995 г. № 31³⁰, где с целью предоставления населению услуг мобильной связи предлагается использовать цифровую систему передачи информации. Ее новизна связывалась с действием двоичного кодирования. Также приказом Госкомитета по связи и информации РФ от 19 октября 1998 г. № 187³¹ определено, что цифровизация, сущность которой заключается в создании цифровых каналов передачи информации, выступает одной из причин существенных структурных и технических изменений первичных сетей связи России. Как видим, первые шаги цифровизации связаны с необходимостью поэтапного технического усовершенствования имеющихся сетей связи в России.

В Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)»³² была определена задача внедрения информационных технологий в деятельность органов государственной власти и предоставления на их основе услуг населению. Тем самым предпринимается попытка усовершенствования сферы государственного управления, повышения транспарентности властных структур, а также создания цифровых механизмов их взаимодействия с гражданами.

В ныне не действующей Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 7 февраля

---

³⁰ О Президентской программе «Российский народный телефон» : указ Президента РФ от 11 января 1995 г. № 31 // СПС «Консультант Плюс».

³¹ Об утверждении Правил технической эксплуатации первичных сетей Взаимоувязанной сети связи Российской Федерации : приказ Госкомсвязи РФ от 19 октября 1998 г. № 187 (с изм. от 12.07.2001) // СПС «Консультант Плюс».

³² О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» : постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 (ред. от 09.06.2010) // СПС «Консультант Плюс».

2008 г. № Пр-212³³, была поставлена цель формирования и развития информационного общества, которое, в отличие от традиционного общества, характеризуется высоким уровнем развития информационно-коммуникационных технологий, имеющих общественный запрос. Уделяется отдельное внимание вопросам построения информационного общества. Дело в том, что между цифровизацией и информационным обществом существует непосредственная взаимосвязь, в которой первая выступает инструментом для создания второго. Отсюда создание информационного общества можно рассматривать как результат цифровизации общественных отношений, подконтрольный государству и отвечающий запросам общества.

Далее в постановлении Правительства РФ от 3 декабря 2009 г. № 985³⁴ говорится о создании системы цифровизации фондовых материалов телерадиовещания путем их перевода в цифровой формат. Суть концепции данной программы состоит в формировании на территории Российской Федерации единого информационного пространства, первоочередной задачей которого является развитие цифрового телерадиовещания, направленного, в частности, на обеспечение свободы массовой информации и конституционного права человека на информацию.

Правительство РФ, утверждая стратегии социально-экономического развития федеральных округов России, определило такие общие направления их цифровизации, как создание единого информационного пространства, переход к цифровому телерадиовещанию, цифровизация телефонных сетей связи, компьютеризация и интернетизация населения³⁵. Для отдельных федеральных

---

³³ *Стратегия* развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) // Российская газета. — 2008. — 16 февр.

³⁴ *О федеральной целевой программе «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы : постановление Правительства РФ от 3 декабря 2009 г. № 985 (ред. от 14.12.2018) // СПС «Консультант Плюс».*

³⁵ *Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р (ред. от 26.12.2014) // СПС «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития*

округов были поставлены задачи по созданию проекта цифровой школы XXI века (Северо-Западный федеральный округ³⁶), цифровизации сети «Интернет» и внедрению цифровой подписи в систему электронного документооборота (Центральный федеральный округ).

Уже к 2013 г. Правительство РФ отмечает следующие результаты цифровизации общественных отношений: «Этапы качественного развития большинства отраслей (энергетики, медицины, образования и др.) и государственного управления связаны с внедрением информационных технологий»³⁷.

Следующая государственная программа по созданию российского информационного общества, утвержденная постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313³⁸, сформулировала направления деятельности, к числу которых относится совершенствование государственных гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере.

Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на период до 2030 г.³⁹ Программный документ акцентирует внимание на мерах по развитию информационного общества, необходимости формирования национальной

Уральского федерального округа до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2011 г. № 1757-р (ред. от 26.12.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ *Об утверждении* Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 18 ноября 2011 г. № 2074-р (ред. от 26.12.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ *Об утверждении* Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р (ред. от 18.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸ *Об утверждении* государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 16.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 18 (ч. 2). — Ст. 2159.

³⁹ *О Стратегии* развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.

цифровой экономики, обеспечения прав граждан на доступ к информации и иных аспектах. В настоящей Стратегии даны определения ряда понятий, взаимосвязанных с цифровизацией общества. Так, под информационным обществом понимается общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан (пп. «г» п. 4). Данная легальная дефиниция подтверждает тезис о взаимосвязи процессов цифровизации и создания информационного общества, так как в современных условиях именно электронные технологии способны обеспечить обозначенный уровень доступности информации.

Экономика, как уже было отмечено ранее, одной из первых ощутила на себе воздействие цифровизации. Подтверждением тому является активная отечественная нормотворческая деятельность по цифровизации финансовой системы, промышленности, сельского хозяйства и иным отраслям экономики⁴⁰. Данная тенденция сохраняется, в Российской Федерации реализуется национальный проект «Цифровая экономика»⁴¹. Важным направлением указанного проекта является нормативное регулирование виртуальной среды. В результате законодателем были внесены изменения в гражданское законодательство, где появилась ст. 141.1 ГК РФ, закрепляющая новые цифровые

---

⁴⁰ См: *Об утверждении* государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 320 (ред. от 31.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс» ; *Об утверждении* государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 (ред. от 16.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс ; *Об утверждении* Концепции развития государственной информационной системы промышленности : приказ Минпромторга России от 23 июня 2016 г. № 2091 (ред. от 12.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹ *Паспорт* национального проекта «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

права⁴². Также законодательными новеллами стали экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций, налоговый маневр в IT-отрасли, цифровые финансовые активы и цифровая валюта⁴³.

Цифровая трансформация является одной из целей развития Российской Федерации на период до 2030 г.⁴⁴ Показателем ее достижения признается, в том числе, «цифровая зрелость» ключевых отраслей экономики.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что анализ законодательства РФ, посвященного регламентации процессов цифровизации, позволяет сформулировать легальный подход к ее пониманию, основанный на следующих положениях. Во-первых, в Российской Федерации на уровне нормативных правовых актов подзаконного характера признается и регулируется наличие процесса цифровой трансформации общественных отношений. Во-вторых, в законодательстве РФ отражаются как планы, так и результаты цифровизации различных сфер общественной жизни. В-третьих, нормативное регулирование преимущественно осуществляется путем издания программно-стратегических актов (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ). Преследуется цель развития цифровой экономики и построения информационного общества. Последнее характеризуется высоким уровнем применения и доступности информации, что в современных условиях возможно только за счет внедрения цифровых технологий в различные сферы общественной жизни. По сути,

---

⁴² *О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации* : федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 12. — Ст. 1224.

⁴³ *Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации* : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5017 ; *О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации* : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 265-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5024 ; *О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5018.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: *О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года* : указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 14.12.2020).

цифровизация — это постепенный процесс, результатом которого являются создание и дальнейшее развитие информационного общества. И наконец, в-четвертых, несмотря на упоминания о цифровизации в российском праве с конца 1990-х гг., до сих пор законодателем не сформировано полное представление о нем. В российских нормативных правовых актах главным образом речь идет о построении информационного общества.

Таким образом, анализ доктринального и легального подходов в оценке цифровизации общества позволил установить следующее. Цифровизация является объективным условием развития современного общества. Внедрение и применение информационных технологий влияет на выстраивание общественных отношений, возникающих между личностью, обществом и государством, а также на степень защищенности и возможности реализации прав человека. В этой связи процессы цифровизации общественных отношений являются предметом исследования науки конституционного права. Ученые-конституционалисты, подвергая цифровую трансформацию теоретическому осмыслению, формулируют основные идеи, сводимые к положениям о цифровизации общественных отношений, выступающих объектом конституционно-правового регулирования, а также о конституционализации информационного пространства, основанного на цифровых технологиях.

Несмотря на наличие приведенных идей, конституционно-правовая доктрина цифровизации общества находится на начальном этапе своего оформления. В целях ее развития автором раскрывается доктринальный подход к пониманию сущности процессов цифровизации общества. В наиболее широком смысле под цифровизацией общества следует понимать процесс постепенного внедрения современных информационно-телекоммуникационных технологий в различные сферы общественных отношений. В данном случае речь идет об оцифровке информации (ее двоичном кодировании), применении цифровых технологий, появлении новой виртуальной среды, создании инфраструктуры для передачи информации населению.

Учитывая, что цифровизация трансформирует содержание общественных отношений, традиционно регулируемых нормами конституционного права, в контексте проблематики прав человека, а также исходя из необходимости совершенствования понятийного аппарата науки конституционного права, дадим собственное определение понятия цифровизации общества в узком, юридическом смысле. *Под цифровизацией общества понимается процесс внедрения в публично-правовые отношения возможностей информационно-телекоммуникационных технологий, влияющих на степень защищенности и особенности реализации отдельных конституционных прав и свобод человека.*

Легальный подход к пониманию цифровизации общества представлен в российских нормативных правовых актах, преимущественно подзаконного характера. Он отражает государственную политику в области применения информационных технологий в Российской Федерации. К настоящему моменту стратегически приоритетной является цель создания российского информационного общества, основанного на информации и знаниях. Цифровизация же, как процесс внедрения информационных технологий в жизнь общества, является необходимым средством достижения поставленной цели.

Всестороннее рассмотрение вопросов цифровизации общества требует сопоставления сформулированных доктринального и легального подходов. Если в юридическом сообществе обсуждаются вопросы цифровизации, то в российских нормативных правовых актах речь идет об информатизации общества. Такие терминологические разночтения объясняются тем, что конституционалисты подвергают осмыслению существующие технологические процессы, которые в настоящее время определяют состояние и перспективы развития прав человека. Государство же стратегически определяет приоритетные цели развития общества. В результате внимание акцентируется на различных понятиях, содержание которых вместе с тем отражает единую тенденцию цифровой трансформации общественных отношений.

1.2. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества

В политико-правовой доктрине права человека всегда занимали значимое место. Публично-правовая среда (племя, род, община, полис, княжества, государства) на протяжении разных исторических периодов диктует условия реализации и защиты прав человека. По данному поводу точное сравнение привела Е. А. Лукашева: «Античный раб свободнее первобытного дикаря, средневековый крепостной свободнее античного раба, а наемный рабочий раннебуржуазного общества свободнее средневекового крепостного»⁴⁵. Восхождение человека от состояния, полностью зависящего от среды, к состоянию свободы ознаменовывает эволюцию его прав. Человечество преодолело долгий путь к тому, чтобы права человека приобрели универсальный характер, глобальное звучание и признавались высшей ценностью как международным сообществом, так и внутри каждого государства.

Цифровизация общественных отношений, возникающая на рубеже XX–XXI вв., выступает современным условием развития прав человека. Технологическая революция, приведшая к появлению цифровых устройств в быту и на производстве, трактует новые свойства и особенности жизни общества. Информатизация, интернетизация и компьютеризация — эти современные тенденции затрагивают большинство сфер жизнедеятельности человека. Вследствие чего, подчеркивает А. В. Туликов, «Права человека получают новую цифровую среду для их осуществления»⁴⁶. Порожденная цифровизацией новая внешняя среда приводит к изменению интересов и ценностей людей, создавая новые условия их существования.

Виртуальная среда становится объектом как внутригосударственного, так и международно-правового регулирования. В возникших условиях национальное

---

⁴⁵ Лукашева Е. А. Общая теория прав человека / В. А. Карташкин, Н. С. Колесова, А. М. Ларин [и др.]. — Москва : «Норма», 1996. — С. 3.

⁴⁶ Туликов А. В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития : теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Туликов Алексей Викторович. — Москва, 2017. — С. 11.

правотворчество сводится к новой интерпретации и перенесению выработанного для традиционной среды объема прав человека и конституционного механизма их защиты на виртуальное пространство. Кроме того, процессы цифровизации приводят к законодательному оформлению новых цифровых прав, имеющих публично-правовой характер и расширяющих юридический статус личности (право на забвение, право на доступ к сети «Интернет» и др.). Отсюда следует констатировать, что цифровизация общественных отношений изменяет ранее существовавшие представления о правах человека. Расширяется среда их использования, законодательное оформление получают новые меры возможного поведения личности.

Новый этап развития прав человека требует пересмотра концептуального подхода к их исследованию. Оптимизация национальной правовой системы под современные цифровые условия жизнедеятельности граждан должна основываться на обновленных положениях конституционной доктрины. Законодательные реформы в области прав человека в первую очередь связаны с новым конституционно-правовым регулированием, так как последнее по определению имеет базовый характер для российской правовой системы. К тому же высказанный тезис обретает весомость в связи с происходящим в настоящее время процессом конституционализации российского законодательства.

Эффективное законодательное реформирование невозможно без понимания конкретных последствий цифровизации для института прав человека. В юридической науке все еще отсутствует ясность, каким образом действуют конституционные права человека в виртуальной среде, каким угрозам и рискам подвергаются и, самое главное, эффективен ли существующий правовой механизм их защиты. Для получения ответов на поставленные вопросы рассмотрим, каким образом процессы цифровизации общества влияют на развитие прав человека.

Во-первых, возникают новые способы реализации прав человека. Виртуальная среда выступает новым местом, где (помимо реальной

действительности) личность имеет возможность реализовать свои конституционные права и свободы.

Из буквального анализа положений гл. 2 Основного закона следует, что цифровизация в контексте тематики прав человека не выступает объектом конституционно-правового регулирования. Это связано с тем, что в момент принятия Конституции РФ в 1993 г. из-за низкого уровня цифрового развития российского общества и государства отсутствовала законодательная потребность в непосредственном урегулировании данной сферы. К настоящему моменту ситуация изменилась. Цифровая трансформация общественных отношений объективно влияет на правовое положение личности.

Усложненный порядок пересмотра положений гл. 2 Конституции РФ нивелирует возможные инициативы по внесению изменений в рассматриваемую главу. Именно поэтому при стабильности конституционного материала в результате правоприменительной практики изменяются способы реализации имеющихся прав человека. При этом привычные традиционные способы реализации прав человека, остаются, действуя параллельно с новыми. Приведем ряд примеров. Право на информацию, гарантированное ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, состоит в возможности ее свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения. В современных цифровых условиях развития общества существенная часть информации опосредуется и транслируется посредством сети «Интернет», гаджетов и телевидения. Следовательно, конституционное право человека на информацию реализуется не только в физической реальности, но и в виртуальной среде.

В ряде субъектов РФ граждане имеют возможность проголосовать на избирательном участке (традиционный способ) либо осуществить ДЭГ в удаленном режиме (новый способ). Тем самым избиратели по собственному усмотрению определяют, как претворить в жизнь свое активное избирательное право, гарантированное им ч. 2 ст. 32 Конституции РФ.

Конституционное право на получение образования, закрепленное в ч. 1 ст. 43 Конституции РФ, частью обучающихся осуществляется исключительно посредством дистанционных образовательных технологий. Более подробному анализу трансформации способов реализации отдельных прав человека посвящен отдельный параграф настоящего исследования.

Изменения в механизме реализации отдельных конституционных прав настолько существенны, что новые способы в большинстве своем постепенно вытесняют устаревшие. Так, право на получение информации, о котором было сказано ранее, в современных условиях ассоциируется с виртуальной средой. При этом способы получать информацию из печатных новостных изданий представляются гражданам архаичными. Аналогичная ситуация и в случае мгновенной огласки экологических проблем в сети «Интернет», что подтверждает распространенность нового способа реализации права каждого на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды (ст. 42 Конституции РФ).

Ранее гражданами оплата товаров и услуг производилась только посредством наличных расчетов, теперь же активно используются безналичные способы оплаты: онлайн-переводы денежных средств, банковские карты, бесконтактная оплата смартфонами). Тем самым новые способы реализации конституционного права на пользование и распоряжение имуществом (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ) постепенно приходят на смену традиционному способу.

Как видим, цифровые технологии встраиваются в существующие общественные отношения, образуют новые возможности реализации конституционных прав человека, вытесняя традиционные.

Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о цифровизации способов реализации традиционных конституционных прав человека.

Во-вторых, появляются новые, цифровые права человека. Помимо цифровизации способов реализации конституционных прав человека, виртуальная среда порождает ранее не известные общественные отношения, которые приводят

к образованию новых, цифровых прав человека, имеющих публично-правовую природу. Как отметил председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, «цифровизация социальной жизни привела к появлению так называемых цифровых прав ... Цифровые права человека — это конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, — применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации»⁴⁷.

Несмотря на то, что впервые термин «цифровые права» закреплен в гражданском законодательстве, он используется не только цивилистами, но и учеными-конституционалистами. В 2019 г. в ГК РФ была внесена ст. 141.1 под названием «Цифровые права». В ней цифровые права определены как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам⁴⁸. А. В. Нестеров дал следующий комментарий законодательной новелле: «Проектировщики закона пошли навстречу модному тренду цифровизации и, наверное, предусмотрительно переложили обязанности по определению информационной сущности «цифры» на лиц, готовящих проекты законов по информационному праву...»⁴⁹. Как результат, термин «цифровые права» был введен в российское законодательство в частноправовом значении. Однако в науке конституционного права в указанный термин вкладывается иной, публично-правовой смысл. Э. В. Талапина по данному поводу отметила: «Цифровые права во всем мире понимаются в контексте прав человека и публичного права. Умудрившись внедрить это понятие в Гражданский кодекс, Россия вновь утвердилась в роли диссонатора континентальной правовой

---

⁴⁷ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. — 2019. — 25 мая.

⁴⁸ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁹ Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. — 2020. — № 1. — С. 12.

системы»⁵⁰. Н. В. Варламова также считает, что в зарубежной и российской литературе понятие цифровых прав утвердилось в публично-правовом значении, охватывающем права человека, связанные с использованием современных цифровых технологий⁵¹. Таким образом, с позиции публичного права под цифровыми правами следует понимать законодательно предусмотренные возможности конституционно-правового характера, не связанные с обязательственными правоотношениями.

Кроме того, понятийные разночтения, сложившиеся между цивилистами и учеными-конституционалистами, отнюдь не стали препятствием для закрепления в законодательстве РФ права на забвение, которое является цифровым правом в публично-правовом смысле, однако де-юре не названо таковым. На основании изложенного автор настоящего исследования использует общеупотребительное в конституционной теории понятие цифровых прав, имеющее публично-правовой характер.

В нормах международного права и национальных законодательствах не содержится исчерпывающего каталога цифровых прав человека. В российской юридической науке ученые-конституционалисты полемизируют относительно классификации рассматриваемых прав. В. В. Невинский к их числу относит «право на доступ к электронной сети, право свободного общения и выражения мнения в сети, право на частную неприкосновенность и обеспечение защиты сетевого общения»⁵².

---

⁵⁰ Талатина Э. В., Антопольский А. А., Монахов В. В. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект : монография / отв. ред. Э. В. Талапина. — Москва : Проспект, 2021. — С. 141.

⁵¹ Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2019. — Т. 14. — № 4. — С. 13.

⁵² Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10. — С. 26.

Н. В. Варламова утверждает, что наиболее часто к цифровым правам относят «право на забвение (право на удаление), право на доступ к Интернету и право на защиту персональных данных»⁵³.

Э. В. Талатина выделяет право на доступ к Интернету, право на защиту персональных данных, а также «отпочковавшиеся» от него совершенно новые — право на забвение и право на цифровую смерть⁵⁴.

И. А. Зайцев акцентирует внимание на следующих видах цифровых прав нового поколения: право на уважение частной (личной) жизни в информационном пространстве, право на забвение (или право быть забытым), право на свободу выражения своего мнения в информационном пространстве и право на использование сети «Интернет»⁵⁵.

Таким образом, в конституционно-правовой доктрине не выработан единый подход для отнесения правомочий личности в виртуальной среде к числу цифровых прав. Это связано с тем, что отсутствует понимание того, на каком основании те или иные притязания человека в виртуальной среде следует относить к цифровым правам (в их публично-правовом смысле). Более того, учеными-конституционалистами все еще не определен критерий отграничения цифровых прав от конституционных прав человека, способ реализации которых подвергся цифровизации.

В связи с этим автором обосновывается следующий критерий отграничения вышеуказанных прав. Во-первых, конституционные права человека, способ реализации которых подвергся цифровизации, и цифровые права имеют разное содержание. Цифровые права, в отличие от конституционных прав, не встраиваются в традиционные (материальные) общественные отношения, так как

---

⁵³ Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2019. — Т. 14, — № 4. — С. 26.

⁵⁴ Талатина Э. В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. — 2019. — № 2. — С. 41.

⁵⁵ Зайцев И. А. Права и обязанности физического лица, привлекаемого к административной ответственности, в условиях развития цифровой коммуникации (часть 1. Новое поколение прав человека в информационном пространстве (цифровые права)) // Административное право и процесс. — 2022. — № 12. — С. 45–48.

образуют новые, ранее неизвестные общественные отношения, складывающиеся только в виртуальном мире. Во-вторых, цифровые права обязательно связаны с функционированием информационно-коммуникационных технологий и не могут быть осуществлены в отрыве от них. Напротив, конституционные права, способ реализации которых подвергся цифровизации, могут быть реализованы как онлайн, так и офлайн способами.

Предложенное обоснование критериев усилим следующим примером из законодательства и правоприменительной практики. В соответствии с ч. 1 ст. 10.3 Федерального закона № 149 оператор поисковой системы, распространяющий в сети «Интернет» рекламу, по требованию гражданина обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства РФ, являющейся недостоверной, неактуальной либо утратившей значение для заявителя. В указанной норме раскрыто так называемое «право на забвение». Поскольку поисковые запросы в сети «Интернет» являются внутренними сетевыми механизмами, постольку воспользоваться правом на забвение можно только в виртуальной среде. Оно неосуществимо вне цифровой, т.е. материальной, среде. Следовательно, рассматриваемое цифровое право не связано со встраиванием в традиционные (невиртуальные) общественные отношения, а создает новые в виде взаимодействия оператора поисковой системы, пользователя сети «Интернет» (заявителя) и, в ряде случаев, суда.

На основании изложенного анализа считаем, что к числу цифровых прав, имеющих публично-правовой характер, относятся право на доступ к сети «Интернет», право на цифровую смерть, а также ранее упомянутое нами право на забвение. Из них к настоящему моменту в российском законодательстве закреплено только право на забвение. Первоначально ЕСПЧ сформулировано⁵⁶, а

---

⁵⁶ Дело Компании «Google Spain SL и Google Inc. против Агентства по защите персональных данных Испании (AEPD) и Марио Костеха Гонсалеса (Google Spain SL and Google Inc. v. Agencia Espanola de Proteccion de Datos (AEPD) and Mario Costeja Gonzalez) (Дело

затем Европейским парламентом и Советом Европейского Союза⁵⁷ утверждено право на удаление, позднее ставшее известным как «право на забвение». Европейским Союзом был использован рамочный подход к определению содержания права на забвение. Согласно данному подходу субъект сетевого общения наделяется возможностью при определенных обстоятельствах потребовать от контролера (субъекта обработки персональных данных) незамедлительного удаления персональных данных, относящихся к нему и размещенных в общедоступных источниках.

Российский законодатель избрал путь конкретизации права на забвение применительно к виртуальной среде: согласно ст. 10.3 Федерального закона № 149 физическое лицо вправе потребовать от оператора поисковой системы прекращения выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющего получить доступ к информации о заявителе, которая по его мнению, утратила свою актуальность в силу действий самого заявителя или последующих событий.

Отметим, что аналогичный подход верифицирован и успешно используется в Федеративной Республике Германия⁵⁸. Его логика сводится к тому, что большинство интернет-пользователей получают информацию путем ввода определенного запроса в поисковую строку браузера. На различных интернет-сайтах скапливается всевозможная информация, к которой относятся также сведения, посягающие на права и законные интересы физических и юридических лиц. Полная фильтрация контента, размещаемого на интернет-сайтах, практически невозможна. Однако в целях защиты конституционных прав человека ст. 10.3 Федерального закона № 149 позволяет влиять на оператора

№ С-131/12СJEU) (Большая Палата) : постановление Европейского Суда Справедливости от 13 мая 2014 г. // СПС «Гарант».

⁵⁷ *О защите* физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС : регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁸ *Milker J.* Die Umsetzung des «Rechts auf Vergessenwerden» im deutschen Recht: Der Datenschutz als Taktgeber für das Äußerungsrecht. — Springer-Verlag, 2019. — S. 48.

поисковой сети, в полномочия которого входит техническая возможность удаления указателя страницы сайта.

При реализации данной нормы возникают проблемы, требующие решения. Как отмечает Н. С. Бондарь, «Конституционный Суд РФ разрешает новые по своей природе противоречия и коллизии при защите прав человека в информационно-цифровом пространстве»⁵⁹. Вышесказанное подтверждается следующими материалами судебной практики. Определением от 26 ноября 2018 г. № 3087-О Конституционный Суд РФ⁶⁰ признал право на забвение производным от права на частную жизнь, гарантированного ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, тем самым определив его конституционно-правовую природу.

Указанным определением также разъяснено, что при реализации положений ст. 10.3 Федерального закона № 149 суду общей юрисдикции следует находить баланс между двумя конституционно защищаемыми ценностями: доступом граждан к информации и защитой прав граждан при ее распространении. Отказ гражданину в реализации его права на забвение не исключается в тех случаях, когда в приоритет поставлен общественный доступ к информации, имеющий в той или иной ситуации безусловное доминирующее значение. Примером выступает судебный спор российского актера С. В. Безрукова и АО «Ньюс Медиа», дошедший до Конституционного Суда РФ. АО «Ньюс Медиа» в печатном периодическом издании опубликовало фотографии С. В. Безрукова, сделанные журналистами тайно, без его согласия. Суд общей юрисдикции, сославшись на публичность С. В. Безрукова, лишь частично удовлетворил его исковые требования. В результате чего С. В. Безруков обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой об оспаривании конституционности п. 1

---

⁵⁹ Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. — 2019. — № 11. — С. 25.

⁶⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктов 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 3087-О // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 152.2 ГК РФ, позволяющей в случае публичности личности распространять сведения о его частной жизни.

Определением от 12 февраля 2019 г. № 274-О⁶¹ Конституционный суд РФ, принимая во внимание публичность российского актера А. В. Безрукова, отказал в удовлетворении его жалобы и сослался на тот факт, что публичность предполагает общественный интерес к его частной жизни. Отсюда — распространение в информационной сети сведений о публичной личности законно, но при условии недопустимости опубликования негативных сведений в отношении лица, а также сведений об интимных аспектах его жизни. Аналогичная правовая позиция прослеживается и в иных решениях высшего судебного органа конституционного контроля⁶².

В продолжение выработанной правовой позиции Конституционный Суд РФ определением от 26 марта 2019 г. № 849-О⁶³ признал публичную значимость лица в качестве основания для ограничения права на забвение. При этом такие понятия из ст. 10.3 Федерального закона № 149, как «неактуальная информация» и «информация, утратившая для заявителя значение в силу последующих событий или его действий», по мнению Конституционного Суда РФ, являются

---

⁶¹ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 274-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁶² *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб Безруковой Анны Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского Кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 275-О // СПС «КонсультантПлюс» ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Леоновой Ирины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского Кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 698-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁶³ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр «Сова» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 849-О // СПС «КонсультантПлюс».

оценочными и получают содержание при рассмотрении каждого отдельного судебного спора.

Дополнительно раскрыт конституционный смысл ст. 10.3 Федерального закона № 149 в уже упомянутом определении Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 274-О, где право на забвение определяется в качестве самостоятельного внесудебного способа защиты прав личности. Кроме того, в целом отмечается потенциальная опасность сетевых средств массовой информации для неприкосновенности частной жизни.

Вместе с тем право на доступ к сети «Интернет» и право на цифровую смерть остаются без должного внимания российского законодательства.

В современную эпоху только при использовании сети «Интернет» возможно полноценное претворение в жизнь положений ч. 4 ст. 29 Конституции РФ о праве каждого на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом. Очевидно, что сегодня сеть «Интернет» является обязательным условием получения подавляющего объема информации. Поэтому право на доступ к сети «Интернет» является предпосылкой осуществления всех цифровых прав, а также отдельных конституционных прав человека, подвергшихся цифровизации. Не случайно Н. В. Варламова подчеркивает, что «Право на доступ к Интернету является базовым, поскольку все иные цифровые права производны от использования Интернета»⁶⁴.

Право на доступ к сети «Интернет» включает в себе базовые притязания личности на осуществление беспрепятственного доступа к информационной сети, служащей инструментом реализации отдельных конституционных прав. В международных правовых актах⁶⁵ и в законодательстве ряда зарубежных

---

⁶⁴ Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2019. — Т. 14. — № 4. — С. 23.

⁶⁵ См., напр.: Доклад А/НРС/17/27 Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю (представлен 16 мая 2011 г. на 17-й сессии Совета по правам человека ООН) // URL: https://www.un.org/ru/rights/expression/hr_special_rapporteur.shtml (дата обращения: 04.03.2022) ;

государств (Греции, Коста-Рики, Франции, Эстонии и др.)⁶⁶ рассматриваемое право закреплено именно в таком контексте. Наглядным примером выступает установление в ч. 6 ст. 35 Конституции Португалии гарантии каждому на «свободный доступ к информационным сетям общественного пользования»⁶⁷.

В Российской Федерации сеть «Интернет» как технология находится в плоскости как гражданско-правового, так и публично-правового регулирования. С одной стороны, доступ к информационной сети регламентируется законодательством о связи⁶⁸ и гл. 39 «Возмездное оказание услуг» ГК РФ. С другой стороны, согласно ч. 5 ст. 8 Федерального закона № 149 органы публичной власти «обязаны обеспечивать доступ, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», к информации о своей деятельности...». В данном контексте речь идет о праве на доступ к информации в сети «Интернет», касающейся вопросов деятельности органов публичной власти, а не на доступ к самой цифровой технологии — сети «Интернет».

От наличия доступа к сети «Интернет» зависит осуществление ряда прав и свобод личности, поэтому право на доступ к указанной сети необходимо в рамках публично-правовых отношений, источником регулирования которых, в первую очередь, выступает отрасль конституционного права. Так, Федеральным законом от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ⁶⁹ гражданину предоставлено право подачи жалобы в призывную комиссию субъекта РФ в электронном виде с использованием

Об универсальных услугах и правах пользователей в отношении сетей электронных коммуникаций и услуг : директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 7 марта 2002 г. № 2002/22/ЕС // СПС «Гарант» ; По делу «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» (жалоба № 3111/10) : постановление Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶ Хуснутдинов А. И. Право на доступ в Интернет — новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 4. — С. 114.

⁶⁷ Конституция Португальской Республики от 25 апреля 1974 г. // URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).

⁶⁸ О связи : федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁹ О воинской обязанности и военной службе : федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Портала государственных и муниципальных услуг. Также посредством сети «Интернет» может быть реализовано гарантированное ст. 33 Конституции РФ право граждан обращаться не только лично, но и направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы публичной власти. В этих условиях при отсутствии доступа к сети «Интернет» для граждан снижаются возможности в реализации конституционных прав.

Обеспечение права на доступ к сети «Интернет» является юридическим условием для преодоления проблемы, известной как «цифровой разрыв». Этот разрыв означает ограничение возможностей отдельных лиц и социальных групп из-за отсутствия доступа к информационно-телекоммуникационным технологиям. Проблема цифрового разрыва признана государствами на международном уровне. Так, в рамках Второй всемирной встречи на высшем уровне Всемирного саммита по информационному обществу, которая состоялась в 2005 году в Тунисе под эгидой ООН, была разработана Программа для информационного общества. В этом документе подчеркивается, что для решения проблемы «цифрового разрыва» требуются адекватные и устойчивые инвестиции в информационно-коммуникационную инфраструктуру и услуги на основе таких технологий, а также создание потенциала и передачи технологии в течение многих предстоящих лет. Согласно Отчету «Измерение цифрового развития: факты и цифры 2021»⁷⁰ Международного союза электросвязи ООН, 37% населения Земли, что составляет 2,9 миллиарда человек, до сих пор никогда не имели опыта использования Интернета.

Конституционной основой для преодоления проблемы цифрового разрыва выступает ч. 2 ст. 19 Конституции РФ. Данная норма гласит: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности

---

⁷⁰ *Measuring digital development: Facts and figures 2021* // URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2021/> (дата обращения: 12.05.2022).

к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». В современных условиях государство должно обеспечивать равные возможности для беспрепятственного доступа к сети «Интернет» для всех лиц, независимо от их пола, расы, национальности, убеждений и других вышеперечисленных обстоятельств. Полагаем, законодательное закрепление права на доступ к сети «Интернет» будет способствовать решению проблемы цифрового разрыва.

Закрепление права на доступ к сети «Интернет» имеет важное значение, так как оно обеспечивает личности ощущение защищенности в цифровых коммуникациях и предоставляет необходимую правовую основу для защиты своих законных интересов в суде. Особая актуальность юридизации исследуемого права заключается в том, что доступ к сети «Интернет» является жизненно важным для лиц, работающих в виртуальной среде, таких как владельцы веб-сайтов, IT-специалисты, специалисты в области интернет-рекламы и др. Это также касается лиц, извлекающих коммерческую пользу из сети «Интернет» (владельцы прибыльных аккаунтов в социальных сетях, интернет-магазинов, блогеры и др.). Право на доступ к Интернету может обеспечить необходимую защиту и равные возможности для всех, кто в своей коммерческой деятельности зависит от виртуальной среды.

На основании представленного выше анализа предлагается внести изменения в Федеральный закон № 149, а именно: дополнить статью 8 частью 4.1 следующего содержания: «Каждый имеет право на беспрепятственный доступ к информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети „Интернет“, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Ограничение права на доступ к информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети „Интернет“, возможно при

соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации» (см. Приложение 1). Данные изменения направлены на совершенствование правового статуса человека в той части, где реализация его прав и свобод в публично-правовых отношениях, охраняемых Конституцией РФ, зависит от возможностей доступа к сети «Интернет».

Право на цифровую смерть связано с вопросами защиты персональных данных человека после его биологической смерти. В будущем общество может столкнуться с растущим в социальных сетях числом неудаленных аккаунтов умерших людей, что может актуализировать проблему конфиденциальности и доступа к данным умерших. «Поколение Z»⁷¹, как описано американскими учеными В. Штраусом и Н. Хоувом, рождено после 2000 г. и отличается тем, что с самых ранних лет активно использует сеть «Интернет» и проводит много времени в виртуальной среде, включая социальные сети. Поколение, для которого цифровое существование и передача собственных аккаунтов будет иметь принципиальное значение, только начало переступать рубеж совершеннолетия и в массовом порядке не интересуется правовой судьбой собственного цифрового пространства после наступления их смерти⁷². Следовательно, для представителей данного поколения будет важна судьба цифровых аккаунтов после их смерти. Принимая во внимание данное соображение, право на цифровую смерть выступает юридической возможностью будущего. Оно предполагает предоставление заявления администратору социальной сети либо иного информационного портала в сети «Интернет» с приложением необходимых документов, подтверждающих смерть владельца аккаунта. Данная процедура завершается удалением виртуального профиля умершей личности и, при необходимости, передачей родственникам доступа к его данным.

---

⁷¹ Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2015. — № 1(1). — С. 94.

⁷² Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; под ред. А. А. Васильева. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. — С. 363.

Действующее российское законодательство регулирует только те вопросы, которые связаны с периодом жизни человека, а вопросы его цифрового существования после биологической смерти остаются вне поля зрения законодателя. В этой связи в обозримом будущем законодательного уточнения потребует ряд вопросов: какие ответные меры принимать на увеличивающееся число неудаленных аккаунтов умерших пользователей; какие данные и активы следует рассматривать как наследуемые, и какие должны оставаться приватными; следует ли цифровой аккаунт умершей личности считать наследуемой собственностью, и какие права и обязанности связаны с ней; какие стандарты и процедуры следует установить для передачи доступа к данным аккаунта после смерти его владельца; следует ли сохранять цифровой аккаунт умершей личности или предстоит нейтрализовать его. Несмотря на важность права на цифровую смерть с точки зрения публичного права, указанные вопросы в большей степени подпадают под гражданско-правовое, а не информационно-правовое или конституционно-правовое регулирование. Это связано с тем, что аккаунты в социальных сетях могут рассматриваться как результат интеллектуальной деятельности (по смыслу ч. 4 ГК РФ). Например, в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 7 марта 2014 г. № С01-114/2014⁷³ был рассмотрен аккаунт в социальной сети «ВКонтакте» как составное произведение, объединяющее в себе программу ЭВМ и авторские материалы. Однако российским законодательством данный вопрос все еще не урегулирован. На практике вопросы управления аккаунтами в социальных сетях после смерти их верифицированных владельцев решаются на основе пользовательских соглашений, установленных самой социальной сетью, что можно отнести к уровню саморегулирования в сети «Интернет», и в редких случаях – через гражданский судебный процесс.

---

⁷³ *Постановление* Суда по интеллектуальным правам от 7 марта 2014 г. № С01-114/2013 по делу № А56-58781/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Другим правом, нередко относимым к числу цифровых, является право на защиту персональных данных, которое, по нашему мнению, нельзя признать таковым. Конечно, в виртуальной среде накапливается динамично увеличивающийся объем информации, который позволяет устанавливать личность субъектов персональных данных. Использование такой информации со стороны злоумышленников стало довольно распространенным явлением, что качественно актуализирует проблему защиты персональных данных граждан в сети «Интернет». Поэтому в цифровую эпоху рассматриваемое право приобретает новые содержание и смысл. На это, в частности, указано в ряде международно-правовых актов⁷⁴.

Положения Федерального закона «О персональных данных»⁷⁵ применяются в виртуальной среде, что связано с необходимостью обеспечения прав на неприкосновенность частной жизни в современных технологических реалиях. Конституционный Суд РФ в своих решениях⁷⁶ подтверждает данный факт и подчеркивает важность защиты персональных данных в виртуальной среде в рамках современной правовой практики. Однако еще до цифровой трансформации общественных отношений существовала объективная необходимость защиты персональных данных, поэтому автор не относит рассматриваемое право к числу цифровых.

---

⁷⁴ *Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век* : резолюция № A/HRC/RES/28/16 Генеральной Ассамблеи ООН от 1 апреля 2015 г. // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/hrc/RES/28/16> (дата обращения: 27.06.2021) ; *О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС* : регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2016/679 от 27 апреля 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁵ *О персональных данных* : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁶ *По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова* : постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П // СПС «КонсультантПлюс» ; *По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг»* : постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П // СПС «КонсультантПлюс».

Приведенный нами анализ показывает, что право на защиту от нежелательной информации в сети «Интернет» также не следует относить к числу цифровых, поскольку оно призвано обезопасить личность от опасного информационного воздействия как в виртуальной среде, так и вне ее пределов. Российским законодателем все еще не сформулировано данное право. Существуют отдельные правовые запреты на распространение информации, посягающей на права и законные интересы личности, общества и государства. Например, информации: нарушающей нормальное развитие детей⁷⁷; оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность либо содержащей явное неуважение к обществу и государству (ст. 15.1-1 Федерального закона № 149); информации, распространяемой средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента (ст. 15.9 Федерального закона № 149); а также сведений экстремистского характера⁷⁸. Вместе с тем важные по отдельности данные правовые ограничения в своей совокупности не позволяют получить целостное представление о праве личности на защиту от нежелательной информации и объективно оценить принятые государством меры.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что цифровые права человека выступают элементом публично-правового статуса личности в виртуальной среде. Автором обосновывается новый концептуальный подход к отнесению тех или иных правомочий личности в виртуальной среде к числу цифровых прав (в их публично-правовом смысле). В отличие от цифровизации способов реализации традиционных прав человека, в случае осуществления цифровых прав возникают новые, ранее неизвестные общественные отношения, существование которых возможно только в виртуальной среде. На этом основании автор к числу цифровых прав относит право на забвение, право на доступ к сети «Интернет» и право на цифровую смерть. Выработанные международным сообществом

---

⁷⁷ *О защите* детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁸ *О противодействии* экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

указанные цифровые права последовательно воспринимаются российской правовой системой. В итоге появление цифровых прав сообщает институту прав человека новое направление развития.

В-третьих, возникают новые угрозы и риски нарушения прав человека. Не отрицая прогрессивный эффект внедрения информационных технологий, следует указать, что процесс «цифровой экспансии» имеет не только положительные, но и отрицательные проявления. Последнее связано с недостаточной защищенностью прав человека в виртуальной среде. Как подмечает А. А. Уваров, «С одной стороны, цифровые технологии облегчают и оптимизируют реализацию прав, с другой — порождают определенные дополнительные риски и возможности их нарушения»⁷⁹.

Новое информационное пространство содержит явные опасности для прав человека. Возможны нарушения неприкосновенности частной жизни, конфиденциальности, личной и семейной тайны, тайны переписки, ограничение свободы слова и даже неправомерное отчуждение имущества. Реализация права на образование (ч. 1 ст. 43) в дистанционном электронном формате приводит к ухудшению качества самого образования, недополучению необходимых практических навыков и умений. В поражении может оказаться право на труд (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ) в том случае, когда происходит утечка персональных данных, в дальнейшем используемых для дискриминации гражданина на трудовом рынке. Принимая во внимание данные соображения, уместно полагать, что цифровизация дополнила общественную жизнь информационным пространством, не исключая ущемление человека в правах.

Обоснованность представленных суждений также подтверждается данными социологического опроса, проведенного автором настоящего исследования (Приложение 4). Респонденты сталкивались со следующими нарушениями прав и свобод в виртуальной среде: получение фейковой информации в сети «Интернет»

---

⁷⁹ Уваров А. А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. — 2020. — № 2. — С. 5.

(133), мошенничество посредством мобильной связи либо в сети «Интернет» (129), утечка персональных данных (89), оскорбление чести, достоинства и (или) деловой репутации (45), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров (34), кибербуллинг (31), ограничения свободы слова, цензура (27).

И. А. Алешкова и О. Х. Молокаева определяют очевидные, скрытые и мнимые опасности цифрового развития права. Из них к числу опасностей для прав человека относится следующее: существование скрытого цифрового наблюдения, затрагивающего конституционное право на неприкосновенность частной жизни; зависимость при реализации ряда конституционных прав от воли других субъектов (например, Интернет-провайдеров); ненадлежащее обеспечение конфиденциальности оцифрованной информации, а также низкий уровень электронной грамотности российских граждан⁸⁰.

И. Ю. Никодимов и ряд других авторов отмечают, что по мере внедрения информационно-телекоммуникационных технологий возникает большое количество побочных эффектов, среди которых: уменьшение времени школьников на обучение и общение с родителями; снижение универсальности образования, ликвидация приватности; рост преступности из-за цифровизации, возникновение Deep fakes (технологий искажения информация), а также социальная дискриминация⁸¹.

Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ было проведено самостоятельное изучение рассматриваемой проблематики, по итогам которого обозначены основные цифровые угрозы для прав человека:

1) алгоритмическая обработка данных цифровыми платформами и государством может привести к нарушению права на неприкосновенность частной жизни;

---

⁸⁰ Алешкова И. А., Молокаева О. Х. Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. — С. 42–44.

⁸¹ Никодимов И. Ю., Земсков Ю. В., Мотякова О. А., Кочеткова Е. В. Проблемы внедрения цифровых прав при реализации концепции информационного общества в Российской Федерации // Административное право и процесс. — 2022. — № 9. — С. 30–31.

2) цифровая дискриминация граждан государством и частными корпорациями на основе злоупотребления персональными данными и накопления больших данных о гражданах;

3) кибератаки и компьютерное мошенничество, направленные против человека, государства и бизнеса;

4) кибербуллинг, троллинг, иные акты агрессии в цифровой среде, направленные против граждан;

5) информационные войны в киберпространстве, рост числа «фейковых новостей» и спланированных кампаний по дезинформации в Интернете;

6) появление новых способов мониторинга и контроля со стороны государств (например, социальных рейтингов), основанных на сборе и анализе данных и влияющих на принятие решений, значимых для жизни граждан⁸².

Как отмечают В. П. Кириленко и Г. В. Алексеев, «С расширением возможностей цифровых технологий происходит трансформация всех сфер жизни общества, а значит, меняется и преступный мир, где становится меньше грубого насилия и появляется больше высоких технологий»⁸³. Дело в том, что хранение персональных данных и сведений об интимных аспектах частной жизни лица на персональных компьютерах, мобильных устройствах, облачных хранилищах и в социальных сетях приводит к уязвимости пользователя для злоумышленников.

Виртуальная среда стала местом массового совершения преступлений различного характера: дистанционных мошенничеств, экстремистской деятельности, разжигания ненависти и вражды, организации незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, проведения азартных игр, распространения детских порнографических материалов, финансирования терроризма и ряда других уголовно наказуемых деяний. По официальным данным МВД РФ, только за 2020 г. число преступлений с использованием IT-технологий

---

⁸² URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/503335409.pdf> (дата обращения: 04.09.2021).

⁸³ Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Киберпреступность и цифровая трансформация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2021. — № 1(7). — С. 40.

возросло на 91%⁸⁴. По данным Следственного комитета РФ, рост указанного показателя за аналогичный период составляет 73%⁸⁵. Беспрецедентное увеличение интернет-преступности объясняется общей тенденцией постепенной адаптации виртуального мира под преступные нужды. Эта тенденция усилилась с введением в 2020 г. в России коронавирусного локдауна.

Виртуальная среда не обеспечивает равное пользование конституционными правами. Граждане, обладающие низкой цифровой грамотностью, либо совсем лишенные ее в силу старости, болезни и по иным причинам, ограничены в реализации ряда важнейших прав. В первую очередь речь идет о получении государственных услуг через сеть «Интернет», реализации права на информацию, а также активного избирательного права посредством ДЭГ.

При таких обстоятельствах задача государства сводится к обеспечению соблюдения существующих прав человека, реализуемых «по ту сторону» экрана цифрового устройства. Если практически все риски и угрозы невозможно устранить, то следует принять меры к их минимизации. Государственное вмешательство в исследуемую проблемную сферу оправданно: именно новые угрозы для прав граждан, связанные с их пребыванием в виртуальном мире, вносят существенный вклад в формирование общественного запроса на конституционно-правовое регулирование информационного пространства, удовлетворить который возможно только государственными мерами.

В-четвертых, вследствие неравенства возможностей граждан в доступе к информационно-телекоммуникационным технологиям возникает проблема цифрового разрыва, имеющая конституционно-правовое значение. Так называемый цифровой разрыв или «цифровое неравенство» (в зарубежной литературе более известное как «digital divide») является негативным последствием цифровой эпохи и отражает разницу в доступности современных

---

⁸⁴ МВД: увеличение числа киберпреступлений повлияло на рост тяжких преступлений в 2020 году. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10505371> (дата обращения: 08.09.2021).

⁸⁵ В России участились преступления при помощи интернета // URL: <https://tass.ru/obschestvo/10844713> (дата обращения: 08.09.2021).

информационно-коммуникационных технологий для различных групп граждан. Так, С. Т. Артемова, Н. А. Жильцов и О. И. Чердаков цифровой разрыв признают современной формой дискриминации граждан: на тех, кто может быть участником цифровых коммуникаций, и тех, кто лишен такой возможности⁸⁶.

В рейтинге готовности стран к сетевому обществу за 2021 г. Российская Федерация заняла 43-е место из 130 возможных⁸⁷. Более того, территориальные диспропорции в развитии информационно-коммуникационных технологий, а также низкая цифровая грамотность граждан преимущественно старшего и пожилого возраста лишь подтверждают актуальность проблемы цифрового разрыва для Российской Федерации и необходимость ее преодоления.

Цифровой разрыв приводит к цифровому неравенству, понимаемому в качестве разновидности социального неравенства (наряду с его традиционными формами: расовой, гендерной, экономической и др.). А. С. Агеев отмечает, что цифровое неравенство представлено тремя уровнями:

- 1) неравенство в возможности доступа к Интернету;
- 2) неравенство в возможностях лиц, использующих Интернет, при доступе к размещенным там информационным ресурсам;
- 3) неравенство в возможностях лиц, являющихся пользователями Интернета, и тех, кто его не использует⁸⁸.

Уровень проникновения информационно-коммуникационных технологий в жизнь общества настолько высок, что граждане, лишенные доступа к ним, фактически ущемлены в современных демократических, финансовых, культурных, образовательных и ряде иных возможностей, имеющих

---

⁸⁶ Артемова С. Т., Жильцов Н. А., Чердаков О. И. Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 42.

⁸⁷ *The Network Readiness Index (Shaping the Global Recovery. How digital technologies can make the post-COVID world more equal)*. 2021. S. 36–39 [Электронный ресурс] // Сайт «Индекс готовности Сети» // URL: [https:// networkreadinessindex.org/](https://networkreadinessindex.org/) (дата обращения: 19.08.2022).

⁸⁸ Агеев А. С. «Digital divide» и элементы его архитектуры: к вопросу о правовых аспектах цифрового неравенства // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 10. — С. 24.

конституционно-правовой характер⁸⁹. Поэтому в контексте положений ч. 2 ст. 19 Конституции РФ конституционно-правовое равноправие возможно только при равном доступе граждан к информационно-коммуникационным технологиям. В противном случае проблема цифрового разрыва является препятствием на пути реализации конституционных прав человека.

Точкой соприкосновения отрасли конституционного права и проблемы цифрового разрыва, вводящей данный феномен в конституционно-правовое измерение, является институт прав человека. С позиции конституционного права преодоление «цифрового разрыва» необходимо для пресечения правового неравенства и дискриминации граждан. Это обусловлено тем, что в случаях, когда то или иное конституционное право может быть реализовано посредством информационно-коммуникационных технологий, возникают риски цифрового неравенства. Проиллюстрируем сказанное на примере политических прав граждан. Дело в том, что в условиях динамической цифровизации общества и появления механизмов «электронной демократии» все нагляднее прослеживается корреляция между доступом граждан к современным технологиям и полноценной реализацией ими своих политических прав. Цифровой разрыв ограничивает граждан в сетевых возможностях реализации активного избирательного права, права на политический протест в онлайн-режиме, а также обращения в органы публичной власти через сеть «Интернет».

По мнению автора, неравенство в доступе к сети «Интернет» является следствием экономических, территориальных и возрастных (поколенческих) причин. Экономически благополучные государства обычно имеют более высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий, так как гражданам для доступа к ним необходимы финансовые средства (для приобретения современного мобильного телефона, персонального компьютера и

---

⁸⁹ Подробнее об этом см.: *Мушаков В. Е.* Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2022. — № 1(93). — С. 70.

оплаты Интернет-услуг), а также создаваемая государством и частными компаниями сетевая инфраструктура.

Территориальные причины цифрового разрыва вызваны отсталостью сетевой инфраструктуры отдельных местностей России. Отчетливо это проявляется при сравнении городской агломерации и сельской местности. В городах выше скорость передачи данных и расширены возможности пользования цифровыми сервисами (ДЭГ через сеть «Интернет», обращение в органы публичной власти через их официальные интернет-ресурсы).

Возрастные причины цифрового разрыва связаны с тем, что лица старшего и, в особенности, пожилого возраста чаще всего не владеют навыками обращения с современными информационно-коммуникационными технологиями. Низкая цифровая грамотность, чуждость виртуального мира, распространенность киберпреступлений и иных опасностей в сети «Интернет» — все это приводит к недоверию старшего поколения к современным технологиям и, как следствие, к отказу в их использовании для реализации своих политических прав. Данные возрастные причины служат препятствием для ускоренного развития ДЭГ в российском избирательном процессе. Лица старшего поколения, как правило, проявляющие высокую электоральную активность, голосуют на выборах преимущественно традиционным способом. И напротив, ДЭГ потенциально может иметь высокий спрос среди молодых избирателей в силу их приобщенности к современным цифровым технологиям. Однако, как известно, именно молодежь склонна к абсентеизму. В конечном итоге возрастные причины цифрового разрыва не позволяют распространить ДЭГ среди большего круга российских избирателей.

Решение актуальной проблемы цифрового разрыва видится в постепенном принятии государством комплексных мер по повышению экономического благосостояния граждан, развитию сетевой инфраструктуры в сельской местности и повышению цифровой грамотности населения. Принимая во внимание, что минимизация цифрового разрыва потребует длительного реформирования,

задачей государства является дальнейшее обеспечение как цифровых, так и традиционных (нецифровых) возможностей реализации прав человека.

Анализ указанных процессов указывает на необходимость дополнительных государственных гарантий защиты прав граждан. Данная особенность вытекает из последствий цифровизации, рассмотренных выше. В обозначенных условиях представляется, что государственную активность в этой сфере целесообразно проявлять по двум ключевым направлениям:

1) ориентация существующих конституционных механизмов защиты прав граждан на информационное пространство (расширение сферы институционального действия);

2) создание новых государственных и общественных институтов защиты прав граждан в виртуальной среде (институциональное обновление).

Первое направление связано с оптимизацией действующих национальных механизмов защиты прав граждан, обусловленной современными технологическими реалиями. Оно должно выполняться за счет легальной и доктринальной интерпретации конституционных гарантий прав человека через призму цифровых изменений. В результате расширится пространственная защита прав человека.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина в информационном пространстве — обязанность государства. Данное положение, сегодня возведенное в разряд принципиальных, существенным образом определяет деятельность российских органов публичной власти. Теперь Президент РФ выступает гарантом Конституции РФ, нормы и принципы которой применимы в виртуальной среде. Суды РФ исходят из представлений о необходимости защиты прав, нарушенных не только в материальной, но и в виртуальной среде. В своей деятельности аналогичными соображениями руководствуются органы исполнительной власти РФ, Прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, а также российские омбудсмены (парламентский, детский, бизнес-омбудсмен, финансовый уполномоченный и др.).

Второе направление связано с образованием и деятельностью специальных органов государственной власти и институтов гражданского общества, в компетенцию которых входит защита прав человека в информационном пространстве. К ним, в частности, относятся: Департамент информационных технологий Правительства РФ; Минцифры России; Представитель Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в сфере интернета (Интернет-омбудсмен); Управление инновационных технологий в избирательном процессе в составе аппарата ЦИК России; постоянная комиссия (по правам человека в информационной сфере) в Совете по правам человека и развитию гражданского общества при Президенте РФ; некоммерческая организация «Фонд защиты гласности», Молодежный цифровой омбудсмен и др.

Таким образом, процесс динамичной цифровизации, возникший на рубеже XX–XXI вв. и продолжающийся в настоящее время, обуславливает новый этап в развитии прав человека, что связано со следующими изменениями:

1) использованием виртуальных способов реализации прав человека, закрепленных в гл. 2 Конституции РФ;

2) образованием новых цифровых прав человека, имеющих публично-правовую природу;

3) появлением новых рисков и угроз нарушения прав личности в виртуальной среде;

4) возникновением и обострением проблемы цифрового разрыва, имеющей международное и внутригосударственное значение.

В совокупности рассмотренные изменения, вызванные цифровизацией общества, констатируют наступление нового этапа в развитии прав человека и, как следствие, в постановке обновленного концептуального подхода к их исследованию. Теперь соответствие юридической Конституции РФ фактической, т. е. общественным отношениям, которые в реальной действительности сложились между личностью, обществом и государством, возможно только при рассмотрении развития прав человека сквозь призму процессов цифровизации.

Диссертантом обосновывается новый концептуальный подход к отнесению тех или иных правомочий личности в виртуальной среде к числу цифровых прав (в их публично-правовом смысле). В отличие от цифровизации способов реализации традиционных прав человека, в случае осуществления цифровых прав возникают новые, ранее неизвестные общественные отношения, существование которых возможно только в виртуальной среде. На этом основании автор к числу цифровых прав относит право на забвение, право на доступ к сети «Интернет» и право на цифровую смерть.

Учитывая, что в условиях цифровизации реализация ряда конституционных прав человека зависит от возможностей его доступа к сети «Интернет», а также принимая во внимание необходимость преодоления проблемы цифрового разрыва юридическими средствами, предлагается внести изменения в Федеральный закон № 149, дополнив статью 8 частью 4.1 следующего содержания: «Каждый имеет право на беспрепятственный доступ к информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети „Интернет“, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Ограничение права на доступ к информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети „Интернет“, возможно при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации» (Приложение 1). Указанные изменения направлены на совершенствование правового статуса человека в той части, где реализация его прав и свобод в публично-правовых отношениях, охраняемых Основным законом, зависит от возможностей доступа к сети «Интернет».

1.3. Международно-правовые стандарты прав человека в условиях цифровизации общества

Международно-правовые стандарты в области прав человека представляют собой нормы и принципы международного права, зафиксированные в международных правовых актах универсального и регионального характера. Они являются результатом длительного исторического процесса становления и развития представлений о правах человека, признания необходимости сотрудничества государств в их всеобщем уважении, поощрении и защите.

В современных условиях глобализации информационно-телекоммуникационные технологии все еще неравномерно внедряются и развиваются в различных государствах. Однако на пути цифровизации своего общества каждое из государств сталкивается с общемировой проблемой недостаточной защищенности граждан в информационном пространстве. Учитывая, что прослеживается корреляция между правовым статусом личности и степенью цифрового развития общества, имеется национальное своеобразие в определении направлений решения обозначенной проблемы. Так как внутригосударственный опыт обеспечения прав человека в информационной среде априори скромнее того опыта, который может быть получен в результате межгосударственного взаимодействия. Последнее имеет важнейшее значение в вопросах оптимизации национального законодательства в области прав человека.

В настоящее время информационное пространство не зависит от государственных границ, что обуславливает необходимость международного сотрудничества государств в вопросе обеспечения прав человека в условиях цифровизации. Фиксация опыта указанного международного сотрудничества осуществляется путем выработки и принятия международно-правовых стандартов универсального и регионального характера, отраженных в различных международных актах. Их последовательная внутригосударственная имплементация, прошедшая фильтры, учитывающие уровень технологического

развития и иные национальные особенности, становится основой для оптимизации и российского законодательства в данной сфере. Успешность же процесса имплементации зависит от эффективности и непрерывности взаимодействия международной и национальной правовых систем.

Предпосылкой появления международно-правовых стандартов прав человека в условиях цифровизации является международное партнерство начала XXI в. по стратегическому развитию информационного общества, базисом которого выступили информационно-коммуникационные технологии, опосредующие информацию и знания. В указанный период плановое целеполагание, моделирование информационного общества будущего характерно для международных универсальных и региональных организаций, а также отдельно взятых государств.

Согласно Целям развития тысячелетия, принятым в 2000 г. 189 государствами-участниками ООН, в том числе Российской Федерацией, усилия международного сообщества должны быть направлены на формирование глобального партнерства, что, как обозначено в данном документе, достижимо при обеспечении государствами благ новых прогрессивных технологий, особенно информационных и коммуникационных⁹⁰.

В 2000 г. на саммите государств «Группы восьми» (далее — G8), в число которых к тому моменту входила и Российская Федерация, была принята Окинавская хартия глобального информационного общества⁹¹ (далее — Окинавская хартия). В ней подтверждается приверженность стран G8 к участию в процессе создания глобального информационного общества (п. 3) и в качестве цели провозглашается полная реализация потенциала информационных технологий в области укрепления демократии и прав человека (п. 2). Несмотря на

---

⁹⁰ Декларация тысячелетия ООН (принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2000) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 25.10.2021).

⁹¹ Окинавская хартия глобального информационного общества (принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22.07.2000) // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 25.10.2021).

то что Окинавская хартия не является юридически значимым документом, она представляет ценность, так как связывает участников G8 неформальными политическими обязательствами и, как отмечается в юридической литературе, «отражает общие представления лидеров стран о возможностях информационных технологий»⁹².

На данном этапе более узкий, адаптированный под экономические запросы подход построения информационного общества характерен для Европейского Союза. В 2000 г. члены Европейского Союза разработали так называемую Лиссабонскую стратегию, где была поставлена цель создания конкурентоспособной и динамичной экономики, основанной на знаниях. Воплощение задуманного предполагало использование потенциала информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с этим были приняты планы действий Европейского Союза: «Электронная Европа 2002 — информационное общество для всех» и «Электронная Европа 2005: информационное общество для всех», послужившие ускоренной интернетизации государств-членов Европейского Союза.

В контексте реализации положений международных актов о построении глобального информационного общества в новом тысячелетии отдельными государствами последовательно принимаются собственные законодательные акты, регламентирующие данную сферу на национальном уровне⁹³. Чтобы стать частью глобального информационного пространства, необходимо обеспечить, по

---

⁹² Бочков С. И., Макаренко Г. И., Федичев А. В. Об Окинавской хартии глобального информационного общества и задачах развития российских систем коммуникации // Правовая информатика. 2018. № 1. С. 4.

⁹³ См., напр.: Стратегия информационно-технологического развития страны (e-Japan Strategy или «Электронная Япония») : Решение Совета по развитию информационных технологий при Правительстве Японии от 22 января 2001 г. // URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/it/network/0122full_e.html (дата обращения: 29.10.2021) ; Национальная стратегия по обеспечению безопасности киберпространства США от 14 февраля 2003 г. // URL: https://us-cert.cisa.gov/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy (дата обращения: 29.10.2021) ; The Kenya Education Network Trust. Strategic Plan: 2007-2010 // URL: <http://www.kenet.or.ke> (дата обращения: 29.10.2021) ; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) // Российская газета. — 2008. — 16 февр.

меньшей мере, среднемировые темпы развития информационно-телекоммуникационных технологий на внутригосударственном уровне. В конечном итоге предполагается, что интеграция национальных информационных обществ приведет к формированию единого глобального информационного пространства, а значит, и к транспарентности всего мира.

Цифровизации, как и любому глобальному процессу, свойственна амбивалентность. Модель открытого мира, созданного за счет внедрения информационно-коммуникационных технологий, привлекательна своими положительными составляющими, а именно свободным информационным обменом, космополитизмом, развитием мирового и внутригосударственного рынков электронной коммерции, прав человека, электронной демократии и многого другого. Именно к этой логике сводится активность международного сообщества, приведшая к работе по созданию наднациональной правовой базы в данной сфере.

Вместе с тем внедрение цифровых технологий связано и с рисками и угрозами для прав человека. Следовательно, обязательным условием цифровизации общества выступают соблюдение и защита общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Данные выводы следуют из анализа ряда международных актов. Так, в 2003 г. под эгидой ООН в рамках Всемирной встречи на высшем уровне Всемирного саммита по информационному обществу, проведенному в г. Женева, была принята Декларация принципов построения информационного общества⁹⁴ (далее — Женевская декларация), где фундаментом такого общества признается провозглашенное Всеобщей декларацией прав человека (ст. 19) право каждого на свободу убеждений и на свободное их выражение. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений, а также искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от государственных границ» (п. 4). Дело в том,

---

⁹⁴ Декларация принципов построения информационного общества (WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R) от 12 декабря 2003 г. // URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

что при отсутствии свободы убеждений, бесцензурно транслируемых в информационном пространстве, создание глобального информационного общества лишено всякого смысла. Именно поэтому подведение положений ст. 19 Всеобщей декларации прав человека под правовую основу создания глобального информационного общества выступает логичным и оправданным, как минимум, с точки зрения преследования международным сообществом целей по выстраиванию цифровых инструментов межгосударственного общения.

Женевской декларацией также раскрыт этический аспект информационного общества, заключающийся в том, что при использовании цифровых технологий и генерации контента необходимо уважение прав и основных свобод человека согласно положениям соответствующих международных документов (п. 58). Разработчиками исследуемого документа непосредственно указывается на необходимость уважения широкого перечня общепризнанных прав и свобод человека и акцентируется внимание на отдельных правах личности, наиболее уязвимых в цифровую эпоху. Каталог общепризнанных прав и свобод человека и гражданина закреплен в Международном билле о правах человека, отсылка к которому, полагаем, и сделана из п. 58 Женевской декларации.

Возникает вопрос относительно содержания международного принципа уважения прав человека. На страницах юридической литературы отмечается, что рассматриваемый принцип связан с выполнением государствами обязательств по соблюдению и защите прав и свобод личности⁹⁵. Таким образом, построение информационного общества, по мнению участников Всемирного саммита по информационному обществу, принявших Женевскую декларацию, сопряжено с возможными рисками и угрозами для прав человека, накладываемыми на

---

⁹⁵ См., напр.: *Липкина Н. Н.* Международно-правовое обязательство уважать права человека: основные элементы содержания и пределы // Журнал российского права. — 2014. — № 4. — С. 113 ; *Farris C. J.* Respect for Human Rights Has Improved Over Time: Modeling the Changing Standard of Accountability. *The American Political Science Review*. — 2014. — Vol. 108. — No. 2. — Pp. 298 // URL: <http://www.jstor.org/stable/43654374> (дата обращения: 02.11.2021) ; *Cole W. M.* Mind the Gap: State Capacity and the Implementation of Human Rights Treaties // *International Organization*. — 2015. — Vol. 69. — No. 2. — P. 405–406.

государства обязанности по принятию соответствующих мер правоохранительной направленности.

Отталкиваясь от хронологической последовательности принятия международных актов, относящихся к объекту настоящего исследования, внимания заслуживает Декларация Комитета министров Совета Европы «О правах человека и верховенстве права в информационном обществе» от 13 мая 2005 г.⁹⁶, в преамбуле которой содержатся следующие важнейшие положения:

1) государства-члены Совета Европы в процессе вступления в информационную эпоху стремятся сохранить приверженность к построению обществ, базирующихся на ценностях прав человека и демократии;

2) информационно-коммуникационные технологии — это движущая сила построения информационного общества, которая имеет существенное положительное и отрицательное воздействие на права человека;

3) информационно-коммуникационные технологии предлагают широкие возможности реализации прав человека;

4) в информационную эпоху все права, закрепленные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., сохраняют свою силу и впредь должны быть защищены независимо от новых технологических достижений;

5) в быстро развивающемся информационном обществе государства-члены Совета Европы должны пересмотреть и актуализировать механизмы обеспечения прав человека.

В разделе I рассматриваемой Декларации к правам человека, подверженным особой опасности в информационную эпоху, отнесены: право на свободу выражения, информации и общения (п.1), право на уважение к частной жизни и переписке (п. 2), право на образование и значимость поддержки доступа к новым информационным технологиям (п. 3), право на справедливый суд и назначение

---

⁹⁶ Декларация Комитета министров Совета Европы «О правах человека и верховенстве права в информационном обществе» (№ CM(2005)56 final от 13.05.2005 г.) // URL: http://www.ifapcom.ru/files/Deklaratsiya_Komiteta_ministrov_o_pravah_cheloveka_i_verhovenstve_prava_v_informatsionnom_obschestve.pdf (дата обращения: 04.11.2021).

наказания в соответствии с законом (п. 5), защита интеллектуальной собственности (п. 6), право на свободные выборы (п. 7) и свобода собраний (п. 8).

В прогрессивном по своему содержанию документе Европейская конвенция прав человека и основных свобод подвергнута толкованию, вызванному развитием информационно-телекоммуникационных технологий. Например, свобода слова, информации и общения должна одинаково уважаться в виртуальном и не виртуальном пространстве и не может подвергаться другим ограничениям, кроме предусмотренных ст. 10 Конвенции (п. 1). Каждый, в соответствии со ст. 6 Конвенции, имеет право на такую же защиту в цифровой среде, такой как Интернет, какую он получил в бы нецифровой среде (п. 5).

Настоящая Декларация Комитета министров в качестве вклада Совета Европы была представлена на рассмотрение Тунисской фазы Всемирного саммита по информационному обществу (WSIS).

В рамках второго этапа Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, прошедшего в г. Тунис 16–18 ноября 2005 г., была принята Тунисская программа для информационного общества (далее — Тунисская программа)⁹⁷. Из положений п. 42 программы следует, что меры по борьбе с киберпреступностью и противодействию спаму должны обеспечивать соблюдение положений о свободе слова и неприкосновенности частной жизни, которые содержатся в соответствующих частях Всеобщей декларации прав человека и Женевской декларации.

В пункте 72 Тунисской программы содержалось обращение к Генеральному секретарю ООН с просьбой об образовании нового органа под названием «Форум по вопросам управления использованием Интернета (Internet Governance Forum, IGF)». В результате IGF в 2006 г. был учрежден и на мандатной основе действует под эгидой ООН вплоть до настоящего времени. Авторский интерес к деятельности указанного Форума связан с тем, что в 2006 г. Динамической

---

⁹⁷ Тунисская программа для информационного общества (WSIS-05/TUNIS/DOC/6 (Rev.1)-R от 15 ноября 2005 г. // URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 09.11.2021).

коалицией по правам и принципам в Интернете в рамках IGF разработана и принята Хартия прав человека и принципов для Интернета⁹⁸. В ней отражен успешный и, на наш взгляд, недооцененный международным сообществом и государствами вариант интерпретации универсальных положений Всеобщей Декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах применительно к условиям цифрового развития общества.

В преамбуле Хартии прав человека и принципов для Интернета провозглашено декларативное положение: «...полное и всеобщее осуществление всех прав человека и основных свобод требует эффективной реализации этих прав в Интернете». Право каждого на доступ в Интернет и его использование лежит в основе всех прав Хартии, о чем прямо сказано в ст. 1 исследуемого документа.

Отдельное внимание постатейно уделено раскрытию сущности таких важнейших прав человека, как право на защиту от дискриминации в доступе, использовании и управлении Интернетом (ст. 2), на свободу и личную неприкосновенность в Интернете (ст. 3), на развитие посредством Интернета (ст. 4), на неприкосновенность частной жизни в Интернете (ст. 8), на защиту цифровых данных (ст. 9), на образование с использованием Интернета (ст. 10), на культуру и доступ к знаниям в Интернете (ст. 11), на онлайн-участие в управлении государством (ст. 15). В числе прочего фиксируются гарантии пользования Интернетом при реализации свободы выражения мнений и информации (ст. 5), свободы религии и убеждений (ст. 6), а также свободы собраний и ассоциаций (ст. 7).

Хартией прав человека и принципов для Интернета дети (ст. 12), люди с ограниченными возможностями (ст. 13) и потребители (ст. 16) обоснованно отнесены к социальным группам, наиболее уязвимым в цифровую эпоху.

---

⁹⁸ *Щербович А. А.* Хартия прав человека и принципов для Интернета с точки зрения реализации социальных, экономических и культурных прав : монография. — Москва : ТЕИС, 2016. — С. 109–124.

Экспликация содержания настоящей Хартии демонстрирует глубину проработки регулируемых в ней вопросов. Во многом это связано с применением участниками Форума по управлению Интернетом современного мультистейкхолдер-подхода, состоящего во «множественности субъектов принятия решений, который включает в себя помимо государств и международных организаций, представителей гражданского общества, бизнеса, академического сообщества, средств массовой информации и других заинтересованных сторон»⁹⁹. Действительно, разработка правовых основ интернетизации находится в компетенции не только представителей государств, но и медиакорпораций, правозащитных организаций и других субъектов, сведущих в этом многоаспектном вопросе, а значит, имеющих основание допуска к публичной дискуссии.

В Хартии прав человека и принципов для Интернета предпринята, пожалуй, первая известная попытка комплексно урегулировать правовой статус личности в условиях цифровизации. В ней ярко выражены актуальность и регулятивный потенциал содержащихся в Хартии положений, которые с момента ее принятия и по сегодняшний день, бесспорно, заслуживают внимания и достойны получения статуса международно-правовых стандартов с последующей ратификацией во внутригосударственное конституционное законодательство.

Вместе с тем Хартия прав человека и принципов для Интернета не имеет юридической силы и носит лишь рекомендательный характер, так как принята совещательным органом, пусть и функционирующим под эгидой ООН. Как представляется, по этой причине она крайне редко попадает в орбиту научных исследований зарубежных и российских ученых-юристов. Остается надеяться, что текст рассматриваемого документа станет ориентиром для более авторитетных субъектов международного правотворчества и тем самым получит свое развитие.

---

⁹⁹ Щербович А. А. Сущность и процессуальные аспекты мультистейкхолдер-подхода в управлении Интернетом // Бизнес-информатика. — 2017. — № 1(39) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multistakeholder-approach-and-human-rights-in-internet-governance> (дата обращения: 18.11.2021).

По мере цифровизации общественных отношений и ее влияния на состояние защищенности прав человека формируются международно-правовые стандарты универсального характера. Их появление явилось результатом деятельности ООН, которая ориентирует государства на содействие осуществлению и защиту прав личности в цифровую эпоху.

Интернетизация как результат процесса цифровизации общества в реальной действительности привела к расширению сферы применения прав человека на онлайн-среду. Из пункта 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю, представленного 16 мая 2011 г. на 17-й сессии Совета по правам человека ООН, следует: «Интернет, будучи катализатором осуществления людьми их права на свободу мнений и их свободное выражение, также содействует реализации целого ряда других прав человека»¹⁰⁰. По мнению докладчика, в их числе — основные гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права.

В Резолюции Совета по правам человека ООН от 16 июля 2012 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»¹⁰¹ указано, что «те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также защищаться и в онлайн-среде, в частности право на свободу выражения мнений» (п. 1). В таком виде Организацией Объединенных Наций впервые был сформулирован принцип защиты прав человека не только в материальной, но и в виртуальной (онлайн-среде). Он утвердился в качестве международно-правового стандарта прав человека в условиях цифровизации и получил

---

¹⁰⁰ Доклад A/HRC/17/27 Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю (представлен 16 мая 2011 г. на 17-й сессии Совета по правам человека ООН) // URL: https://www.un.org/ru/rights/expression/hr_special_rapporteur.shtml (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁰¹ Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете : резолюция № A/HRC/RES/20/8 от 16 июля 2012 г. (принята на 20-й сессии Совета по правам человека ООН) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G12/153/27/pdf/G1215327.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.11.2021).

соответствующее развитие в иных документах ООН¹⁰². Здесь же нормой, признаваемой большей частью мирового сообщества, выступает обязательное государственное содействие в реализации и защите прав человека в онлайн-среде. Указанная в Резолюции Обязанность принятия государственных мер по обеспечению прав человека в условиях цифровизации также очевидно является международно-правовым стандартом, что следует из комплексного анализа международных актов ООН и других международных организаций.

Резолюцией A/RES/68/167 Генеральной Ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век», принятой 18 декабря 2013 г. (далее — Резолюция ООН 68/167)¹⁰³, подтверждается, что «те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также защищаться и в онлайн-среде, включая право на неприкосновенность личной жизни» (п. 3). Несмотря на предметность указанного международного акта, универсальный принцип равной защиты прав человека в онлайн- и офлайн-среде декларируется не как результат экстраполяции опыта реализации права на неприкосновенность частной жизни на иные права человека.

По смыслу положений Резолюции ООН 68/167, цифровая коммуникация затронула большинство прав человека. В этом и состоит особая ценность рассматриваемого международного акта. Формулировка же универсального принципа отражает руководство государствам-членам ООН по урегулированию

---

¹⁰² *Поощрение*, защита и осуществление прав человека в Интернете : резолюция № A/HRC/32/L.20 от 27.06.2016 г. (принята на 32-ой сессии Совета по правам человека ООН) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G16/131/91/pdf/G1613191.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.11.2021) ; *Поощрение*, защита и осуществление прав человека в Интернете : резолюция № A/HRC/RES/38/7 от 5 июля 2018 г. (принята на 38-й сессии Совета по правам человека ООН) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/215/69/pdf/G1821569.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.11.2021) ; *Поощрение*, защита и осуществление прав человека в Интернете : резолюция № A/HRC/47/L.22 от 7 июля 2021 г. (принята на 47-ой сессии Совета по правам человека ООН) // URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp> (дата обращения: 21.11.2021).

¹⁰³ *Право* на неприкосновенность личной жизни в цифровой век : резолюция № A/RES/68/167 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. // URL: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

динамичных виртуальных отношений, за которыми национальное законодательство, к сожалению, не успевает. Последняя неутешительная тенденция прослеживается на примере российского законодательства, имеющего лишь фрагментарные попытки определения механизма реализации и способов защиты прав человека в виртуальной среде. Так, в Российской Федерации на законодательном уровне не провозглашен принцип равной защиты прав человека в офлайн- и онлайн-среде, развивающий ч. 2 ст. 19 Конституции РФ. Материальность и виртуальность среды не должна сказываться на действенности прав личности, в данном случае это выступает дополнительным обстоятельством, не терпящим дискриминации со стороны государства, если отталкиваться от смысла указанной конституционной нормы. Имплементация Российским государством декларативной нормы п. 3 Резолюции ООН 68/167 могла произвести полезный эффект как для интеграции международной и национальной правовых систем в рассматриваемой сфере, так и для развития отечественного законодательства.

Весомую роль в региональной международно-правовой стандартизации прав человека в условиях цифровизации имеют европейские международные организации. Для Российской Федерации, бывшего члена Совета Европы, покинувшего его состав в 2022 г., правотворчество данной организации также представляет особое значение. В результате членства в Совете Европы законодательство РФ претерпело ощутимые изменения. Поэтому автором сознательно акцентируется внимание на международных актах Совета Европы, касающихся темы исследования.

По рассматриваемой проблематике в рамках деятельности Совета Европы разработан комплекс последовательно принятых документов, преимущественно рекомендательного характера. Возвращаясь к ранее упомянутой амбивалентности цифровизации, обратим внимание на точность постановки современной проблемы прав человека Советом Европы. В Рекомендации № CM/Rec(2007)16 Комитета министров Совета Европы говорится, что информационно-коммуникационные

технологии могут, с одной стороны, значительно улучшить возможности осуществления прав человека и основных свобод, в то время как, с другой стороны, они могут отрицательно повлиять на его права, свободы и ценности¹⁰⁴.

Комитетом министров Совета Европы 16 апреля 2014 г. принята важнейшая Рекомендация № CM/Rec(2014)6 «О Руководстве по правам человека для пользователей Интернета» (далее — Рекомендация № CM/Rec(2014)6)¹⁰⁵, в которой сформулированы обязательства для государств-членов Совета Европы по соблюдению, защите и содействию развитию прав человека в сети «Интернет». Закрепляется важнейший принцип пользования правами человека через сеть «Интернет», основу действия которого составляют следующие положения. В пункте 1 Рекомендации № CM/Rec(2014)6 сказано: «Государства-члены Совета Европы обязаны обеспечить каждому, кто находится в рамках их юрисдикции, соблюдение прав и основных свобод, закрепленных в Европейской конвенции о правах человека. Указанное обязательство также действует в отношении пользования Интернетом». Из пункта 3 Рекомендации № CM/Rec(2014)6 следует, что никто не должен подвергаться незаконному, нецелесообразному или несоразмерному вмешательству в его права и основные свободы при использовании Интернетом. Более того, отдельно в Дополнении к Рекомендации № CM/Rec(2014)6 содержится Руководство для Интернет-пользователей, позволяющее им узнать о своих онлайн-правах, их возможных ограничениях и доступных правовых средствах защиты от таких ограничений. Соответственно выделяются следующие права и свободы человека в сети «Интернет»:

- 1) свобода самовыражения и доступ к информации;
- 2) право на мирный онлайн-протест;

---

¹⁰⁴ *О мерах по повышению ценности Интернета как общественной службы* : рекомендация № CM/Rec(2007)16 Комитета министров Совета Европы (принята Комитетом министров 07.11.2007 на 1010-м заседании заместителей министров) // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d4a39 (дата обращения: 26.11.2021).

¹⁰⁵ *О Руководстве по правам человека для пользователей Интернета* : рекомендация № CM/Rec(2014)6 Комитета министров Совета Европы (принята 16.04.2014 на 1197-м заседании заместителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

3) право пользования интернетом и свобода доступа к любому веб-сайту для участия в объединениях, профсоюзах, а также в политических дискуссиях и законодательных инициативах;

4) право на неприкосновенность в интернете частной и семейной жизни, включающее защиту персональных данных и соблюдение конфиденциальности корреспонденции и сообщений;

5) право на образование, состоящее в доступе к онлайн-контенту и цифровому образованию (овладение навыками работы в информационной сети и адекватное оценивание онлайн-контента).

В качестве субъектов, обладающих эффективными средствами защиты прав и свобод в сети «Интернет», Рекомендацией № CM/Rec(2014)6 названы провайдеры интернет-услуг, национальные правозащитные институты (омбудсмены, консультативные службы для граждан и др.) и государственные органы (суды, правоохранительные структуры). После исчерпания всех имеющихся национальных средств защиты гражданин может обратиться в ЕСПЧ.

Резолюция ООН 68/167 и Рекомендация № CM/Rec(2014)6 приняты авторитетными международными организациями — ООН и Советом Европы. Данный факт объясняет популярность представленных документов среди российских специалистов в сфере конституционного права, в особенности, если их сравнивать с Хартией прав человека и принципов для Интернета.

Резюмируя, отметим, что правовой институт прав человека получает свое комплексное развитие в Резолюции ООН 68/167 и Рекомендации № CM/Rec(2014)6. Если первый международный акт носит в большей мере декларативный характер, то второй его развивает и детализирует, обращаясь к государствам-участникам Совета Европы, частным компаниям и интернет-пользователям. Главный недостаток анализируемых актов все тот же — отсутствие у них юридической силы, связывающей государства прямыми обязательствами. В таком случае именно национальный правовой фильтр

определяет уровень соблюдения международных стандартов и, следовательно, является решающим.

Здесь следует отметить некоторую хаотичность международно-правового регулирования со стороны ООН, Совета Европы и Европейского Союза. Причиной этого выступает неравномерность развития цифровизации в государствах, входящих в ту или иную международную организацию. В юридической литературе также отсутствуют предложения по классификации международно-правовых стандартов прав человека в условиях цифровизации. На основании проведенного анализа диссертантом предлагается сгруппировать их по ряду оснований.

Цифровизация неравномерно сказывается на состоянии тех или иных прав личности. В условиях цифровизации часть из них особенно подвергается угрозе нарушения. Соответственно международные организации стремятся к выработке стандартов для защиты наиболее уязвимых прав человека. Поэтому можем выделить международно-правовые акты, регулирующие те права человека, защита которых представляет особую актуальность.

Так, развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на активное избирательное право. В настоящее время в научном, общественном и политико-правовом обороте закрепился термин «электронная демократия». Это вызвано практикой отдельных государств по проведению так называемого «электронного голосования» (electronic(al) voting — e voting), позволяющего гражданам проголосовать вне избирательных участков посредством цифровых устройств, имеющих доступ к сети «Интернет» (сотовых телефонов, персональных компьютеров, стационарных устройств в общественных местах). Впервые ДЭГ было проведено в Эстонии в 2005 г. Впоследствии аналогичный экспериментальный опыт приобрело большинство европейских государств, в том числе и Российская Федерация.

Руководящие принципы организации электронной демократии последовательно раскрыты в рекомендательных актах Совета Европы. Первым

известным международно-правовым стандартом регионального характера в области электронной демократии является Рекомендации Rec(2004)11 Комитета министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования¹⁰⁶. В последующем на основе обобщения европейской демократической практики электронного голосования Советом Европы принят ряд иных документов, регулирующих данную сферу общественных отношений¹⁰⁷.

Кроме того, новые технологии в избирательном процессе потребовали совершенствования международного (иностранного) наблюдения за выборами, служащего гарантией избирательных прав граждан. Как следствие, в 2013 г. Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (далее — БДИПЧ ОБСЕ) приняло Руководство по наблюдению за использованием новых технологий¹⁰⁸.

Рекомендации в области электронного голосования, сформулированные Советом Европы, получили достаточно широкое освещение в российских диссертационных исследованиях последних лет¹⁰⁹. Не остались без внимания и

---

¹⁰⁶ *Рекомендации* Rec(2004)11 Комитета Министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования (приняты Комитетом Министров 30.09.2004 на 898-м заседании) // URL: http://www.cikrf.ru/international/docs/rec_rus.html (дата обращения: 06.12.2021).

¹⁰⁷ См.: *Рекомендации* № CM/REC (2009)1 Комитета министров Совета Европы государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии от 12.02.2009 г. (приняты Комитетом министров 18.02.2009 на 1049-м собрании заместителей министров) // URL: <http://www.cikrf.ru/international/recommend.doc> (дата обращения: 06.12.2021); *О влиянии* новых коммуникационных и информационных технологий на демократию : резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы от 29 января 2014 г. № 1970 // СПС «КонсультантПлюс»; *О правилах* электронного голосования : рекомендации № CM/Rec(2017)5 Комитета министров Совета Европы (приняты 14.06.2017 на 1289-м заседании представителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁸ *Руководство* по наблюдению за использованием новых технологий голосования // Organization for Security and Cooperation in Europe. Warsaw Poland. 2013.

¹⁰⁹ *Антонов Я. В.* Электронное голосование в системе электронной демократии : конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Антонов Ярослав Валерьевич. — Москва, 2015. — 220 с.; *Матренина К. Ю.* Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития : конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Матренина Ксения Юрьевна. — Тюмень, 2016. — 224 с.; *Григорьев А. В.* Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий

документы, изданные БДИПЧ ОБСЕ¹¹⁰. Все же, с точки зрения международной региональной стандартизации прав человека в условиях цифровизации, отметим, что деятельность Совета Европы и ОБСЕ по выработке правовых, организационно-технических и контрольных правил внедрения и применения электронного голосования сыграла существенную роль для государств-участников Совета Европы, вставших на экспериментальный путь оптимизации механизма реализации активного избирательного права своих граждан.

В цифровую эпоху развивается право на свободу выражения мнений (убеждений), гарантированное основными документами в области прав человека (ст. 19 Всеобщей Декларации прав человека, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Во-первых, его действие в полной мере распространяется на виртуальное пространство. Во-вторых, международными организациями утверждаются нормы и правила, ориентирующие государства-участники на обеспечение свободы выражения мнения в сети «Интернет», начиная от создания условий доступа к информационной сети и заканчивая защитой нарушенного права внутригосударственными средствами. Обе тенденции развития права на свободу выражения мнений прослеживаются в рамках деятельности Совета Европы¹¹¹, Европейского Союза¹¹² и ОБСЕ¹¹³.

при осуществлении институтов прямой демократии в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Григорьев Антон Владимирович. — Москва, 2020. — С. 45–47.

¹¹⁰ Чимаров Н. С. Проблемы реализации правовых избирательных стандартов новых технологий голосования в Российской Федерации и зарубежных странах : конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Чимаров Николай Сергеевич. — Санкт-Петербург, 2017. — 271 с.

¹¹¹ См., напр.: *О свободе* обмена информацией в интернете : декларация Комитета министров Совета Европы (принята 28.05.2003 на 840-м заседании представителей Комитета министров) // СПС «КонсультантПлюс»; *О поощрении* свободы выражения мнения и информации в новой информационно-коммуникационной среде : рекомендация CM/Rec(2007)11 Комитета министров Совета Европы // СПС «Гарант»; *О мерах* по развитию уважения к свободе слова и информации в связи с интернет-фильтрами : рекомендация CM/Rec(2008)6 Комитета министров для государств-членов Совета Европы (принята Комитетом министров 26.03.2008 на 1022-й встрече заместителей министров) // URL: <https://medialaw.asia/document/-2364> (дата обращения: 06.12.2021); *О защите* прав человека применительно к поисковым системам : рекомендация CM/Rec(2012)3 Комитета министров к

Виртуальное пространство выступает местом оборота массива персональных данных, и их защита является неотъемлемой составляющей обеспечения права человека на неприкосновенность частной жизни. Указанным правам посвящены отдельные международные акты, защищающие как в целом частную жизнь личности, так и персональные данные в информационной сети. По данному направлению активная международно-правовая деятельность характерна для ООН, Европейского Союза, Совета Европы и ряда других международных организаций¹¹⁴, юрисдикция которых охватывает практически все мировое пространство, европейский регион либо его часть соответственно.

Ряд других международно-правовых стандартов могут быть условно объединены на основании инструментов (сервисов) информационной сети, применяемых личностью в целях реализации конституционных прав. Например, Рекомендацией CM/Rec(2012)4 Комитета министров Совета Европы

государствам-членам Совета Европы (принята Комитетом министров 04.04.2012 на 1139-м заседании заместителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹² *Руководство* Европейского Союза SN 10232/14 по правам человека в области свободы выражения мнений в Интернете и вне его. 2014 // URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_human_rights_guidelines_on_freedom_of_expression_online_and_offline_ru.pdf (дата обращения: 13.12.2021).

¹¹³ *Резолюция* 18-й ежегодной сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ «Повышение роли ОБСЕ в обеспечении свободы мнений и их свободного выражения» (Вильнюс, 29 июня–3 июля 2009 г.) // URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30443517 (дата обращения: 06.12.2021) ; *Отчет* Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе «Свобода выражения мнения в Интернете: исследование правовых норм и практик, связанных со свободой выражения мнения, свободным потоком информации и плюрализмом СМИ в Интернете в государствах-участниках ОБСЕ». 2011 // URL: <https://www.osce.org/ru/human-rights> (дата обращения: 13.12.2021).

¹¹⁴ См., напр.: *Право* на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху : резолюция A/RES/75/176 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2020 г. // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/179> (дата обращения: 14.12.2021) ; *О защите* физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС : регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 // СПС «КонсультантПлюс» ; *О защите* физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных : конвенция Совета Европы (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108) // СПС «КонсультантПлюс».

устанавливается правовой режим сервисов социальных сетей¹¹⁵. Последние охарактеризованы как инструмент реализации прав человека и в то же время среда, небезопасная для личности. Как следует из п. 3 рассматриваемого документа, угрозы состоят в исключении пользователей из социальной сети, недостаточной защите несовершеннолетних от вредного информационного материала, отсутствии соблюдения прав других лиц, а также прозрачности целей сбора и обработки персональных данных. В пункте 4 настоящей Рекомендации содержится принципиальное положение: «Пользователи сервисов социальных сетей должны соблюдать права и свободы других людей». Таким образом, виртуальное пространство социальной сети обретает конкретное правовое измерение.

Тем же заседанием Комитета министров была принята Рекомендация CM/Rec(2012)3 к государствам-членам Совета Европы «О защите прав человека применительно к поисковым системам»¹¹⁶, согласно которой пользование поисковыми системами в сети «Интернет» (среди российского населения из них наиболее востребованы Яндекс и Google) привело к созданию новых видов персональных данных — историй индивидуальных поисков и профилей поведения (формируется нейросетью на основе истории поисковых запросов пользователя). Обе разновидности охраняются правом каждого на частную жизнь. Государствам-членам Совета Европы рекомендуется принять комплекс мер по обеспечению выполнения применяемых принципов защиты данных, в частности, посредством работы с провайдерами поисковых систем. От последних требуется минимальный сбор персональных данных, хранимых в сроки, требуемые для законной обработки таких данных. В числе прочего пользователи сети

---

¹¹⁵ *Рекомендация CM/Rec(2012)4 Комитета министров к государствам-членам о защите прав человека применительно к сервисам социальных сетей (принята Комитетом министров 04.04.2012 на 1139-м заседании заместителей министров) // СПС «Гарант».*

¹¹⁶ *О защите прав человека применительно к поисковым системам : рекомендация CM/Rec(2012)3 Комитета Министров к государствам-членам Совета Европы (принята Комитетом министров 04.04.2012 на 1139-м заседании заместителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».*

«Интернет» должны иметь доступ к коррекции и удалению своих данных, собранных провайдером в результате использования пользователем поисковой системы. Здесь же напомним, что с функционированием поисковых систем связано и ранее описанное автором право на забвение (удаление) информации, выработанное судом Европейского Союза¹¹⁷ и сформулированное в ст. 17 Регламента Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2016/679 от 27 апреля 2016 г.¹¹⁸

Помимо социальных сетей и поисковых систем обеспокоенность вызывает недостаточное международно-правовое и, как следствие, внутригосударственное урегулирование защиты прав человека при пользовании цифровыми мессенджерами, сервисами геоданных, интернет-магазинами, инструментами бесконтактной оплаты и др. В связи с этим целесообразны обобщение межгосударственного опыта по защите частной жизни граждан при пользовании указанными цифровыми инструментами и разработка на этой основе соответствующих международно-правовых стандартов.

В цифровую эпоху определенные категории лиц наименее защищены. Хартией прав человека и принципов для Интернета к таким отнесены дети (ст. 12), люди с ограниченными возможностями (инвалиды, ст. 13) и потребители в сети «Интернет» (участники электронной коммерции, ст. 16), обладающие особым правовым статусом. Представляется, что в условиях цифровизации, помимо обозначенных категорий, с точки зрения реализации конституционных прав уязвимыми должны быть признаны лица, имеющие в силу объективных причин низкую цифровую грамотность (преимущественно люди пожилого

---

¹¹⁷ *Дело* Компании «Google Spain SL и Google Inc. против Агентства по защите персональных данных Испании (AEPD) и Марио Костеха Гонсалеса (Google Spain SL and Google Inc. v. Agencia Espanola de Proteccion de Datos (AEPD) and Mario Costeja Gonzalez) (Дело № C-131/12CJEU) (Большая Палата) : постановление Европейского Суда Справедливости от 13 мая 2014 г. // СПС «Гарант».

¹¹⁸ *О защите* физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС : регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 // СПС «КонсультантПлюс».

возраста). Обращение к данному факту путем международного правотворчества сыграло бы позитивную роль во внутригосударственном правовом регулировании. Так, разработка международными организациями и межгосударственными объединениями отдельных актов¹¹⁹, посвященных защите детей в сети «Интернет», полагаем, привела к принятию в России Федерального закона № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹²⁰.

Таким образом, предпосылкой возникновения международно-правовых стандартов прав человека в условиях цифровизации общества выступило поэтапное построение глобального информационного общества, основанного на информации и знаниях, трансгранично опосредуемых за счет информационно-коммуникационных технологий. По мере цифровизации общества вполне ожидаемо актуализировалась проблема защиты прав человека. В связи с этим международными организациями были приняты международно-правовые стандарты универсального и регионального характера, направленные на регулирование прав человека в условиях цифровизации. Их системный анализ позволяет выделить основные действующие международно-правовые стандарты, включающие следующие нормы и принципы:

- 1) расширительное толкование положений действующих международных актов в области прав человека применительно к новой виртуальной реальности;
- 2) равная защита прав человека в офлайновой и онлайновой среде;

---

¹¹⁹ См., напр.: *Конвенция о правах ребенка* (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс»; *О принятии Многолетнего плана действий Сообщества по содействию более безопасному использованию сети Интернет и новых онлайн-технологий путем борьбы с незаконным и вредным контентом, прежде всего в сфере защиты детей и несовершеннолетних* : решение № 276/1999/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принято в г. Брюсселе 25.01.1999) // СПС «КонсультантПлюс» ; *Модельный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию* (принят в г. Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением № 33-15 на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁰ *О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию* : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

3) обязательность содействия каждого государства в реализации и защите прав человека в информационном пространстве;

4) обеспечение дополнительных правовых гарантий государственной защиты категориям лиц, наиболее уязвимым в цифровую эпоху (дети, инвалиды, интернет-потребители и лица пожилого возраста).

Несмотря на важность и прогрессивность рассмотренных положений, международно-правовые стандарты прав человека в цифровую эпоху все еще находятся в процессе своего оформления. Они наполняют новым содержанием правовой статус личности и тем самым указывают на его развитие.

В юридической литературе отсутствуют предложения по классификации международно-правовых стандартов прав человека в условиях цифровизации. В связи с этим автором предлагается их следующая классификация:

1) по субъекту принятия выделяются международно-правовые стандарты: ООН, Европейского Союза, Совета Европы, ОБСЕ и др.

2) по объекту регулирования международно-правовые стандарты бывают:
— общего характера (закрепляют нормы и принципы, относящиеся ко всем правам человека);

— специального характера (закрепляют нормы и принципы, направленные на обеспечение прав человека, наиболее уязвимых в цифровую эпоху).

3) по сфере применения исследуемые международно-правовые стандарты могут быть классифицированы на те, которые направлены на обеспечение прав человека в целом, в сети «Интернет», либо на те, которые обеспечивают права человека в отдельном сегменте виртуальной среды (в социальных сетях и поисковых системах).

Зафиксированный в международно-правовых стандартах международный опыт обеспечения прав человека в условиях цифровизации является фундаментом внутригосударственной политики в указанной сфере. Однако рассматриваемые международно-правовые стандарты носят лишь рекомендательный характер для государств-участников тех или иных международных организаций. Их

воплощение в реальной действительности осуществимо при добровольной инициативе на национальном уровне. В результате внутригосударственный фильтр определяет уровень претворения международно-правовых стандартов прав человека, а значит, является решающим.

При имплементации норм международного права в области прав человека государство отталкивается от национальных (политико-правовых, социально-экономических, культурных и др.) интересов. Вместе с тем в цифровую эпоху при совершенствовании национального законодательства в области прав человека следует обязательно учитывать новые условия, а именно — уровень цифрового развития государства и его влияние на конституционно-правовую жизнь граждан.

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

2.1. Особенности реализации прав человека в условиях цифровизации общества

В конституционно-правовой науке и общей теории права, при рассмотрении проблем воплощения в реальную действительность правовых норм, устанавливающих важнейшие права и свободы личности, подразумевается, что речь идет об их реализации. Так, Е. Г. Войде, сопоставляя понятия использования, осуществления и реализации прав человека, приходит к выводу, что последнее понятие наиболее предпочтительно в применении к правам человека, так как «отражает претворение в действительность тех возможностей, которые заложены в правах человека и составляют их существо»¹²¹.

В. М. Капицын отмечал, что в теории права понятие «реализация права» отражает формы претворения правовых предписаний в поведении участников правоотношений, к числу которых относится использование установленных прав¹²².

Л. Д. Воеводин подчеркивал, что «процесс претворения в жизнь конституционных прав и свобод граждан обычно обозначают такими равнозначными терминами, как «обладание», «пользование», «осуществление», «реализация»¹²³.

Н. В. Витрук обоснованно утверждал, что «реализация прав и свобод — это не только конкретное закрепление за гражданином точно очерченного субъективного права, но сама материализация этого права, действительное

---

¹²¹ *Войде Е. Г.* Способы реализации прав человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Войде Екатерина Георгиевна. — Москва, 2015. — С. 27.

¹²² *Капицын В. М.* Права человека и механизмы их защиты : учеб. пос. — Москва : ИКФ «ЭКМОС», 2003. — С. 140.

¹²³ *Воеводин Л. Д.* Юридический статус личности в России : учеб. пос. — Москва : НОРМА. 1997. — С. 224.

получение этим гражданином того блага, которое составляет содержание данного права»¹²⁴.

Придерживаясь выработанных в юридической науке терминологических подходов, автор для целей настоящего исследования под реализацией прав человека понимает процесс их воплощения в жизнь. Это понимание строится на том, что в настоящее время информационно-коммуникационные технологии существенно развили свой потенциал как средства, технологически расширяющие традиционные рамки реализации прав человека: при неизменной естественно-правовой и демократической сущности последних трансформируется формат их воплощения. Поэтому в современной трактовке воплощение в жизнь отдельных прав и свобод человека обретает особенности, продиктованные виртуализацией правореализационного пространства¹²⁵.

Новые возможности осуществления тех или иных прав и свобод личность получает при обращении к многофункциональным гаджетам, сети «Интернет», искусственному интеллекту и другим цифровым продуктам. Это характерно прежде всего для ряда личных (гражданских), политических, социальных, экономических и культурных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в гл. 2 Конституции РФ. Так, свобода слова, гарантированная ч. 1 ст. 29 Конституции РФ, имеется как в реальном мире, так и в сетевых сообществах. Граждане РФ вправе обратиться в органы публичной власти или к должностному лицу с предложением, заявлением или жалобой в письменной форме или в форме электронного документа, что следует из некоторых положений Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (п. 1 ст. 4, ч. 3 ст. 7, ч. 4 ст. 10 и др.)¹²⁶. Тем самым граждане реализуют закрепленное в ст. 33 Конституции РФ право обращаться лично, а также

---

¹²⁴ *Витрук Н. В.* Избранное. Т. 2. Монографии. Комментарии. 1963–1990. — Москва : РАП, 2012. — С. 588.

¹²⁵ В настоящей работе автор использует понятие «правореализационное пространство», имея в виду место реализации личностью своих субъективных прав и свобод.

¹²⁶ *О порядке* рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы публичной власти. Оба примера иллюстрируют возможности совмещения традиционных и современных цифровых способов реализации прав и свобод.

В настоящее время в российском и зарубежных конституционных правовых порядках отсутствуют примеры полного вытеснения традиционных способов реализации прав и свобод цифровым способом. Даже в Эстонии, где «меры безопасности, установленные при проведении ДЭГ, обеспечивают эффективное противодействие фальсификациям на выборах»¹²⁷, реализация активного избирательного права осуществляется гражданами как традиционным, так и цифровым способами голосования.

Таким образом, посредством цифровых технологий индивид для реализации отдельных прав и свобод получает дополнительные возможности, не исключающие применения традиционных (отличных от цифровых) возможностей.

В законодательстве России отсутствует единый нормативный правовой акт, который раскрывал бы перечень прав человека, подвергшихся цифровой трансформации. Поэтому за основу анализа специфики их реализации целесообразно взять положения гл. 2 Конституции РФ. Данная глава в хронологическом порядке в зависимости от содержания, а также сфер жизнедеятельности человека содержит каталог основных личных (гражданских), политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод. Поскольку цифровизация затронула указанные сферы, постольку целесообразно детально рассмотреть данные права и свободы с учетом цифровых изменений российского общества. Не случайно И. А. Умнова-Конюхова обращает внимание на то, что конституционные принципы и нормы служат «отправной точкой и методологическим ориентиром на пути оценки состояния правового

---

¹²⁷ Григорьев А. В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Григорьев Антон Владимирович. — Москва, 2020. — С. 93.

регулирования прав и свобод человека в условиях цифровизации»¹²⁸. Кроме того, в теории конституционного права в качестве основы для исследования проблем цифровизации правового статуса личности учеными используются обозначенные группы прав и свобод¹²⁹, что, на взгляд диссертанта, вписывается в принятую в науке конституционного права доктрину «живой конституции»¹³⁰.

Вследствие цифровизации изменяются способы реализации личных (гражданских) прав и свобод человека, перечисленных в ст. ст. 20–29 Конституции РФ. В указанных статьях предусмотрены: право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22); право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23); право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); право на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29), а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29). Социальные коммуникации, переходящие из материальной среды в виртуальную, сохраняют за человеком набор перечисленных личных конституционных прав, в равной мере применяемых как в офлайн-, так и в онлайн-режиме. Это имеет важное значение, так как гражданские права и свободы неразрывно связаны с личностью и

---

¹²⁸ *Цифровое* развитие и права человека : монография / И. А. Умнова-Конюхова, Е. В. Алферова, И. А. Алешкова; РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. Исслед., отд. правоведения; под общ. ред. И. А. Умновой-Конюховой. — Москва : ИНИОН РАН, 2021. — С. 63.

¹²⁹ См., напр.: *Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А.* Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // *Антиномии*. — 2019. — Т. 19. — Вып. 3. — С. 99–119 ; *Афанасьев С. Д., Шатилина А. С.* «Цифровизация» конституционного права: личные и политические права в информационном обществе // *Информационное общество*. — 2019. — № 3. — С. 53–58.

¹³⁰ См., напр.: *Антоненко В. М.* Прямое действие конституции и «живая» конституция: сравнительный анализ концепций // *Конституционное и муниципальное право*. — 2012. — № 8. — С. 15–18; *Зорькин В. Д.* Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // *Российская газета*. — 2017. 1 сент. ; *Саликов М. С., Либанова С. Э., Остапович И. Ю.* Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // *Вестник Томского государственного университета*. — 2019. — № 440. — С. 219–230.

составляют минимальный набор ее притязаний, необходимый для нормального развития и цифрового участия в общественных отношениях.

Личные права и свободы относятся к первому поколению и представляют собой «негативную» свободу индивида, где государство обязано воздерживаться от вмешательства в его жизнь¹³¹. Однако, чтобы человек мог реализовать свои личные права и свободы в виртуальной среде, требуется активное участие государства в создании и обеспечении информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. В этой ситуации может показаться, что процесс цифровизации противоречит сущности личных прав человека как прав первого поколения. Однако следует отделять автономные процессы создания государством сетевой инфраструктуры и реализации прав и свобод, поскольку большинство из них «осуществляется человеком сугубо в инициативном порядке, при условии отсутствия преград со стороны государства и иных лиц»¹³².

Базовыми правомочиями личности, обеспечивающими виртуализацию различных сфер общественной жизни, выступают право на свободу (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ), свобода слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ) и право на информацию (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), претерпевшие ощутимые правореализационные изменения.

М. С. Саликов, С. Э. Несмеянова и ряд других ученых отмечают, что «интернет-технологии на этапе своего становления ассоциировались именно со свободой — от давления государства, от общественной морали»¹³³. Известный российской общественности IT-специалист, бывший сотрудник ЦРУ и Агентства национальной безопасности США Э. Д. Сноуден вспоминал 1990-е гг. как короткий отрезок времени, где «Интернет был в основном сделан о людях,

---

¹³¹ Лукашева Е. А. Права человека : учебник для вузов / отв. ред. — член-корр. РАН, д-р юрид. наук Е. А. Лукашева. — Москва : Издательская группа НОРМА-ИНФА, 1999. — С. 137.

¹³² Бурьянов М. С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации : монография / М. С. Бурьянов. — Москва : Русайнс, 2022. — С. 33.

¹³³ Права человека в сети Интернет : коллективная монография / М. С. Саликов, С. Э. Несмеянова, А. Н. Мочалов, Н. Е. Колобаева, К. А. Иванова. — Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2019. — С. 96.

людьми и для людей»¹³⁴. Действительно, информационно-коммуникационные технологии, предоставившие человеку электронные способы взаимодействия с внешним миром, дали ему беспрецедентную свободу в выстраивании и поддержании социальных связей. Однако постепенно в целях охраны конституционных ценностей государствами были введены механизмы юридического воздействия на интернет-пользователей, включающие дозволения, предписания и запреты. Тем самым виртуальная свобода личности как в Российской Федерации, так и за ее пределами, с учетом правового принципа разрешительной направленности, вынужденно ограничивается.

Основным аспектом реализации конституционного права на свободу в его современном контексте является то, что каждый вправе самостоятельно определить степень своего участия в виртуальной среде, без внешнего воздействия. Это в первую очередь говорит о самоопределении личности¹³⁵. Пользователь добровольно становится клиентом предоставляемых ему товаров и услуг, начиная с покупки мобильного устройства и заканчивая оплатой интернет-сервисов, что свидетельствует о его свободе выбора. Более того, информационные сети, гаджеты и другие цифровые продукты сами по себе предоставляют внутреннюю виртуальную свободу личности в выборе направлений и частоты их использования, разнообразии контента, степени раскрытия информации о себе, взаимодействии с интернет-сообществом и в других аспектах самостоятельности и независимости в принятии решений. Однако сетевая свобода ограничивается внутренними механизмами функционирования сети «Интернет», законодательной фильтрацией интернет-контента, а также недопустимостью нарушения прав, свобод и законных интересов других участников цифровой коммуникации.

Во всех случаях, когда пользователь взаимодействует с цифровыми технологиями, будь то подключение к сети «Интернет», просмотр телевизионных

---

¹³⁴ *Сноуден Э. Д.* Личное дело. (Автобиография великого человека) / Э. Сноуден. — Москва : «Эксмо», 2019. — С. 63.

¹³⁵ *Права человека в сети Интернет* : кол. монография. — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, — С. 96.

программ, использование смартфона или бортового компьютера автомобиля, им осуществляется поиск, получение, передача, создание или распространение информации. Историческое развитие человечества сопровождается изменением способов оборота информации: от наскальных рисунков древних людей до изобретения книгопечатания и современных информационно-коммуникационных технологий. Поэтому формулировка права на информацию, изложенная в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, включающая в себя возможность оборота информации «любым законным способом», является универсальной. Ее конкретное юридическое содержание в контексте современных технологических реалий может быть более детально разработано в соответствующем отраслевом законодательстве.

В условиях цифровизации человек при реализации конституционного права на информацию может воспользоваться широким кругом информационных источников. Не случайно, по данным социологического опроса, из 240 респондентов 212 указали, что для получения информации наиболее часто они используют электронные источники. Из них 151 респондент в повседневной жизни у экрана смартфона и (или) персонального компьютера проводит ежедневно более четырех часов в сутки (Приложение 4). Ускоренный оборот информации в различных его формах (поиск, получение, передача, производство и распространение информации) позволяет экономить время при реализации правомочий. Кроме того, интенсивнее становится информационный обмен личности с обществом и государством.

Базовый характер права на информацию объясняется и тем, что оно выступает конституционной основой для информационного обеспечения всех иных прав и свобод человека и гражданина, а также обязывает органы публичной власти взаимодействовать с личностью для «обмена информацией по вопросам

закрепления, регулирования, реализации, охраны и защиты прав и свобод»¹³⁶. Например, согласно ст. 4 Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»¹³⁷ официальным опубликованием федерального конституционного закона, федерального закона, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в таких периодических изданиях, как «Парламентская газета», «Российская газета», «Собрание законодательства Российской Федерации» или первое размещение (опубликование) на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru). Безусловно, первые три названных издания к моменту принятия данного Федерального закона в 1995 г. тиражировались в печатном формате и уже позднее были оцифрованы. Интернет-портал «pravo.gov.ru» был запущен в 2011 г.¹³⁸. В настоящее время информационное обеспечение, в том числе, по вопросу доведения до граждан сведений, связанных с реализацией их прав и свобод, в большинстве случаев осуществляется посредством информационно-коммуникационных технологий.

Конституционное право на получение информации имеет также особенности реализации, вызванные действием внутренних сетевых механизмов. Нейросети, действуя как искусственный интеллект, автоматически сохраняют поисковые запросы интернет-пользователей в различных сетевых приложениях, таких как браузеры или видеохостинги. Это позволяет им предугадывать интересы пользователей и адаптировать контент, который будет предложен при последующих поисковых запросах. Помимо этого, владельцы веб-сайтов получают информацию о пользователях в виде cookie-файлов, которые

---

¹³⁶ *Шайхиев Р. И.* Конституционно-правовые средства информационного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Шайхиев Ришат Исламович. — Казань. 2020. — С. 17.

¹³⁷ *О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания* : федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁸ *Официальный интернет-портал правовой информации* // URL: <http://pravo.gov.ru/ortale.php> (дата обращения: 05.04.2022).

передаются с сервера на браузер для хранения и дальнейшей передачи при запросах пользователя. Если пользователь использует автоматизированный аккаунт в сети «Интернет», результаты его поисковых запросов могут использоваться для таргетированной рекламы на различных интернет-ресурсах. Например, если человек посетил сайт интернет-магазина мебели, то в дальнейшем он может увидеть рекламу мебельных товаров на других веб-сайтах¹³⁹. В итоге пользователь сети «Интернет» получает навязанную ему в коммерческих целях информацию, к которой у него может отсутствовать интерес.

Право на информацию не является абсолютным и подлежит ограничению на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Конкретные примеры ограничений права на информацию имеются как в российской, так и зарубежной практике. Й. Курбалия обобщил три группы информационных материалов (контента), цензурируемого по всему миру. Первая группа — это материалы, подлежащие безусловному ограничению (оправдание терроризма, нацизма, геноцида, развязывание национальной и иной ненависти и вражды, детская порнография, суицидальная информация и др.). Вторая группа — это материалы, оскорбительные для определенных стран, регионов или этнических групп в силу их религиозных или культурных особенностей. Третья группа связана с политической цензурой конкретного государства¹⁴⁰. В Российской Федерации ограничение права на информацию (в части ее распространения, а значит получения и производства) осуществляется путем блокировки интернет-сайтов, а также контента в мессенджерах, социальных сетях и иных онлайн-платформах. Данные ограничения обоснованы необходимостью защиты прав и свобод личности.

Конституционный Суд РФ определил, что право искать, получать и распространять информацию производно от свободы слова, гарантированной ч. 1

---

¹³⁹ *Права человека в сети Интернет* : кол. монография. — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2019. — С. 97.

¹⁴⁰ *Курбалия Й.* Управление Интернетом / Й. Курбалия; Координационный центр национального домена сети Интернет. — Москва, 2010. — С. 139.

ст. 29 Конституции РФ¹⁴¹. В условиях виртуальной реальности позиция Конституционного Суда РФ только усиливается. Дело в том, что благодаря свободе слова в сети «Интернет» становится возможным полноценный оборот информации, и напротив, в случае цензуры информационный обмен ограничивается, что негативно сказывается на взаимодействии личности с обществом и государством.

В современном информационном пространстве доступны аудио-, видео- и текстовые материалы, которые содержат разнообразную информацию, включая мнения, факты и данные разной достоверности. Информационно-коммуникационные технологии играют важную роль в обеспечении свободы слова, предоставляя возможности для передачи информации другим участникам цифровой коммуникации. По данному поводу В. Н. Монахов отмечает: «Свобода слова в онлайн среде имеет не меньшее, а пожалуй, даже большее значение, чем в офлайне»¹⁴².

Однако стоит отметить, что свобода слова, подобно многим другим правам и свободам в цифровую эпоху, обладает амбивалентным характером. С одной стороны, граждане получили свободу в выражении своих мнений, независимо от физической удаленности от адресата информации (преодолевая территориальные границы), временных ограничений и большинства форм контроля, особенно в контексте анонимности в виртуальной среде. С другой стороны, существует

---

¹⁴¹ По делу о проверке конституционности постановления Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля 1992 года «О газете «Известия» и по индивидуальной жалобе журналистского коллектива редакции газеты «Известия» в связи с постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля 1992 года «О газете «Известия» : постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1993 г. № 10-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴² Талалина Э. В., Антопольский А. А., Монахов В. Н. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект : монография / отв. ред. Э.В. Талалина. — Москва : Проспект, 2021. — С. 37–38.

объективная необходимость ограничения и контроля выражения мнений по политическим, моральным, культурным и другим основаниям¹⁴³.

Таким образом, реальное действие права на свободу, права на информацию и свободу слова фактически выступает предпосылкой для реализации всех иных конституционных прав человека, подверженных цифровизации. Без свободы в использовании информационно-коммуникационных технологий, т. е. в ситуации, при которой человек лишается возможности выразить мнение, а также искать, получать, создавать и распространять информацию посредством цифровых технологий, невозможно говорить о полноценной реализации им иных прав и свобод, подвергшихся цифровизации.

К другим личным конституционным правам и свободам человека и гражданина, механизм реализации которых претерпел изменения вследствие цифровизации общественных отношений, относятся право на достоинство личности (ч. 1 ст. 21), личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22); право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), а также право на свободу мысли (ч. 1 ст. 29). Однако в отношении реализации данных прав и свобод заметим, что цифровизация общества, скорее, приводит к их ослабеванию. Традиционно вопросы личной неприкосновенности человека, неприкосновенности его частной жизни, защиты чести, достоинства и доброго имени в российском конституционном праве принято рассматривать с позиции защищенности данных конституционных ценностей¹⁴⁴. В цифровую эпоху для них возросло количество вызовов и угроз. Это продиктовано тем обстоятельством, что информационно-коммуникационные технологии и сформированное ими информационное пространство предоставляют правонарушителям

---

¹⁴³ Щербович А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Щербович Андрей Андреевич. — Москва, 2013. — С. 22.

¹⁴⁴ См., напр.: *Права человека* : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. — 3-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. — С. 143–153.

дополнительные возможности для посягательства на честь, достоинство личности, тайну переписки, переговоров, а также сообщений, передаваемых электронным способом.

При пользовании правом на неприкосновенность частной жизни предполагается, что человек «имеет возможность определить те стороны личной жизни, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других»¹⁴⁵. По мнению исследователей, в сферу частной жизни входят семейные, интимные, дружеские связи, широкий спектр его внутренних переживаний, привязанности, симпатии и антипатии, образ мыслей, политическое и социальное мировоззрение, увлечения, творчество и другие аспекты, затрагивающие личные интересы одного человека¹⁴⁶. Суть права на неприкосновенность частной жизни состоит в юридическом отграничении индивидуальных аспектов жизни личности от общественных, коллективных аспектов.

В конституционно-правовой науке неприкосновенности частной жизни отводится особая роль в правовом положении личности. Предлагаются обоснованные концепции формирования подотрасли права частной жизни в системе конституционного права¹⁴⁷. В настоящее время подобные идеи актуализируются в связи с цифровизацией, размывающей границы частного и публичного в жизни каждого. Безусловно, человек добровольно определяет степень собственного участия в информационном пространстве, в той или иной

---

¹⁴⁵ *Лебедев В. А.* Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России: концепция, ограничения, механизм охраны и защиты. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2016. — С. 109.

¹⁴⁶ *Сысоев Ю. Е.* Уголовно-правовые средства противодействия незаконному вмешательству в частную жизнь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сысоев Юрий Евгеньевич. — Москва, 2011. — С. 8 ; *Ибрагимова Д. Я.* Психосемантическое исследование ценностной сферы частной жизни личности : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / Ибрагимова Джамиля Ямудиновна. — Сочи, 2007. — С. 2 ; *Несмелов П. В.* Конституционно-правовое обеспечение прав человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Несмелов Павел Вячеславович. — Москва, 2007. — С. 11.

¹⁴⁷ *Кротов А. В.* Формирование предмета подотрасли права частной жизни в системе конституционного права: сравнительно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Кротов Андрей Владиславович. — Белгород, 2022. — 441 с.

степени предавая публичности частные аспекты своей жизни. Однако цифровые технологии выступают инструментом, позволяющим вторгаться в сферу частной жизни человека, независимо от его индивидуального усмотрения. Так, в Резолюции 68/167 подчеркивается: «темпы технологического развития повышают способность отслеживать, перехватывать и собирать информацию, что может нарушать или ущемлять права человека, особенно право на неприкосновенность личной жизни»¹⁴⁸. При этом распространение в публичном пространстве фактов из частной жизни стремительно, нередко необратимо. Анонимность злоумышленников и невозможность извлечь из виртуальной среды неправоммерно распространенные сведения о частной жизни лица свидетельствуют о реальности угрозы для частной жизни человека, а также о проблеме в восстановлении нарушенного права на ее неприкосновенность. С этих позиций процессы цифровизации общества ставят под сомнение возможности обеспечения неприкосновенности частной жизни и очерчивания границ частной и публичной жизни посредством правовых средств.

В условиях цифровизации свобода мысли и право на личную неприкосновенность, включающее в том числе невмешательство в психическое состояние личности¹⁴⁹, во взаимосвязи подвержены угрозам. Помимо пагубности информационного перенасыщения, человек подвергается риску быть дезинформированным. Для привлечения внимания аудитории, введения ее в заблуждение и формирования определенного общественного мнения средства массовой информации могут применять «любые приемы для распространения ложных сведений, преувеличенных или несуществующих фактов»¹⁵⁰. Данные сведения получили наименование «Fake News», которое активно используется, в

---

¹⁴⁸ *Право* на неприкосновенность личной жизни в цифровой век : резолюция № A/RES/68/167 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. // URL: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

¹⁴⁹ См., напр.: *Стремоухов А. В.* Правовая защита человека. — Москва, 2006. — С. 146.

¹⁵⁰ *Козина А. А., Кавецкий А. Б.* Проблема реализации конституционного права на свободу мысли и слова в современной России // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2019. — Т. 10. — № 2(23). — С. 136.

том числе в научной литературе¹⁵¹. Поддаваясь такому информационному воздействию, личность ограничивает собственные возможности свободно мыслить, а также допускает вмешательство в свое психическое состояние. Поэтому в современных условиях важнейшим аспектом свободы мысли и психической неприкосновенности личности является использование различных информационных источников, из которых приоритет должен отдаваться официальным государственным источникам, предоставляющим информацию, в том числе посредством сети «Интернет».

Таким образом, личные права и свободы человека представляют собой стержень его правового статуса в виртуальной среде. Процесс цифровизации, с одной стороны, расширяет возможности реализации некоторых личных прав и свобод, таких как право на свободу, право на информацию и свобода слова. Однако, с другой стороны, им создается угроза защищенности других прав и свобод (право на личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, свободу мысли и др.).

Цифровизация определяет новые возможности реализации политических прав граждан, что предметно рассматривается в ряде диссертационных исследований¹⁵². В настоящее время группа политических прав и свобод,

---

¹⁵¹ См., напр.: *Фотиева И. В.* «Fake news» в современном российском медиапространстве: цели создания, функции, механизмы трансляции // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 2(93). — С. 428–430 ; *Романов А. А., Шаббаев В. В.* «Fake news» в социальных сетях, блогах и мессенджерах как угроза информационной безопасности // Юристы-Правоведь. — 2020. — № 1(92). — С. 16–20.

¹⁵² См., напр.: *Антонов Я. В.* Электронное голосование в системе электронной демократии : конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Антонов Ярослав Валерьевич. — Москва, 2015. — 220 с. ; *Матренина К. Ю.* Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития : конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Матренина Ксения Юрьевна. — Тюмень, 2016. — 224 с. ; *Григорьев А. В.* Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. / Григорьев Антон Владимирович. — Москва, 2020. — 224 с. ; *Максимов А. А.* Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2. / Максимов Александр Александрович. — Москва, 2021. — 233 с.

гарантированных ст. ст. 30–33 Конституции РФ, претерпевает существенные изменения, вызванные цифровизацией. Политико-правовые отношения, выстраиваемые между личностью и государством и основанные на указанных конституционных нормах, переходят из материальной среды в виртуальную, что проявляется в ряде направлений:

1. Посредством информационно-телекоммуникационных технологий создаются и функционируют общественные объединения, в том числе политические партии, тем самым претворяется в жизнь право каждого на объединение, закрепленное в ч. 1 ст. 30 Конституции РФ. Для приобретения прав юридического лица общественное объединение проходит процедуру государственной регистрации на основании и в порядке ст. ст. 8-11 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹⁵³. В регистрирующий орган документы могут быть направлены в электронной форме через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (ч. 1 ст. 9 указанного Федерального закона). Кроме сказанного, в современных условиях освещение и популяризация деятельности общественных объединений, а также склонение граждан к участию в ней осуществляется посредством цифровых устройств (телевидения, радиовещания, сети «Интернет»). Данное утверждение в полной мере применимо и к политическим партиям, которые в своих интересах приобщают к общественно-политической деятельности ту часть общества, которая получает информацию в виртуальной среде.

2. Право на политический протест осуществимо в онлайн-режиме, что позволяет обновить подход к рассмотрению конституционного права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31 Конституции РФ). Современные технологии позволяют гражданам объединиться по политическим интересам в социальных

---

¹⁵³ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

сетях, мессенджерах и онлайн-приложениях. В итоге возникла новая форма протеста: наряду с уличными публичными мероприятиями граждане имеют возможность проводить собрания в онлайн-режиме, а также осуществлять онлайн-протесты для обсуждения и привлечения внимания государства к значимым проблемам общественно-политического характера. Например, 20 апреля 2020 г. в Москве, Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону прошли «виртуальные митинги» через приложение «Яндекс. Навигатор», где пользователи на онлайн-картах оставляли метки с комментариями о значимых общественно-политических событиях¹⁵⁴. Современные технологии используются для проведения публичных мероприятий и в офлайн-режиме, а именно — для агитации граждан к участию в них, оповещения участников протеста о его целях, месте, времени и маршруте проведения, а также для управления протестующими во время самого публичного мероприятия.

Несмотря на наличие отечественной практики проведения сетевых публичных мероприятий политического характера, в российском законодательстве отсутствует регламентация данной сферы. Действующий Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹⁵⁵ раскрывает понятие публичного мероприятия, проводимого в офлайн-режиме, его формы, а также порядок организации, проведения и прекращения. По обоснованному утверждению А. А. Максимова, «...у проводимых в сети Интернет-акций присутствуют все необходимые составляющие публичных мероприятий»¹⁵⁶. Однако онлайн-протесты не получили должной юридической оценки со стороны законодателя. В этой связи в современных условиях, при которых физическое присутствие гражданина уже не

---

¹⁵⁴ В Москве, Петербурге и Ростове провели «виртуальные митинги» // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dbbba9a79477c30d257c5> (дата обращения: 10.08.2022).

¹⁵⁵ *О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях* : федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁶ *Максимов А. А.* Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2. / Максимов Александр Александрович. — Москва, 2021. — С. 110.

является определяющим фактором реализации им права на политический протест, законодателю следует приравнять онлайн-протесты к публичным мероприятиям, а также определить порядок их организации и проведения. В противном случае реализация конституционного права, гарантированного ст. 31 Основного закона, посредством сети «Интернет» будет проходить вне правового измерения.

3. Существенным изменениям подвергается российское избирательное законодательство, которое от консервативных способов организации электоральных процедур последовательно переходит к механизмам так называемой «электронной демократии». Подтверждением тому являются отдельные положения Федерального закона № 67, посвященные применению цифровых технологий в избирательном процессе. В нем указана возможность применения ряда технологий:

— сети «Интернет» в ходе предвыборной агитации (ч. 1 ст. 55), при опубликовании официальных данных полных результатов выборов (ч. 4 ст. 74) и в иных случаях;

— телевидения для информационного обеспечения выборов и референдумов (ст. 47), а также предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума (ст. 51);

— программно-технических комплексов обработки бюллетеней при подсчете голосов (ч. 10 ст. 61);

— государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» в ходе организации и проведения выборов и референдумов (ч. 10 ст. 16, ч. 3.1 ст. 38, ч. 6 ст. 60 и др.).

4. Посредством цифровизации изменяются способы реализации активного и пассивного избирательных прав, гарантированных ч. 2 ст. 132 Конституции РФ. Активное избирательное право преобразуется главным образом за счет внедрения и применения на выборах технологии ДЭГ, позволяющей избирателям, пройдя процедуру аутентификации и идентификации через специальный Портал в сети «Интернет», совершить акт голосования. Согласно п. 62.1 ст. 2 Федерального

закона № 67 под ДЭГ понимается «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения». Более развернутое определение данного понятия содержится в п. 1.2 постановления ЦИК РФ от 8 июня 2022 г. № 86/715-8, где сказано, что ДЭГ представляет собой «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения, доступ к которому избирателю предоставляется на специальном портале в сети Интернет, в том числе с использованием специального мобильного приложения»¹⁵⁷.

Впервые ДЭГ использовалось в 2019 г. на выборах в Московскую городскую думу VII созыва. В последующем на общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию РФ (25 июня – 1 июля 2020 г.) избиратели г. Москвы и Нижегородской области могли воспользоваться новым способом голосования. На дополнительных выборах депутатов Государственной Думы РФ 13 сентября 2020 г. аналогичная возможность появилась у избирателей в семи субъектах РФ, в единый день голосования 11 сентября 2022 г. в восьми субъектах РФ, а в единый день голосования 11 сентября 2023 г. — на выборах разного уровня в 25 субъектах РФ¹⁵⁸. Таким образом, постепенно расширяются территориальные границы применения ДЭГ, тем самым у большого числа граждан появляется возможность реализовать свое активное избирательное право, используя дистанционные электронные способы.

Поэтапный и экспериментальный характер внедрения ДЭГ объясняется тем, что такой нетрадиционный и для российской, и для зарубежной электоральной практики способ голосования имеет как достоинства, так и недостатки. По

---

¹⁵⁷ *О требованиях* к проведению дистанционного электронного голосования : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/715-8 // URL: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/51680/> (дата обращения: 11.08.2022).

¹⁵⁸ *О проведении* дистанционного электронного голосования на выборах, которые должны быть назначены на 10 сентября 2023 года : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 117/927-8 // URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/53314/> (дата обращения: 03.07.2023).

данным социологического опроса, проведенного автором настоящего исследования (Приложение 4), граждане РФ, принявшие участие в ДЭГ, указали на удобство процедуры голосования (113 респондентов), повышение избирательной явки среди молодежи (59 респондентов) и устранение возможных эпидемиологических рисков (45 респондентов). Кроме того, к достоинствам ДЭГ относится технологическое развитие российского избирательного процесса и снижение финансовых и временных ресурсов на проведение выборов¹⁵⁹. Вместе с тем опрошенными были выделены следующие недостатки ДЭГ: риски нарушения тайности голосования, фальсификации итогов голосования (33 респондента), отсутствие возможности онлайн голосования для отдельных категорий граждан (28 респондентов) и угроза утечки персональных данных избирателей (22 респондента).

Несмотря на формирующийся опыт электоральной практики применения рассматриваемой технологии, ее законодательная регламентация все еще остается фрагментарной. Правовой основой применения дистанционного электронного способа голосования выступает ст. 64.1 Федерального закона № 67, содержащая лишь общие положения об условиях и порядке его использования. Конкретизация требований к ДЭГ и порядка его проведения содержится в нормативных правовых актах ЦИК России¹⁶⁰.

В настоящее время общие положения федерального законодательства и подзаконное нормотворчество позволяют урегулировать ДЭГ только в отдельных субъектах РФ. Однако прослеживается тенденция к расширению территориального охвата применения ДЭГ и его растущая востребованность в

---

¹⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Мушаков В. Е.* Дистанционное электронное голосование в России: опыт прошлого и возможности настоящего // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2022. — № 2(96). — С. 37–44.

¹⁶⁰ См., напр.: *О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем* : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/716-8 // URL: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/51681/> (дата обращения: 11.08.2022) ; *О требованиях к проведению дистанционного электронного голосования* : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/715-8 // URL: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/51680/> (дата обращения: 11.08.2022).

российском избирательном процессе, к чему государство вынуждено адаптироваться. Перед законодателем возникает задача детального урегулирования вопросов, связанных с применением нового способа голосования.

Практика применения ДЭГ показала, что возникают определенные технические проблемы. В частности, на выборах Государственной думы РФ VIII созыва (17–19 сентября 2021 г.) фиксировались DDoS-атаки и, как следствие, сбои в работе Портала в сети «Интернет», на котором избиратели осуществляли голосование; затягивались сроки опубликования результатов ДЭГ; у наблюдателей при подсчете голосов временно отсутствовал доступ к «ноде» (отдельная часть большой структуры данных — программное обеспечение, позволяющее получить доступ к блокчейн-информации). В этой связи среди кандидатов, избирателей и широкой общественности возникла дискуссия относительно прозрачности и достоверности результатов ДЭГ.

По мере цифровизации общества совершенствуются также методы и средства внешнего вмешательства в российские выборы со стороны недружественных государств. Иностраные кибератаки на систему ДЭГ совершаются в целях блокирования сервисов электронного голосования и искажения результатов выборов.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что в дальнейшем нельзя исключать возникновение в ходе ДЭГ технических проблем, вызванных как внешними, так и внутренними причинами. На фоне отсутствия всецело отлаженного, безошибочного механизма проведения ДЭГ технические проблемы могут привести к искажению показателей волеизъявления граждан РФ, а также стать причиной нарушения их избирательных прав. Полностью исключить возникновение технических проблем практически невозможно, однако необходимо стремиться к минимизации их последствий.

Наличие технических и иных проблем, возникающих в ходе проведения и определения результатов ДЭГ, должно компенсироваться законодательным механизмом обжалования нарушений избирательных прав граждан,

возможностью повторного подсчета голосов, полученных электронным способом, а также их аннулированием. В данной части следует внести изменения в порядок проведения ДЭГ, утвержденный постановлением ЦИК России¹⁶¹. В этих целях автором предлагается внести изменения в Федеральный закон № 67, а именно — дополнить п. 13 ст. 64.1 пп. 6, 7 и 8 следующего содержания:

«6) порядок обжалования нарушений избирательных прав граждан при проведении дистанционного электронного голосования и подведения его итогов на выборах, референдуме;

7) основания, порядок и сроки повторного подсчета голосов, полученных в результате дистанционного электронного голосования;

8) основания и порядок аннулирования голосов, полученных в ходе дистанционного электронного голосования с нарушением законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах» (см. Приложение 2).

Тем самым на ЦИК РФ будет возложена обязанность конкретизации порядка проведения ДЭГ на территории России в части, связанной с восстановлением нарушенных избирательных прав граждан, возможностью повторного подсчета голосов, полученных в результате ДЭГ, а также их аннулирования.

Пассивное избирательное право развивается посредством информирования избирателей в сети «Интернет» о выдвижении кандидатов, проведения предвыборной агитации в сети «Интернет» и координации деятельности избирательного штаба кандидата в мессенджерах и социальных сетях.

5. Граждане посредством информационно-коммуникационных технологий могут обратиться в органы публичной власти (ст. 33 Конституции РФ), о чем автором настоящей работы было сказано ранее.

---

¹⁶¹ *О Порядке* дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/716-8 // URL: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/51681/> (дата обращения: 05.07.2023).

В совокупности перечисленные выше изменения позволяют констатировать, что вследствие цифровизации эволюционирует понимание права граждан РФ на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ). Современные технологии придали более интенсивный характер взаимодействию личности и государства в плоскости политических отношений.

Конституционным правом, традиционно относимым к группе экономических прав и свобод человека, является право на свободный труд. Оно гарантировано ч. 1 ст. 37 Конституции РФ и включает возможности каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. В современных реалиях в трудовые отношения внедряются информационно-коммуникационные технологии. Возникают отдельные профессии, полностью погруженные в виртуальное пространство (программирование и создание IT-продуктов, веб-дизайн, веб-разработка, цифровой маркетинг и др.). На рынке труда востребованы лица, обеспечивающие информационную безопасность организаций, предприятий, учреждений, а также органов публичной власти. Лиц, занятых в указанных профессиях, обобщенно именуют IT-специалистами.

Появление новых профессий свидетельствует о расширении правореализационных возможностей личности в обеспечении конституционного права на свободный труд. Однако на трудовом рынке лица, обладающие навыками обращения с современными информационными технологиями, более востребованы, чем лица, у которых такие навыки отсутствуют, что порождает цифровую дискриминацию, оправдываемую необходимостью конкурентоспособности работодателей. При этом отказ работодателя лицу в приеме на работу в связи с отсутствием у последнего «цифровых компетенций» вписывается в законодательные рамки ограничения права на свободный труд. Высказанное утверждение подтверждается, в частности, постановлением Пленума Верховного Суда РФ, где способность работать на компьютере отнесена к

деловым качествам, которое работодатель вправе предъявлять к лицу, претендующему на вакантную должность, в силу специфики работы¹⁶².

Цифровизация не только расширяет сферу занятости населения, но и упрощает процесс поиска работы. Воспользовавшись сетевыми ресурсами, работник может разместить объявление со своей вакансией, связаться с работодателем и получить информацию об условиях трудоустройства.

Не менее важным аспектом реализации права на труд в современных условиях является то, что работодатель перед вступлением в трудовые отношения с работником может проверить его деловую репутацию в сети «Интернет» на предмет наличия о нем сведений, характеризующих его профессиональные качества. И наоборот, лицо, находящееся в поиске вакансий по трудоустройству, через сеть «Интернет» может получить отзывы о работодателе.

Данные обстоятельства свидетельствуют об увеличении интенсивности и прозрачности трудовых отношений, что благоприятно влияет на реализацию конституционного права на свободный труд.

Воздействию цифровизации подвергаются такие социальные права человека, как право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ) и право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ч. 1 ст. 42 Конституции РФ).

Инновацией является цифровая трансформация российской отрасли здравоохранения, которая затрагивает как функционирование самих медицинских организаций, деятельность их сотрудников, так и возможности граждан по реализации своего конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Во-первых, в медицинских организациях происходит автоматизация операционных процессов, алгоритмов и протоколов лечения (электронный оборот

---

¹⁶² *О применении* судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

медицинской документации¹⁶³), внедрение цифрового сбора данных о работе медицинских учреждений, клинических показателей пациентов¹⁶⁴ и развитие телемедицины¹⁶⁵. Медицинские организации осуществляют планомерный переход к системе электронной регистратуры, вводят интегрированную электронную медицинскую карту пациента, регистр медицинских работников и паспортов медицинских организаций.

Во-вторых, цифровые технологии способствуют реализации прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Посредством сети «Интернет» каждый может найти информацию об интересующем его медицинском специалисте, ознакомиться с отзывами о его работе и о работе медицинской организации в целом. Использование программ записи пациентов через онлайн-приложения, а также «Портал государственных и муниципальных услуг РФ» предоставляет удобства для граждан и способствует получению ими к медицинской помощи в ускоренном порядке. Мобильная связь позволяет связаться гражданам с медицинской организацией и в кратчайшие сроки госпитализировать лиц, нуждающихся в неотложной медицинской помощи. Представленные факты свидетельствуют о цифровом развитии системы здравоохранения и появлении возможностей электронного взаимодействия граждан с медицинскими организациями, что в совокупности служит средством обеспечения права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ).

В то же время в российской сфере здравоохранения развивающаяся система электронного документооборота требует от врачей и иного медицинского персонала временных ресурсов, что отвлекает их от выполнения своего главного

---

¹⁶³ Романова Н. В. Специфика цифровой трансформации в сфере здравоохранения // Экономика и управление: науч.-практ. журнал. — 2020. — № 6(156). — С. 179.

¹⁶⁴ Морозова Ю. А. Цифровая трансформация российского здравоохранения как фактор развития отрасли // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2020. — № 2. — С. 37.

¹⁶⁵ См., напр.: Партас И. Р. Телемедицина как часть совершенствования информационных технологий в сфере здравоохранения // Точная наука. — 2021. — № 109. — С. 13–14.

предназначения — лечения пациентов. Так, Минздрав РФ приказом от 2 июня 2015 г. № 290н определил, что норма времени на одно посещение пациентом врача-терапевта и педиатра составляет 15 минут¹⁶⁶. В случае повторного посещения врача пациентом норма времени снижается на 20–30% (т. е. до 10–12 минут). Более того, в указанном приказе сказано, что с учетом плотности проживания и половозрастного состава населения в конкретном субъекте РФ норма времени на одного пациента может быть еще ниже. На основании этих норм распределяются талоны по электронной записи пациентов к врачу. Учитывая, что врач вводит в компьютерную программу персональные данные о пришедшем к нему на прием пациенте (ФИО, диагноз, код по Международной классификации болезней — МКБ 10), чтобы передать их в территориальный фонд обязательного медицинского страхования, на осмотр больного остается крайне мало времени. По данному поводу С. А. Авакьян отмечает: «Обращаясь к доктору, две трети времени он не нас проверяет, а строчит в компьютере данные о нашем самочувствии по принципу “вопрос-ответ”»¹⁶⁷. Решение обозначенной проблемы состоит в снижении нагрузки на врача в сфере электронного документооборота и увеличении нормы времени на одного пациента.

Таким образом, цифровизация российской системы здравоохранения упрощает организационные вопросы деятельности медицинских организаций, обеспечивает удобства и более высокий уровень доступности получения медицинской помощи. Однако электронный документооборот в медицинской сфере может негативно сказываться на предоставлении гражданам РФ качественной медицинской помощи.

---

¹⁶⁶ *Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача-педиатра участкового, врача-терапевта участкового, врача общей практики (семейного врача), врача-невролога, врача-оториноларинголога, врача-офтальмолога и врача-акушера-гинеколога* : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 290н // URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/9082-prikaz-> (дата обращения: 20.06.2022).

¹⁶⁷ *Авакьян С. А.* Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 25.

Право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды закреплено в ч. 1 ст. 42 Конституции РФ. Оно производно от указанного в той же конституционной норме права каждого на благоприятную окружающую среду. По мнению И. О. Красновой, их включение в состав конституционных прав и свобод человека и гражданина является «закономерным политико-правовым признанием неизменной ценности и публичной значимости природы как общего блага, объективного условия существования людей и поступательного развития общества»¹⁶⁸.

Согласно подп. «т» п. 27 Стратегии экологической безопасности РФ до 2025 г.¹⁶⁹, одним из основных механизмов реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности является обеспечение населения и организаций информацией о состоянии окружающей среды и ее загрязнении. Выполнение данной задачи возложено на органы публичной власти РФ. Так, на основании ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об охране окружающей среды»¹⁷⁰ граждане имеют право обращаться в органы публичной власти РФ для получения достоверной информации о состоянии окружающей среды, о мерах по ее охране, о фактах, создающих угрозу окружающей среде, жизни и здоровью граждан. Федеральным законом от 9 марта 2021 г. № 39-ФЗ¹⁷¹ в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» была введена ст. 4.3, где федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления признаются обладателями информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) и обязуются размещать такую

---

¹⁶⁸ Краснова И. О. Конституционные основы государственной экологической политики : монография / И. О. Краснова // URL: <https://znanium.com/catalog/product/1856494> (дата обращения: 01.07.2022).

¹⁶⁹ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 // URL: <http://government.ru/docs/all/111285/> (дата обращения: 23.06.2022).

¹⁷⁰ Об охране окружающей среды : федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 11. — Ст. 1704.

информацию на официальных сайтах в сети «Интернет» или с помощью государственных и муниципальных информационных систем в форме открытых данных. Исключение составляет информация, отнесенная законодательством РФ к государственной тайне. Таким образом, праву каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды корреспондирует обязанность государства по предоставлению данной информации, в том числе в цифровой форме.

Предоставление государством актуальной экологической информации возможно только в случае его высокой информированности о состоянии окружающей среды и своевременного выявления фактов ее загрязнения, создающих угрозу жизни и здоровью граждан. Препятствием этому выступает стремление хозяйствующих субъектов избежать юридической ответственности путем сокрытия фактов совершения экологических правонарушений, выразившихся в загрязнении окружающей среды. По данному поводу российские экологи из Всемирного фонда дикой природы отметили, что исполнение ст. 4.3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» зависит от волеизъявления предприятий как источников загрязнения воды, воздуха и почвы, с чем, естественно, имеются понятные сложности¹⁷².

В условиях цифровизации общества данная проблема отчасти разрешается тем обстоятельством, что каждый гражданин, ставший свидетелем загрязнения окружающей среды, с помощью фото- и (или) видеозаписи, сообщений и публичных заявлений в сети «Интернет» может сообщить общественности и государству о данном событии, тем самым снизив потенциальные риски причинения гражданам вреда последствиями загрязнения окружающей среды. Так, 29 мая 2020 г. на ТЭЦ-3 в г. Норильске произошла крупнейшая утечка нефтепродуктов. При этом губернатор Красноярского края и глава МЧС России пояснили, что «Норильский никель» передал им сообщение об аварии только

---

¹⁷² Россиянам откроют все данные о состоянии окружающей среды // URL: <https://rg.ru/2021/03/19/rossiianam-otkroiut-vse-dannye-o-sostoianii-okruzhaiushchej-sredy.html> (дата обращения: 24.06.2022).

31 мая 2020 г. Первая же информация о загрязнении окружающей среды нефтепродуктами стала известной благодаря очевидцам, разместившим в социальных сетях информацию об аварии¹⁷³.

Однако даже в условиях цифровизации не стоит полагаться на инициативность граждан в обособленном от государственных информационных источников информировании населения о фактах загрязнения окружающей среды как на гарантию реализации конституционного права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Дело в том, что распространяемая в сети «Интернет» информация о состоянии окружающей среды в случае отсутствия официального подтверждения со стороны органов публичной власти не обладает признаком достоверности. В случае с аварией 29 мая 2020 г. в Норильске утечка нефтепродуктов была официально подтверждена Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору¹⁷⁴. Именно это позволяет говорить о достоверности сведений, первоначально распространенных в сети «Интернет» очевидцами и негосударственными СМИ. В противном случае в сети «Интернет» граждане могут быть дезинформированы, получают ошибочные сведения. Это вызывает неверную оценку деятельности органов публичной власти и хозяйствующих субъектов в сфере экологической безопасности, напрасную обеспокоенность и даже общественную панику. Для получения достоверной информации о состоянии окружающей среды гражданам следует руководствоваться информацией, размещенной на официальных интернет-сайтах органов публичной власти.

Статья 43 Конституции РФ закрепляет за каждым право на образование. Его содержание в части доступности, обязательности и бесплатности различается в

---

¹⁷³ «Норникель» привел доказательства своевременного информирования об аварии // URL: <https://www.rbc.ru/business/11/06/2020/5ee153cb9a7947f1fb6defbb> (дата обращения: 28.07.2022).

¹⁷⁴ *Акт* технического расследования аварии топливного резервуара АО «НТЭК» // URL: <https://www.gosnadzor.ru/news/65/3325/> (дата обращения: 29.06.2022).

зависимости от уровня образования¹⁷⁵. Общедоступным и бесплатным являются дошкольное, основное общее, среднее профессиональное и высшее образование (на конкурсной основе). Обязательным является основное общее образование (в объеме 9 классов общеобразовательной школы). Образование является процессом и результатом передачи накопленных знаний, навыков и умений от одного поколения к другому. Цифровизация динамично изменяет жизнь общества и ставит перед образовательными организациями задачу успевать за этими изменениями.

Многоуровневость современного образования сохраняется, однако в процесс обучения привносятся новые формы передачи информации. Под влиянием цифровизации происходят следующие перемены в образовательной сфере:

- 1) обновляются формы образовательных ресурсов;
- 2) внедряются электронное обучение и дистанционные образовательные технологии;
- 3) преподаваемый учебный материал адаптируется под динамично развивающиеся цифровые условия общественной жизни;
- 4) появляются новые образовательные специальности, отвечающие запросам трудового рынка.

Обновление формы образовательных ресурсов. Вместе с традиционной печатной формой представления учебной и научной литературы теперь сосуществует их цифровая форма. В рамках федерального проекта «Цифровая культура» происходит оцифровка материалов библиотечного фонда (до

---

¹⁷⁵ *Комментарий* к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, С. Б. Нанба, А.Е. Помазанский ; под ред. Т. Я. Хабриевой ; обращение к читателям В. В. Путина. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. — С. 109.

48 000 книжных памятников к 1 декабря 2024 г. должны быть оцифрованы и включены в Национальную электронную библиотеку¹⁷⁶).

В настоящее время образовательные организации используют электронный документооборот, учебные и учебно-методические материалы переводят в электронный аналог, размещая их в электронной образовательной среде и электронных библиотеках¹⁷⁷. Для обеспечения интерактивности процесса обучения и самостоятельной работы обучающиеся используют электронные образовательные ресурсы. Они путем авторизации на интернет-сайте образовательного учреждения получают персональный доступ к ним.

На качественно новый уровень выходит доступность образовательного контента в сети «Интернет». Учебные и научные материалы посредством сети «Интернет» размещаются в электронных библиотечных системах (далее — ЭБС), созданных как по государственной (Национальная электронная библиотека (НЭБ), eLIBRARY.RU, Цифровой образовательный ресурс «IPR SMART» и др.), так и по частной инициативе (ЭБС «BOOK.ru», ЭБС «Юрайт», ЭБС «Лань», ЭБС «Znanium» и др.). ЭБС не только обеспечивают обучающихся и преподавателей круглосуточным доступом к литературе по различным областям знаний, но и позволяют самостоятельно выстраивать образовательные траектории и осваивать новые компетенции. При этом распространение образовательного контента не ограничено ЭБС и также представлено на различных интернет-сайтах.

К числу цифровых образовательных ресурсов относимы и информационно-коммуникационные технологии, применяемые педагогами при проведении учебных занятий (лекции, представленные в электронном виде, видеоматериалы и т. п.).

Доступность образовательных ресурсов выступает не только положительным фактором, но имеет и негативные последствия. Обучающемуся

---

¹⁷⁶ *Паспорт* национального проекта «Культура» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁷ *Козловская Г. Е., Казенина А. А.* Цифровизация образования: модернизация или трансформация // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. — 2020. — № 1(33). — С. 39.

сложнее сориентироваться в огромном потоке информации. Ценность приобретают умения и навыки в работе с массивами данных, структурировании информации, выборки из имеющихся ресурсов наиболее полезных материалов. Кроме того, для обеспечения перехода образовательных ресурсов в цифровую форму от педагогических работников требуется цифровая компетентность, состоящая во владении навыками использования информационно-коммуникационных технологий. Очевидно, что это предполагает изменение подхода к профессиональной подготовке и переподготовке педагогов.

Перечисленные примеры перехода образовательных ресурсов от печатной к цифровой форме свидетельствуют также об их обновлении. Образовательный тренд, заданный цифровизацией, приводит к формированию новых компетенций у обучающихся и педагогических работников.

Внедрение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. В Российской Федерации образовательные программы могут быть реализованы с использованием электронного обучения (или Electronic Learning, как его называют в российской и зарубежной научной литературе) и дистанционных образовательных технологий. Согласно ч. 1 ст. 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»¹⁷⁸, электронное обучение при реализации образовательных программ осуществляется с использованием следующих методов и средств:

- 1) информации, содержащейся в базах данных;
- 2) информационных технологий, обеспечивающих обработку вышеуказанной информации;
- 3) технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников.

---

¹⁷⁸ *Об образовании* в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Понятие «электронное обучение» является более широким и включает в себя видовое понятие «дистанционные образовательные технологии», что следует из анализа ч. 1 ст. 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», Национального стандарта Российской Федерации «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения»¹⁷⁹, а также результатов исследований¹⁸⁰.

Применительно к дистанционным образовательным технологиям стоит отметить, что они в качестве цифровых технологий потеснили классическую форму обучения — контактную аудиторную работу педагога и обучающегося. Дистанционные образовательные технологии обеспечивают взаимодействие участников образовательного процесса на расстоянии, что технически обеспечивается посредством сети «Интернет».

В научной литературе среди ученых прослеживается неоднозначность мнений относительно эффективности дистанционного обучения. С одной стороны, дистанционные образовательные технологии повышают качество обучения, стирая территориальные границы при получении образования. Это, по мнению Т. Л. Клячко и В. А. Мау, оказывает существенное влияние на доступность и распространенность образования¹⁸¹. Другие авторы утверждают, что благодаря электронному обучению открывается возможность как для обучения лиц с ограниченными возможностями, так и повышения квалификации и переподготовки работников без отрыва от производства. В данном случае подразумевается, что речь идет о дистанционных образовательных технологиях и отмечается, что дистанционное обучение является формой системы непрерывного

---

¹⁷⁹ ГОСТ Р 52653-2006. Национальный стандарт РФ «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2006 г. № 419-ст) // СПС «Гарант».

¹⁸⁰ Занкова А. А. Интерпретация понятия «электронное обучение» в российских и зарубежных публикациях // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2018. № 2. С. 29–30 ; Отекина Н. Е. Электронное обучение, дистанционные образовательные технологии // Инновационная наука. — 2017. — № 4. — С. 127–128.

¹⁸¹ Клячко Т. Л., Мау В. А. Будущее университетов // Общественные науки и современность. — 2015. — № 3. — С. 17.

образования, которая призвана реализовать права человека как на образование, так на и получение информации¹⁸². За счет дистанционного обучения образовательные учреждения активнее используют свой учебный и научный потенциал, а человек параллельно со своей деятельностью может получить основное и дополнительное образование¹⁸³.

С другой стороны, в условиях дистанционных форм получения образования актуализируется проблема контроля качества обучения. По данному поводу коллектив исследователей Финансового университета при Правительстве РФ высказались следующим образом: «Контроль за прослушиванием студентами дистанционных курсов практически отсутствует, в отличие от очной формы посещения занятий, которая легко контролируется. Программы дистанционного обучения обычно более сжатые, и их большая часть представлена в виде самостоятельной работы»¹⁸⁴. В таких условиях существенную роль для качества получаемого образования приобретает самоорганизация и дисциплина самого обучающегося, основанные на его внутренней мотивации.

Более того, среди ученых можем встретить мнения о недопустимости применения дистанционных образовательных технологий. Так, Е. Д. Суворов считает, что «образование как движение к созданию понимания невозможно в дистанционном формате. По этой причине передачу информации с использованием дистанционных технологий нельзя квалифицировать как образование в конституционно-правовом смысле»¹⁸⁵. Очевидно, что образовательные организации с начала распространения коронавирусной

---

¹⁸² Краснова Г. А., Нухулы А., Тесленко В. А. Электронное образование в мире и России: состояние, тенденции и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Информатизация образования. — 2017. — Т. 14. — № 3. — С. 374.

¹⁸³ Отекина Н. Е. Электронное обучение, дистанционные образовательные технологии // Инновационная наука. — 2017. — № 4. — С. 127.

¹⁸⁴ Цифровизация образования: тенденции, проблемы, перспективы: монография / С. О. Мусиенко, Д. А. Егорова, Л. Е. Хрустова, Е. В. Корнилова. — Москва : КНОРУС, 2022. — С. 8.

¹⁸⁵ Суворов Е. Д. О праве каждого на образование без электронного обучения и применения дистанционных информационных технологий // URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/1/o_prave_kazhdogo_na_obrazovanie_bez_elektronного_obucheniya_i_primeneniya_distancionnyh_informacionn (дата обращения: 10.07.2022).

инфекции в 2020 г. были вынуждены совершить переход на дистанционный формат обучения, поэтому, на наш взгляд, в подобных эпидемиологических условиях дискуссия об оправданности применения и, тем более, недопустимости дистанционных образовательных технологий должна быть вынесена за скобки.

В части 3 ст. 16 Федерального закона «Об образовании» определено, что по отдельным профессиям и специальностям среднего профессионального образования, специальностям и направлениям высшего образования недопустима реализация образовательных программ с применением исключительно электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Для среднего профессионального образования перечень таких профессий и специальностей определяет Минобрнауки России¹⁸⁶. Для высшего образования аналогичный перечень не определен.

Тем самым законодатель признает, что электронное обучение и дистанционные образовательные технологии не заменяют полностью классическую форму обучения, а сосуществуют с ней. Данный подход следует признать успешным. Несмотря на стремительные темпы цифровизации сферы образования, электронное обучение, в том числе с применением дистанционных образовательных технологий, классический подход к обучению более эффективен в силу воспитательного воздействия педагогического работника на обучаемого при их непосредственном контакте в ходе аудиторных занятий.

Таким образом, электронное обучение и дистанционные образовательные технологии позволяют говорить о повышении доступности обучения и в то же время могут негативно сказываться на контроле его качества.

Адаптация преподаваемого учебного материала под динамично развивающиеся цифровые условия общественной жизни и появление новых образовательных специальностей. Эти изменения в образовательной сфере

---

¹⁸⁶ *Об утверждении* перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий : приказ Министерства образования и науки РФ от 20 января 2014 г. № 22 // СПС «Гарант».

связаны с динамически развивающимися общественными отношениями, подверженными воздействию цифровизации. На трудовом рынке возникают запросы на специалистов, обладающих цифровыми компетенциями. Появляются новые профессии в IT-сфере. В контексте этих событий государство стремится к выстраиванию системы образования, позволяющей обеспечить новые отрасли науки и промышленности профессиональными кадрами в соответствии с требованиями современного уровня развития общества. Следовательно, образовательные организации должны учитывать эти требования. Приказом Минобрнауки России от 1 февраля 2022 г. № 89¹⁸⁷ утверждены такие специальности и направления подготовки высшего образования, как бизнес-информатика, проектирование технологических комплексов (на цифровых платформах), информационные системы и технологии, системы искусственного интеллекта, безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере и др. Указанные специальности и направления подготовки повышают гибкость образовательных программ высшего образования, что соответствует потребностям экономики и рынка труда. Изменения также касаются адаптации учебного и научного фондов, находящихся в распоряжении образовательных организаций, для удовлетворения потребностей в этой сфере.

Таким образом, цифровые изменения в образовательной среде позволяют говорить о появлении новых способов реализации конституционного права на образование. Электронное обучение, дистанционные образовательные технологии и цифровые образовательные ресурсы повышают доступность образования. Государством создаются социально-экономические условия в целях удовлетворения потребностей человека в получении образования и усвоении им новых навыков и умений в течение всей жизни. В новой форме передаются знания

---

¹⁸⁷ *Об утверждении* Перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки : приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 1 февраля 2022 г. № 89 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033> (дата обращения: 12.07.2022).

от одного поколения к другому. В то же время на фоне цифровизации образовательной сферы снижаются возможности в контроле качества обучения. Дистанционные образовательные технологии и электронное обучение сосуществуют с классической формой образования, так как не смогут заменить плодотворный процесс воспитательного воздействия в ходе непосредственного общения между обучающимся и педагогическим работником. В связи с этим обоснованными являются законодательные ограничения на реализацию образовательных программ с применением исключительно электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Цифровые технологии меняют духовную сферу общества, важнейшим компонентом которой является свободное творчество. В части 1 ст. 44 Конституции РФ каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а также преподавания. Последнее относится и к образовательной деятельности педагогического работника, некоторые цифровые аспекты которой были раскрыты выше. Применительно к различным видам творчества отметим, что в современном мире цифровые технологии используются для создания и распространения продуктов интеллектуальной собственности. Такие виды творческой деятельности, как изобразительное искусство (живопись, графика, скульптура¹⁸⁸), музыка¹⁸⁹, дизайн¹⁹⁰, кинематография¹⁹¹ сопровождаются применением цифровых технологий. Особым видом современного искусства

---

¹⁸⁸ *Ерохин С. В.* Эстетика цифрового компьютерного изобразительного искусства : автореферат дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.04 / Ерохин Семен Владимирович. — Москва, 2010. — С. 3.

¹⁸⁹ *Пучков С. В.* Музыкальные компьютерные технологии как новый инструментарий современного творчества : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.09 / Пучков Станислав Владимирович. — Санкт-Петербург, 2002. — 278 с.

¹⁹⁰ *Яцюк О. Г.* Мультимедийные технологии в проектной культуре дизайна: гуманитарный аспект : автореферат дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.06 / Яцюк Ольга Григорьевна. — Москва, 2009. — 64 с.

¹⁹¹ *Некрасов Д. Ю.* Художественная специфика цифрового искусства : на примере творчества художника кино : автореферат дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.03 / Некрасов Дмитрий Юрьевич. — Москва, 2015. — С. 6.

стала компьютерная графика¹⁹². Информационно-коммуникационные технологии активно используются в ходе научной деятельности, в естественной, социально-гуманитарной и технической сферах. Появляются ранее не существовавшие виды творческой деятельности интернет-пользователей, в частности, так называемые «блог», «челлендж», «подкастинг», «флешмоб»¹⁹³ и др.

В современных условиях сеть «Интернет» выступает востребованным местом популяризации авторами своих произведений науки, литературы и искусства, а также иных результатов интеллектуальной деятельности, охраняемых нормами Части четвертой ГК РФ.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в контексте ч. 1 ст. 44 Конституции РФ цифровизация общества расширяет свободу творческой деятельности.

Государство защищает авторские права на произведения науки, литературы или искусства независимо от источника их опубликования (СМИ, сеть «Интернет», печать или путем публичного выступления). Однако на фоне расширения возможностей публикации результатов творческой деятельности актуализируется проблема защиты авторских прав. В этой связи учеными-цивилистами и конституционалистами высказываются обоснованные предложения о совершенствовании правового регулирования в данной сфере¹⁹⁴.

---

¹⁹² Турлюн Л. Н. Компьютерная графика как особый вид современного искусства : монография / Л. Н. Турлюн ; науч. ред. Т. М. Степанская. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. — 100 с. ; Турлюн Л. Н. Компьютерная графика как особый вид современного искусства : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Турлюн Любовь Николаевна. — Бийск, 2006. — 203 с.

¹⁹³ Большаков А. В. Виды сетевого творчества // Аналитика культурологии. — 2008. — № 10 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-setevogo-tvorchestva> (дата обращения: 14.07.2022).

¹⁹⁴ См., напр.: Батоболотова Е. Б. О некоторых проблемах защиты авторских прав в сети интернет // Право и практика. — 2020. — № 4. — С. 168–171 ; Прудников А. С. Свобода творчества: теория и практика (конституционно-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 3. — С. 76–77 ; Шапорева Д. С. Конституционное право человека и гражданина на свободу творчества в России : монография / Д. С. Шапорева ; под редакцией В. Т. Кабышева. — 2-е изд. — Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2019. — С. 105.

На основании ч. 2 ст. 44 Конституции РФ каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Цифровизация сферы культуры, под которой понимается «инструментальное использование технических возможностей для создания новой культурной среды»¹⁹⁵, позволяет человеку приобрести совершенно новый культурный опыт. Интенсивнее становится процесс межкультурной коммуникации. Цифровые технологии предоставляют современные форматы для обмена культурным опытом. Поэтому ускоряется процесс глобальной культурной интеграции разных народов, национальностей и государств. Как следствие, информационно-коммуникационные технологии изменили возможности участия личности в культурной жизни общества.

Современные цифровые технологии позволяют оцифровывать культурное наследие, что, по утверждению П. А. Вознюк и А. Г. Изотова, «не только облегчает доступ исследователя к объекту, но и имеет экономическую ценность — снижение себестоимости носителя»¹⁹⁶. Так, по замыслу разработчиков российского Федерального проекта «Цифровая культура»¹⁹⁷, человек, независимо от своего географического местоположения, получает более широкий доступ к культурным ценностям. Изменяется формат приобщения человека к культурной сфере жизни общества, что стало возможным в результате цифровизации культурного пространства по следующим направлениям:

1) размещение в сети «Интернет» информации о произведениях российской и мировой культуры и искусства;

---

¹⁹⁵ *Музычук В. Ю.* Основные направления цифровизации в сфере культуры: зарубежный опыт и российские реалии // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2020. — № 5. — С. 49.

¹⁹⁶ *Вознюк П. А.* Влияние цифровизации на образование, медицину и сферу культуры // *Modern Science*. — 2020. — № 11(3). — С. 40.

¹⁹⁷ *Паспорт* федерального проекта «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры («Цифровая культура»)» // URL: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2022/ФП_Цифровая%20культура.pdf (дата обращения: 22.07.2022).

2) создание сетевых ресурсов, обеспечивающих виртуальный просмотр объектов культуры регионального, всероссийского и мирового значения;

3) совершенствование организационных аспектов деятельности учреждений культуры (онлайн-продажа билетов, маркетинговые онлайн-компании, электронный учет посетителей и др.);

4) оснащение учреждений культуры цифровым оборудованием, позволяющим интерактивно представить объекты культурного наследия, осветить исторические и иные события, представляющие культурную ценность;

5) онлайн-обучение различным видам искусства.

Вышеперечисленные направления цифровизации культурного пространства позволяют говорить об изменениях в механизме реализации конституционного права личности на пользование учреждениями культуры и на доступ к культурным ценностям.

Таким образом, положения гл. 2 Конституции РФ составляют общие начала правового регулирования реализации прав и свобод человека в условиях цифровизации. Состояние, при котором отдельные права человека в полной мере реализуются в виртуальной среде, свидетельствует о реальности действия конституционных положений, что вписывается в принятую наукой конституционного права доктрину живой конституции.

На современном этапе в дополнение к уже существующей традиционной среде появилась новая виртуальная среда, служащая местом воплощения отдельных конституционных прав человека в реальную действительность. Как итог, личность получает дополнительные правореализационные возможности при сохранении традиционных (отличных от цифровых) возможностей.

Информационно-коммуникационные технологии встраиваются в существующие общественные отношения, возникающие по поводу реализации конституционных прав. На этом основании следует констатировать, что происходит не цифровизация прав человека в целом, а цифровизация только способов их реализации.

В российском и зарубежных конституционных правопорядках отсутствуют примеры полного вытеснения традиционных способов реализации прав человека цифровым способом, что объясняется недостаточной защищенностью прав человека, а также неразвитостью нормативного правового регулирования, отстающего от стремительных темпов цифровизации.

Системный анализ прав человека, закрепленных в гл. 2 Конституции РФ, позволяет сделать вывод, что наибольшей цифровизации подвергается реализация личных и политических прав человека, в особенности при их сравнении с иными группами прав и свобод (экономическими, социальными и культурными). Это обусловлено не зависящими от воли законодателя объективными процессами, приводящими к цифровым изменениям в личной и политической сферах общественной жизни.

Другой важной особенностью является то, что в цифровую эпоху для правового статуса личности в виртуальной среде базовыми являются право на свободу, право на информацию и свобода слова. Самостоятельное определение личностью степени своего участия в цифровых коммуникациях, его свобода в выражении мнений, а также свободный оборот информации являются предпосылкой реализации иных прав и свобод, подвергшихся цифровизации.

Форсированной цифровизации подвергается активное избирательное право в результате внедрения ДЭГ в российский избирательный процесс. Последовательное расширение территориального охвата применения ДЭГ ставит перед законодателем задачу детального урегулирования вопросов, связанных с применением нового способа голосования. Наличие технических и иных проблем, возникающих в ходе проведения и определения результатов ДЭГ, должно компенсироваться законодательным механизмом обжалования нарушений избирательных прав граждан, возможностью повторного подсчета голосов, полученных электронным способом, а также их аннулирования. В данной части следует внести изменения в порядок проведения ДЭГ, утвержденный

постановлением ЦИК России¹⁹⁸. В этих целях автором предлагается внести изменения в Федеральный закон № 67, а именно — дополнить п. 13 ст. 64.1 пп. 6, 7 и 8 следующего содержания:

«6) порядок обжалования нарушений избирательных прав граждан при проведении дистанционного электронного голосования и подведения его итогов на выборах, референдуме;

7) основания, порядок и сроки повторного подсчета голосов, полученных в результате дистанционного электронного голосования;

8) основания и порядок аннулирования голосов, полученных в ходе дистанционного электронного голосования с нарушением законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах».

Тем самым на ЦИК РФ будет возложена обязанность конкретизации порядка проведения ДЭГ на территории России в части, связанной с восстановлением нарушенных избирательных прав граждан, возможностью повторного подсчета голосов, полученных в результате ДЭГ, а также их аннулирования.

---

¹⁹⁸ *О Порядке* дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/716-8 // URL: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/51681/> (дата обращения: 05.07.2023).

2.2. Конституционные гарантии прав человека в условиях цифровизации общества

Реализация прав человека осуществляется при помощи гарантий, закрепленных в Конституции РФ. Без их действия права человека, получившие конституционное закрепление, остаются декларативными, а потому лишаются всякого смысла. Поэтому необходимо создать условия, обеспечивающие реальную возможность воспользоваться этими социальными благами. Среди ученых-конституционалистов имеются схожие позиции, отражающие единство доктринального подхода к раскрытию понятия конституционных гарантий. Под ними понимают правовые средства реализации и защиты гражданами своих прав¹⁹⁹; совокупность социальных, экономических, политических и идеологических условий реализации прав человека²⁰⁰; а также меры политической и правовой ответственности государства за обеспечение прав человека²⁰¹.

Придерживаясь сложившегося в конституционно-правовой науке подхода, автор в контексте проблематики настоящего исследования под конституционными гарантиями понимает предусмотренные Конституцией РФ условия и средства обеспечения прав человека, фактическая реализация и защита которых в условиях цифровизации общества подверглась существенным изменениям.

Перечень гарантий прав человека не ограничивается только положениями Конституции РФ, поскольку в него включаются условия и средства

---

¹⁹⁹ *Права человека в России* : учебник / А. Г. Чернявский, Л. Ю. Грудцына. — Москва : Юстиция, 2021. — С. 282 ; *Мирская Т. И.* К вопросу о понятии гарантий прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // *Юридическая наука*. — 2013. — № 2. — С. 27 ; *Федорова Л. Н.* Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Федорова Людмила Николаевна. — Волгоград, 2007. — С. 8.

²⁰⁰ *Хазов Е. Н.* Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Хазов Евгений Николаевич. — Москва, 2011. — С. 18–19.

²⁰¹ *Казанник А. И.* Конституционно-правовые гарантии права человека на жизнь // *Права и свободы человека и гражданина в современном мире: мат-лы науч.-практ. конф.* — Омск: Омская академия МВД России, 2005. — С. 9–10.

осуществления и обеспечения прав человека, которые в юридической литературе принято дифференцировать на общие и специальные (юридические) гарантии²⁰². Общие гарантии представляют собой политические, социально-экономические, духовные и иные условия, фактически сложившиеся в обществе и образующие обстановку, в атмосфере которой человек может воспользоваться своими конституционными правами. Перечисленные условия определяют также степень цифровизации конкретного общества, что, свою очередь, позволяет судить об альтернативных (цифровых) возможностях реализации прав человека. В этом видится взаимосвязь между цифровизацией, правами человека и общими гарантиями их реализации. Относительно цифровизации общества целесообразно выделить общие гарантии прав человека:

1) политика государства, направленная на технологическое развитие общества (политическое условие);

2) интенсивное межгосударственное взаимодействие в целях развития информационно-коммуникационных технологий (политическое условие);

3) экономическое благосостояние граждан, позволяющее им приобретать и пользоваться в личных интересах информационно-коммуникационными технологиями (экономическое условие);

4) создание, поддержание исправности и дальнейшее развитие сетевой инфраструктуры на территории всего государства (технологическое условие);

5) уровень цифровой грамотности населения государства, достаточный для обеспечения массового использования информационно-коммуникационных технологий при реализации прав и свобод (культурное условие);

6) доверие к информационно-коммуникационным технологиям со стороны граждан, на основании которого последние самостоятельно и исходя из личных

---

²⁰² Подробнее об этом см.: *Чернявский А. Г.* Права человека в России : учебник / А. Г. Чернявский, Л. Ю. Грудцына. — Москва : Юстиция, 2021. — С. 278 ; *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности : монография / Н. В. Витрук. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. — С. 305 ; *Болдырев С. Н.* Гарантии как технико-юридические средства обеспечения прав и свобод личности // Общество и право. — 2010. — № 5(32). — С. 19.

интересов распространяют в виртуальной среде свои персональные данные и сведения о частной жизни (духовное условие).

Перечисленные общие гарантии, связанные с цифровизацией общества, не обеспечат автоматически реализацию прав человека. Необходимы как усилия государства по созданию указанных выше политических, экономических и технологических условий, так и стремление населения в данном направлении, выраженное в духовно-культурных условиях. Кроме того, данные условия жизни общества должны накладываться на непосредственную практику осуществления прав человека.

Сформированность рассматриваемых условий позволяет судить о существовании в обществе обстановки, благоприятствующей реализации гражданами своих прав посредством информационно-коммуникационных технологий, либо об ее отсутствии. Понятно также, что в совокупности эти условия характеризуют уровень проникновения цифровизации в жизнь общества и имеют значение для гарантирования прав человека. Без обеспечения государством общих гарантий прав человека специальные (юридические), в том числе конституционные гарантии, не дадут ожидаемого эффекта, что продиктовано очевидной зависимостью правоприменительной практики от материальных условий жизни общества.

Специальные (юридические) гарантии в зависимости от формы правового закрепления могут быть международными и внутригосударственными. Последние закреплены в законодательстве конкретного государства и классифицируются по отраслевой принадлежности. Основу специальных (юридических) гарантий составляют именно конституционные гарантии, содержащиеся в Основном законе (Конституции) государства. Особая правовая форма их закрепления предопределяет высшую юридическую силу таких гарантий и их ведущее значение в обеспечении прав человека.

Как было ранее отмечено, за счет нового правореализационного пространства — виртуальной среды традиционные способы реализации

отдельных прав человека активно трансформируются в цифровые. В условиях виртуальной среды обостряется проблематика обеспечения прав и свобод. Отсюда возрастает запрос человека на должную реализацию конституционных гарантий. Однако юридическая наука все еще находится в поиске, правоприменитель — в осмыслении, а законодатель — в постепенном оформлении конституционного механизма обеспечения прав в виртуальной среде. На этом фоне актуальным остается вопрос эффективности конституционных гарантий в том виде, в каком они отражены в действующей Конституции РФ. Следовательно, необходимы теоретические исследования конституционных гарантий прав человека, рассматриваемых сквозь призму изменений общества, связанных с процессами цифровизации.

В конституционно-правовой науке конституционные гарантии принято подразделять на общие и специальные гарантии (гарантии правосудия)²⁰³. Наиболее общей конституционной гарантией прав человека выступает наличие сформированного конституционного строя, свидетельствующего о том, что в государстве неуклонно соблюдаются положения Конституции РФ о неотчуждаемых субъективных правах личности. По данному поводу В. В. Кузнецов отмечает: «Сама конституционная форма устройства правового государства уже выступает гарантом прав человека, обеспечивая защиту прав ограничением полномочий каждой ветви государственной власти»²⁰⁴. В процессе цифровизации общества, приведшем к обострению проблематики защиты прав человека в виртуальной среде, очевидно, что неустоявшийся конституционный строй не может гарантировать права личности. Если в материальной среде права человека не обеспечиваются должным образом, то нельзя рассчитывать на то, что в виртуальной среде права человека будут гарантированы.

---

²⁰³ См., напр.: *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. — 6-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма, 2007. — С. 294 ; *Конституционное право России. : учебник / С. В. Нарутто, С. Г. Павликов.* — Москва : Юстиция, 2023. — С. 266.

²⁰⁴ *Кузнецов В. В.* Судебные гарантии прав человека в системе конституционных гарантий стран Западной Европы // *Российский судья.* — 2018. — № 7. — С. 55.

Говоря об общих конституционных гарантиях, имеющих конкретное юридическое выражение, отметим, что одной из ключевых составляющих гарантий прав человека является ст. 2 Конституции РФ, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. В юридической литературе авторы указывают на безусловную значимость данной нормы для гарантирования прав человека²⁰⁵.

Положения ст. 2 Конституции РФ в силу своей принадлежности к основам конституционного строя обладают стабильностью, а потому в контексте цифровых изменений современного общества нуждаются не в пересмотре, а лишь в новой интерпретации. Какое бы высокое значение для общества и государства ни обретали в настоящем, очевидно, что в будущем цифровые технологии выступая результатом активной человеческой деятельности, рассчитаны на обслуживание интересов человека. Ценность цифровых технологий в любых условиях не может быть выше ценности человека либо даже иной, приравненной к ней.

Высшая ценность прав и свобод человека сохраняется независимо от пространственно-временных особенностей его нахождения. При этом, говоря о месте, где правам и свободам придается наивысшее ценностное значение, традиционно имеется в виду привычная материальная среда, в рамках которой человек вступает в общественные отношения с целью реализации принадлежащих ему прав. Однако и при расширении правореализационного пространства за счет виртуальной среды права и свободы человека по-прежнему должны рассматриваться в качестве высшей ценности.

Положение ст. 2 Конституции РФ об обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина направлено в том

---

²⁰⁵ *Чепурнов А. А.* Правовой статус личности в Российской Федерации: конституционные основы гарантирования : автореф. дис. ... канд. юрид наук : 12.00.02 / Чепурнов Александр Александрович. — Волгоград, 2006. — С. 8.; *Чернявский А. Г.* Права человека в России : учебник / А. Г. Чернявский, Л. Ю. Грудцына. — Москва : Юстиция, 2021. — С. 277.

числе на ограничение властных полномочий государства в его взаимодействии с индивидом. Виртуальная среда — это сфера, где государственное вмешательство пока не столь широкомасштабно (в сравнении с материальной средой), но оно становится все ощутимее. Путем толкования рассматриваемого положения ст. 2 Конституции с точки зрения цифровых изменений общества можем сделать следующие выводы. Во-первых, конституционная гарантия, обязывающая государство признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека, действительна только в случае равного отношения государства к правам человека, независимо от онлайн и офлайн формата их воплощения. Ранее упомянутый принцип равной защиты прав человека в онлайн- и офлайн-среде, который отражен в ряде международных актов²⁰⁶, подразумевает также признание и соблюдение прав в онлайн-среде. Данный принцип все еще не закреплен в российском законодательстве, но очевидно, что в России государством в некоторых случаях де-факто признаются, соблюдаются и даже защищаются права и свободы человека в виртуальной среде. В частности, подтверждением тому является наличие нормативной правовой базы и правоприменительной практики по привлечению виновных лиц к административной ответственности, например, за оскорбление в сети «Интернет» по ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ либо за невыполнение оператором при сборе персональных данных в сети «Интернет» требований законодательства РФ (ч. 8 ст. 13.11 КоАП РФ). Тем самым посредством мер административно-правового воздействия государством в первом случае защищается конституционное право на честь и достоинство личности в сети «Интернет», во втором случае защищается частная жизнь граждан, указывается на

---

²⁰⁶ См., напр.: *Поощрение*, защита и осуществление прав человека в Интернете : резолюция A/HRC/47/L.22 от 7 июля 2021 г. (принята на 47-й сессии Совета по правам человека ООН) // URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp> (дата обращения: 18.10.2022) ; *Право* на неприкосновенность личной жизни в цифровой век : резолюция № A/RES/68/167 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. // URL: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения: 18.10.2022).

недопустимость противоправного распространения персональных данных в сети «Интернет».

На основании изложенного анализа считаем, что конституционная гарантия ст. 2 Основного закона эффективна лишь в случае признания за человеком, его правами и свободами высшей ценности, а за государством — вытекающих отсюда обязанностей, независимо от того, онлайн или офлайн способами такие права реализуются.

Перечисление в гл. 2 Конституции РФ, для которой предусмотрена усложненная процедура ее пересмотра, основных прав и свобод личности выступает их своеобразной гарантией. Независимо от общественно-политических событий, экономических, социальных, идеологических и иных изменений общества конституционные права и свободы признаются и защищаются в Российской Федерации. Данный тезис следует экстраполировать и на цифровые изменения в обществе. Насколько далеко ни продвинулся бы научно-технический прогресс, общецивилизационные представления о правах человека, усвоенные Российской Федерацией и отраженные в гл. 2 Конституции РФ, а самое главное — практика их претворения, не утрачивают своей значимости и актуальности. В этом видится несомненный правовой потенциал положений гл. 2 Конституции РФ.

Статьи 17, 18 и 19 Конституции РФ заключают в себе естественно-правовую трактовку прав человека, согласно которой последние вытекают из естественного состояния человека, присущего ему в силу рождения, и служат руководством для положительного, т. е. предписанного государством, права. А. А. Мецгер подчеркивает, что «естественно-правовая доктрина, базирующаяся на внеюридических основаниях права, играет определяющую роль в правовой политике государств в эпоху радикальных преобразований»²⁰⁷. В этом, на наш взгляд, видится безусловная значимость рассматриваемых конституционных норм

---

²⁰⁷ *Мецгер А. А.* Естественные права человека и государственная защита прав граждан в Российской Федерации // Образование и право. — 2021. — № 4. — С. 59.

для гарантирования прав человека в период, когда государство, общество и право переживают динамические цифровые изменения. Следовательно, естественно-правовая концепция, возведенная в ранг конституционных положений, выступает важнейшей гарантией прав человека в условиях цифровизации общества.

На первый взгляд, нормы ст. ст. 17–19 Конституции РФ наталкивают на вывод, что независимо от воли государства человек, воспользовавшись информационно-коммуникационными технологиями, в полной мере может реализовать принадлежащие ему естественные права. В частности, в силу своей естественно-правовой сущности права человека на свободу и личную неприкосновенность, свободу слова, право на информацию неотчуждаемы, непосредственно применимы и гарантированы государством в виртуальной среде. В действительности свободное применение цифровых технологий, предоставляющих онлайн-способы реализации данных прав и свобод, как минимум, требует признания государством данного факта. Ведь ограничив либо запретив применение цифровых технологий, в конечном итоге государство может ликвидировать те естественно-правовые блага, которые предоставляются такими технологиями.

Между тем в условиях цифровизации общества постулаты естественно-правовой концепции, возведенные в ранг конституционных положений, не смогут гарантировать права человека без дополнительного государственного вмешательства. Дело в том, что осуществление прав человека посредством информационно-коммуникационных технологий предполагает не только государственное признание данного факта, но и требует необходимых для этого общих гарантий как политических, социально-экономических и технологических условий, обеспечение которых находится в компетенции государства. Кроме того, как считает Е. В. Алферова, «...наиболее острой стала проблема связи между Интернетом и свободой, понимаемой как сохранение права человека на

автономию и конфиденциальность»²⁰⁸. Не можем не согласиться с мнением Е. В. Алферовой и отметим, что государство может способствовать решению данной проблемы двумя способами. Во-первых, не допуская собственных незаконных вмешательств в цифровые коммуникации граждан. Во-вторых, адаптируя национальное законодательство под реалии технологического развития и ориентируя правоохранительные органы на борьбу с нарушениями прав человека в виртуальной среде. Как результат, государство должно балансировать между невмешательством в свободу личности в виртуальной среде и обеспечением гарантий прав человека.

Применительно к равенству прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ) добавим также, что оно должно быть гарантировано государством независимо от возможностей доступа к современным технологиям. В противном случае проблема цифрового разрыва приведет к цифровому неравенству как ограничению в реализации прав отдельными индивидами.

Статьей 45 Конституции РФ гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (ч. 1). Исполнение государством соответствующей обязанности осуществляется путем функционирования организационно-правового механизма, связанного с деятельностью различных органов публичной власти и их должностных лиц: Президента РФ как гаранта Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина; законодательных (представительных) органов государственной власти (в части совершенствования законодательства в области обеспечения прав человека), исполнительных органов государственной власти (в сфере правоприменительной практики по защите прав человека) и судебных органов государственной власти (при отправлении правосудия по уголовным, административным и иным делам); органов Прокуратуры РФ; Уполномоченного по правам человека в РФ и др.

---

²⁰⁸ Алферова Е. В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности. — 2018. — № 1. — С. 144–145.

Законом РФ о поправке к Конституции РФ внесены изменения в п. «м» ст. 71 Конституции РФ, где к ведению Российской Федерации отнесено обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных. Государство — это главный субъект обеспечения национальной безопасности, включающей безопасность личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. В статье 2 Федерального закона «О безопасности»²⁰⁹ защита прав и свобод человека и гражданина отнесена к основным принципам обеспечения безопасности. Защита прав и свобод человека — это неотъемлемая составляющая обеспечения его безопасности. И наоборот, по уровню безопасности личности можно во многом судить о защищенности ее прав и свобод. Поэтому в п. «м» ст. 71 Конституции РФ формулировка «обеспечение безопасности личности», по мнению автора, включает деятельность государства по защите прав человека.

Применительно к конституционным гарантиям стоит отметить, что если человек при необходимости не может ими воспользоваться для защиты своих прав, то не приходится говорить о его защищенности от внутренних и внешних угроз. Не случайно Е. Н. Хазов, анализируя конституционные гарантии прав человека, затрагивает вопросы безопасности личности: «Основными объектами безопасности выступают человек, его права и свободы, а основным гарантом обеспечения безопасности — государство и мировое сообщество»²¹⁰. Дело в том, что показателем обеспечения безопасности личности является наличие реальных гарантий защиты ее прав.

На основании изложенного анализа системное толкование ч. 1 ст. 45 и п. «м» ст. 71 Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации де-юре гарантируется государственная защита прав человека при применении информационных технологий и обороте цифровых данных.

---

²⁰⁹ *О безопасности* : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁰ *Хазов Е. Н.* Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России. Теоретические основы и проблемы реализации : монография / Е. Н. Хазов. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — С. 106.

Особенности системы органов публичной власти в указанной сфере являются предметом рассмотрения следующего параграфа настоящего исследования.

Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Конституционная норма о защите человеком своих прав также выступает их специфической гарантией. В рамках, определенных законодательством Российской Федерации, человек вправе самостоятельно определять те средства, к которым он может прибегнуть для защиты своих прав. На основании ст. 33 Конституции РФ и ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»²¹¹ граждане могут обратиться в органы публичной власти с предложением, заявлением или жалобой в форме электронного документа. Обращение направляется через официальный сайт в сети «Интернет» или на электронную почту того органа публичной власти, которому адресовано данное обращение. В целях самозащиты прав человек может привлечь внимание общественности и органов публичной власти к необходимости разрешения какой-либо проблемы, воспользовавшись рядом определенных цифровых возможностей.

1. Обратиться в сетевые издания средств массовой информации, которые доведут до широкой аудитории читателей (подписчиков) информацию о необходимости защиты прав человека.

2. Использовать онлайн-платформы: социальных сетей, мессенджеров, видеохостингов и иных сетевых ресурсов, где могут быть размещены текстовые, аудио- либо видеообращения, содержащие информацию о необходимости защиты прав человека. Более того, в сети «Интернет» каждый самостоятельно может опровергнуть сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию. Для этого можно воспользоваться указанными выше онлайн-платформами. Правовой основой подобных опровержений выступает ч. 5 ст. 152 ГК РФ, где закреплено, что если сведения, порочащие честь, достоинство или

---

²¹¹ *О порядке* рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

деловую репутацию гражданина, оказались доступными после их распространения в сети «Интернет», гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также ее опровержения в сети «Интернет».

3. Применить сетевые инструменты, позволяющие защитить права человека. Примером может являться защита авторских прав на произведения науки, литературы или искусства от их незаконного использования в сети «Интернет». В частности, по запросу правообладателя музыкального произведения администраторы (специалисты) социальной сети «ВКонтакте» либо видеохостинга «YouTube» используют возможности искусственного интеллекта для удаления данных произведений из публичного доступа вследствие их неправомерного опубликования пользователями таких онлайн-платформ. Описываемая процедура является распространенной и основывается на гл. 70 ГК РФ и детально регламентируется пользовательскими соглашениями²¹².

Эффективность таких цифровых возможностей состоит не только в восстановлении нарушенных прав в конкретном случае, но и в том, что законодатель, обращая внимание на системность возникшей проблемы нарушения прав, совершенствует российское законодательство. Так, в результате общественной огласки (в том числе посредством сети «Интернет») проблемы нарушения прав участников долевого строительства в российское гражданское законодательство были внесены изменения, направленные на усиление контроля за деятельностью застройщиков²¹³. В дореформенный период автор настоящего исследования уже занимался данной проблематикой и вносил подобные

---

²¹² *Условия* использования «YouTube» // URL: <https://www.youtube.com/static?template=terms> (дата обращения: 06.11.2022) ; *Пользовательское соглашение* «ВКонтакте» // URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 10.11.2022).

²¹³ *О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 1 июля 2018 г. № 175-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

предложения²¹⁴. Как итог, теперь при покупке квартиры в многоквартирном доме по договору долевого участия в строительстве денежные средства «дольщиков» направляются не застройщику, а банку на счета-эскроу. Следовательно, если застройщик нарушил сроки строительства, требования к качеству объекта долевого строительства либо был объявлен банкротом, то участник долевого строительства вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора и вернуть свои денежные средства.

Таким образом, в условиях цифровизации общества у личности появляются дополнительные возможности защиты своих прав посредством публичной огласки сведений о нарушении прав в сети «Интернет» либо через использование сетевых инструментов.

Статья 46 гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Одним из приоритетных направлений цифровизации Российского государства является внедрение информационно-коммуникационных технологий в сферу осуществления правосудия, получившее обобщенное наименование «электронное правосудие». Согласно п. 1.3 Концепции развития информатизации судов до 2020 г. под ним понимаются способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов²¹⁵. Идея развития электронного правосудия в России в том или ином виде также находит свое отражение в ряде иных нормативных актов²¹⁶. Федеральный закон «Об

---

²¹⁴ Мушаков В. Е. От долевого участия в строительстве — к проектному финансированию // Традиции и новации в системе современного российского права : сб. тезисов XVII междунар науч.-практ. конф. молодых ученых. Москва, 6–7 апреля 2018 г. — Москва : ООО «Прспект», 2018. — С. 402–403.

²¹⁵ Концепция развития информатизации судов до 2020 года (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439) // СПС «Гарант».

²¹⁶ Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 14.17.2022) // СПС «КонсультантПлюс» ; О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» : постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 20.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс» ; Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П) // СПС «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды

обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» служит правовой основой размещения в сети «Интернет» различного рода информации о деятельности судов, а также материалов судебной практики. Законодательством РФ регламентируются процессуальные особенности сбора электронных доказательств (например, ст. 164¹ УПК РФ, ст. 71 ГПК РФ, ст. 29.10 КоАП РФ, ч. 3 ст. 75 АПК РФ) и использования электронных документов (например, ст. 474¹ УПК РФ, ч. 1.1 ст. 3 ГПК РФ, ст. 30.2 КоАП РФ, ч. 7 ст. 4 АПК РФ).

В российскую правоприменительную практику внедрены следующие элементы электронного правосудия:

1) дистанционное обращение в суд путем подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (исковых заявлений, обращений, ходатайств и иных процессуальных документов);

2) дистанционное участие в судебных заседаниях посредством видеоконференц-связи;

3) получение электронных уведомлений участниками судопроизводства (извещений, повесток);

4) использование электронных доказательств сторонами разбирательства в суде;

5) выполнение судебных актов в форме электронных документов, их направление электронным способом;

6) получение информации о движении дела в сети «Интернет»;

7) взаимодействие судов с органами публичной власти посредством электронного документооборота (в частности, для получения информации, необходимой для рассмотрения дела по существу, судья направляет электронные запросы в указанные органы);

общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 (ред. от 17.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

8) размещение на официальном сайте в сети «Интернет» информации о деятельности суда;

9) дистанционный доступ к материалам (архивам) судебной практики в сети «Интернет»;

10) электронное распределение дел для оптимизации судейской нагрузки.

Концепция электронного правосудия подвергается широкому обсуждению в научной литературе. В дискуссии об эффективности и оправданности применения электронного правосудия авторы говорят о таких его плюсах, как сокращение сроков и улучшение качества рассмотрения судебных дел²¹⁷, упрощение судейской работы²¹⁸; оперативная, эффективная и не требующая больших затрат коммуникация суда со спорящими сторонами²¹⁹; доступность (открытость) информации о деятельности суда²²⁰. К числу минусов электронного правосудия ученые, как правило, относят недостаточность его правового регулирования²²¹, низкую защиту конфиденциальности электронного правосудия, неудовлетворительное оснащение некоторых региональных судов техническим оборудованием²²², низкий уровень безопасности электронного документооборота, а также слабая цифровая грамотность населения, что не позволяет пользоваться всеми преимуществами электронного правосудия²²³.

---

²¹⁷ *Борисова Л. В.* Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // *Право и цифровая экономика*. — 2020. — № 2(08). — С. 34.

²¹⁸ *Чекмарева А. В.* Некоторые вопросы цифровизации гражданского судопроизводства в условиях формирования информационного общества // *Администратор суда*. — 2021. — № 3. — С. 17.

²¹⁹ *Солохин А. Е.* Электронное правосудие: особенности, проблемы и перспективы // *Закон*. — 2019. — № 6. — С. 195.

²²⁰ *Валеев Д. Х., Базилевских Е. В.* Система нормативных регуляторов «электронного правосудия» // *Российская юстиция*. — 2019. — № 8. — С. 35.

²²¹ *Борисова В. Ф.* Электронные платформы правосудия по гражданским делам: состояние, риски, перспективы // *Арбитражный и гражданский процесс*. — 2021. — № 4. — С. 15.

²²² *Благодатная Е. Ю., Харук Б. Ю.* Проблемы развития информационно-коммуникационных технологий и электронного правосудия в гражданском процессе // *Дневник науки*. — 2022. — № 4.

²²³ *Кузнецов А. А., Гриценко В. Д.* Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // *Наукофера*. — 2022. — № 4. — С. 210–211.

С позиции конституционного гарантирования права каждого на судебную защиту развитие электронного правосудия в России рассматривается в положительном ключе, поскольку данный процесс ускоряет судебную защиту прав человека, повышает открытость судопроизводства, снижает сроки рассмотрения дела, а значит и нагрузку для судьи. Кроме того, каждый, кто находится вдали от судебного органа, может подать иск либо участвовать в судебном разбирательстве вне региона нахождения суда. Все это фактически совершенствует механизм конституционного гарантирования судебной защиты прав и свобод. Однако требуется дополнительное юридическое обеспечение данного механизма путем дальнейшей конкретизации элементов электронного правосудия в российском законодательстве.

Важно, чтобы внедрение информационно-коммуникационных технологий в сферу правосудия негативно не сказалось на качестве рассмотрения дел. Апогеем цифровизации правосудия предполагается замена судьи роботом, который на основе искусственного интеллекта будет выносить для граждан важные и даже судьбоносные судебные решения, влекущие наступление юридических последствий. На наш взгляд, вмешательство искусственного интеллекта в сферу правосудия в подобном объеме недопустимо и как максимум может быть сведено к конструированию типовых судебных решений, носящих формальный характер (например, при рассмотрении бесспорных гражданско-правовых требований). А. Т. Боннер по данному поводу приходит к выводу, что в юридической литературе и российских высших судебных инстанциях преобладает мнение о том, что ЭВМ, какой бы совершенной она ни была, нельзя доверить принятие ключевых судебных решений²²⁴. Понятно также, что робот не сможет заменить судью: помимо буквы закона при принятии решений он руководствуется внутренним убеждением, совестью и духом закона, т. е. всем тем, чего априори лишен искусственный интеллект.

---

²²⁴ *Боннер А. Т.* Электронное правосудие: реальность или новомодный термин // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 1. — С. 22.

Таким образом, развитие электронного правосудия является частным случаем цифровизации государства, который совершенствует механизм конституционного гарантирования судебной защиты прав и свобод человека.

К числу общих конституционных гарантий также относятся положения ст. 125 Конституции РФ, где закреплено, что Конституционный Суд РФ по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность законов и иных нормативных актов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты (п. «а» ч. 4). В отличие от анализа положений ч. 1 ст. 45 Конституции, в контексте ст. 125 следует затронуть не организационно-правовые аспекты судебной защиты прав человека, а содержание самих решений Конституционного Суда РФ.

Нормы конституционного права не содержат прямого упоминания о необходимости защиты прав человека в виртуальной среде. Однако правоприменительная практика складывается таким образом, что граждане, чьи права и свободы были нарушены в сети «Интернет», оспаривая в этой связи конституционность нормативных актов, обращаются в высший судебный орган конституционного контроля. Как нами указано ранее, существует практика рассмотрения Конституционным Судом РФ дел об оспаривании конституционности положений ст. 10.3 Федерального закона № 149, посвященной праву на забвение²²⁵. Вместе с тем имеются и иные судебные решения Конституционного Суда РФ, в которых декларируется возможность

---

²²⁵ См., напр.: *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 274-О // СПС «КонсультантПлюс» ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр „Сова“» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и статьями 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 849-О // СПС «КонсультантПлюс».

осуществления и защиты тех или иных прав личности в виртуальной среде. Например, судебные решения, посвященные защите прав человека и гражданина на информацию²²⁶, на свободу совести²²⁷, защите чести, достоинства и деловой репутации личности²²⁸, активного избирательного права²²⁹. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин также активно освещает проблематику прав человека в виртуальной среде²³⁰. Его взгляды в определенной степени отражают позицию Конституционного Суда РФ относительно необходимости обеспечения прав человека в условиях цифровизации.

Таким образом, деятельность Конституционного Суда РФ по рассмотрению жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан законами и иными нормативными правовыми актами, примененными в конкретном деле, выступает

---

²²⁶ *По делу* о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова : постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П // СПС «КонсультантПлюс».

²²⁷ *По жалобе* местной религиозной организации Церковь евангельских христиан-баптистов «Примирение» города Йошкар-Олы Республики Марий Эл на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 2 и 3 статьи 8 и пунктом 3 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2019 г. № 2683-О // URL: <https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10102019-n/> (дата обращения: 14.11.2022).

²²⁸ *По делу* о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» : постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П // СПС «КонсультантПлюс» ; *По делу* о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова : постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П // URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09072013-n/> (дата обращения: 14.11.2022).

²²⁹ *По делу* о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного собрания Владимирской области : постановление Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П // URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15042014-n/> (дата обращения: 14.11.2022).

²³⁰ *Зорькин В. Д.* Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями. Российская газета. — 2018. — 9 окт. ; *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире // Российская газета. — 2019. — 25 мая ; *Зорькин В. Д.* Конституционный Суд на рубеже четвертого десятилетия // Российская газета. — 2021. 27 окт.

гарантией прав человека в условиях, когда в связи с цифровизацией общества российское законодательство, постепенно адаптируясь, находится в переходном периоде.

Конституционной гарантией, которая предоставляет возможность воспользоваться наднациональными механизмами для защиты прав человека, является норма, закрепленная в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ. Согласно данной норме, каждый при исчерпании всех доступных внутригосударственных средств правовой защиты имеет право обратиться в международные органы по защите прав и свобод человека, согласно международным договорам, заключенным Российской Федерацией.

До недавнего времени граждане РФ активно обращались в ЕСПЧ, который действует на основе Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, принятой в 1950 г. Однако 15 марта 2022 г. Российская Федерация прекратила свое членство в Совете Европы, и с 16 сентября того же года окончательно вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ. С точки зрения конституционного гарантирования прав человека данные изменения несут в себе отрицательный эффект. Дело в том, что ЕСПЧ выступал действенным судебным органом, решения которого накладывали на государства-участников Совета Европы обязательства как частного (устранение нарушений прав человека в конкретном случае), так и общего характера (создание правовых условий, при которых подобные нарушения не повторятся). Российская Федерация, как государство-участник Совета Европы, выступающее ответчиком в судебных разбирательствах, во исполнение решений ЕСПЧ выплачивала гражданам компенсации в связи с нарушением их прав.

Применительно к теме настоящего исследования отметим, что в практике ЕСПЧ встречаются решения, посвященные защите прав человека в условиях цифровых коммуникаций. В деле 2015 г. «Роман Захаров (Roman Zakharov)

против Российской Федерации»²³¹ заявитель оспаривал правомерность действий трех операторов мобильной связи, абонентом которых он являлся. Операторы связи в соответствии с внутригосударственным законодательством установили оборудование, позволившее Федеральной службе безопасности РФ без предварительной судебной санкции прослушивать его телефонные переговоры. По мнению заявителя, такой системой тайного прослушивания мобильной связи в нарушение ст. 8 Европейской конвенции прав человека и основных свобод было совершено посягательство на тайну его переписки, телефонных переговоров, а также на неприкосновенность личной жизни. В жалобе Захаров просил суд вынести запрет на использование оборудования без судебной санкции и обеспечить доступ к мобильной связи только уполномоченным лицам. ЕСПЧ, рассмотрев дело по существу, пришел к выводу, что положения законодательства РФ о перехвате телефонных коммуникаций не содержат гарантий против возможного произвола органов власти и операторов связи. В частности, суд установил, что не определены пределы и длительность мер скрытого наблюдения, имеются недостатки правового регулирования в процедуре хранения и уничтожения полученных таким образом сведений, надзора за применением этих мер. Кроме того, неэффективна система обжалования гражданами перехвата своих телефонных коммуникаций, так как без системы уведомления о применяемых мерах у них отсутствует возможность получить необходимые доказательства. В результате ЕСПЧ постановил, что в рассматриваемом деле со стороны Российской Федерации имело место нарушение ст. 8 Конвенции и обязал ее выплатить заявителю денежную компенсацию.

В деле 2018 г. «Ивашенко (Ivashchenko) против Российской Федерации»²³² ЕСПЧ рассмотрел жалобу фотожурналиста Ю. Н. Ивашенко, у которого на

---

²³¹ Дело «Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации» (жалоба № 47143/06) : постановление Европейского суда по правам человека от 4 декабря 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс».

²³² Дело «Ивашенко (Ivashchenko) против Российской Федерации» (жалоба № 61064/10) : постановление Европейского суда по правам человека от 13 февраля 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Государственной границе с Республикой Абхазия сотрудники российской таможенной службы в ходе досмотра скопировали информацию с ноутбука, используемого им в профессиональных целях. Заявитель оспаривал действия таможенных органов, ссылаясь на ст. 8 Европейской конвенции прав человека и основных свобод. ЕСПЧ установил нарушение данной статьи, признал, что российские власти не обеспечили законодательных гарантий прав личности при выборочном копировании информации с электронного носителя в ходе таможенного досмотра, и обязал Российскую Федерацию выплатить заявителю денежную компенсацию.

В 2020 г. ЕСПЧ вынес решения одновременно по четырем делам: «Владимир Харитонов против России», «Энгельс против России», «Булгаков против России» и «ООО „Флавус“ и другие против России»²³³. В каждом из них заявители оспаривали блокировку интернет-сайтов в России, основываясь на том, что заблокированный IP-адрес использовался несколькими сайтами либо весь сайт был заблокирован из-за одной страницы или файла. Во всех случаях ЕСПЧ признал нарушение Российской Федерацией права на свободу выражения мнений и эффективное средство правовой защиты (ст. 10 и соответственно ст. 13 Европейской конвенции прав человека и основных свобод) по причине размытости законодательных оснований блокировки сетевых ресурсов и отсутствия правовых гарантий от чрезмерных блокировок. ЕСПЧ обязал Российскую Федерацию выплатить заявителям денежные компенсации.

Ряд иных решений ЕСПЧ, где Российская Федерация не выступала стороной судебного разбирательства, также направлены на защиту прав человека

---

²³³ *Дело* «Владимир Харитонов (Vladimir Kharitonov) против Российской Федерации» (жалоба № 10795/14) : постановление Европейского суда по правам человека от 23 июня 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс» ; *Дело* «Булгаков (Bulgakov) против Российской Федерации» (жалоба № 20159/15) : постановление Европейского суда по правам человека от 23 июня 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс» ; *Дело* «Энгельс (Engels) против Российской Федерации» (жалоба № 61919/16) : постановление Европейского суда по правам человека от 23 июня 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс» ; *Дело* «Компания «ООО Флавус» и другие (ООО Flavus and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 12468/15) : постановление Европейского суда по правам человека от 23 июня 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

при осуществлении цифровых коммуникаций. Например, в деле «Ченгиз и другие против Турции» 2015 г. ЕСПЧ пояснил, что сеть «Интернет» играет особую роль в получении и распространении информации. Необоснованные ограничения оборота информации в сети «Интернет» признаются нарушением ст. 10 Европейской конвенции. В деле 2017 г. «Тамиз против Великобритании» ЕСПЧ, рассматривая жалобу на оскорбления в социальных сетях, призвал уважать честь и достоинство личности в сети «Интернет». В решении по делу «Бенедик против Словении» 2018 г. ЕСПЧ признал важность анонимности в сети «Интернет» и недопустимость ее необоснованных ограничений.

Таким образом, сформирована практика ЕСПЧ по защите частной жизни и свободы выражения мнения в виртуальной среде. Эффективность данного международно-правового механизма заключается в том, что решения ЕСПЧ обязывают государство, выступающее ответчиком по делу, принять меры как частного (восстановить нарушенные права заявителя, выплатить ему денежную компенсацию), так и общего характера (создать правовые условия, в последующем исключая аналогичные нарушения прав). В связи с этим, учитывая ускоренное технологическое развитие, обостряющее проблему защиты прав человека в виртуальной среде, выход Российской Федерации из состава Совета Европы несет отрицательный эффект.

Механизмами ЕСПЧ не исчерпываются возможности граждан РФ обращаться в межгосударственные органы за защитой своих прав. В результате присоединения Российской Федерации к Факультативному протоколу Международного пакта о гражданских и политических правах 1996 г.²³⁴ каждый, кто на законных основаниях находится на территории России, вправе обратиться в Комитет ООН по правам человека. Данный орган уполномочен рассматривать индивидуальные жалобы на нарушение государством-участником настоящего Пакта прав, получивших в нем закрепление.

---

²³⁴ *Факультативный* протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

Не исключено также и то, что каждый может обратиться в специальные органы ООН за защитой прав, нарушенных в виртуальной среде. Речь идет главным образом о Совете ООН по правам человека, Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека, Международном Суде ООН. Возможны также договорные обращения в органы ООН: Комитет по правам ребенка, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет против пыток и др. Однако практика таких обращений немногочисленна, а принимаемые в результате рассмотрения жалоб решения публикуются в виде ежегодных отчетов (докладов), накладывающих на государства, чьи действия были обжалованы, лишь обязательства рекомендательного характера.

Несмотря на то, что каждый может обратиться в профильные комитеты и специальные органы при ООН для защиты нарушенных прав в виртуальной среде, малочисленная практика решений таких комитетов и органов, а также их общий характер, который не влечет наступления конкретных юридических обязательств для Российской Федерации, позволяют констатировать их низкую эффективность в вопросе обеспечения прав человека. Выход Российской Федерации из состава Совета Европы и отсутствие юрисдикции ЕСПЧ стали факторами, существенно снизившими актуальность ч. 3 ст. 46 Конституции РФ в части гарантирования прав человека как в материальной, так и в виртуальной среде. Однако это не означает, что данная норма утратила свое значение. Ее роль и воздействие могут изменяться в зависимости от развития международных политических отношений, решение которых не входит в область исследования конституционно-правовой науки.

Подводя итог на основе проведенного анализа, отметим, что конституционные гарантии прав человека в условиях цифровизации представляют собой предусмотренные Конституцией РФ условия и средства обеспечения прав человека, фактическая реализация и защита которых в динамичных условиях цифровизации общества подверглась существенным изменениям. В названных условиях обостряется проблема защиты прав человека,

возрастает запрос личности на эффективное действие конституционных гарантий, требующих на фоне рассмотренных процессов их обновленной интерпретации.

При оценке эффективности конституционных гарантий в эпоху развития цифровых технологий следует принимать во внимание наличие в государстве общих гарантий реализации прав человека. К их числу следует отнести:

1) политику государства, направленную на технологическое развитие общества (политическое условие);

2) интенсивное межгосударственное взаимодействие в целях развития информационно-коммуникационных технологий (политическое условие);

3) экономическое благосостояние граждан, позволяющее им пользоваться в личных интересах информационно-коммуникационными технологиями (экономическое условие);

4) создание, поддержание исправности и дальнейшее развитие сетевой инфраструктуры на территории всего государства (технологическое условие);

5) уровень цифровой грамотности населения государства, достаточный для обеспечения массового использования информационно-коммуникационных технологий при реализации прав и свобод (культурное условие);

6) доверие к информационно-коммуникационным технологиям со стороны граждан, на основании которого последние самостоятельно и исходя из личных интересов распространяют в виртуальной среде свои персональные данные и сведения о частной жизни (духовное условие).

Предельно общей конституционной гарантией прав человека является наличие конституционного строя, свидетельствующего об обеспечении прав человека в виртуальной среде. Признаком его зрелости выступает доктринальное и легальное толкование конституционных гарантий, адаптированных под реалии цифрового развития общества. Для этого автором предложено следующее обновленное содержание ключевых гарантий, закрепленных в ст. ст. 2, 17, 18, 19, 45, 46 и 125 Конституции РФ.

1. Конституционная гарантия ст. 2 Конституции РФ эффективна лишь в случае признания за человеком, его правами и свободами высшей ценности, а за государством — вытекающих отсюда обязанностей, независимо от того, онлайн или офлайн способами такие права реализуются.

2. Постулаты естественно-правовой концепции, возведенные в ранг положений ст. 17 и ст. 18 Конституции РФ, не смогут гарантировать права человека без дополнительного государственного вмешательства, поскольку осуществление прав человека посредством информационно-коммуникационных технологий предполагает не только государственное признание данного факта, но и требует необходимых для этого общих гарантий как политических, социально-экономических и технологических условий, обеспечение которых находится в компетенции государства.

3. Равенство прав и свобод человека, гарантированное ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, должно быть обеспечено государством независимо от возможностей доступа к информационно-коммуникационным технологиям. В противном случае проблема цифрового разрыва приведет к цифровому неравенству, т. е. ограничению в реализации прав отдельных индивидов.

4. Системное толкование ч. 1 ст. 45 и п. «м» ст. 71 Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав человека при применении информационных технологий и обороте цифровых данных.

5. В условиях цифровизации общества на основании ч. 2 ст. 45 Конституции РФ у личности появляются дополнительные возможности защиты своих прав посредством размещения сведений о нарушении прав в сети «Интернет» либо через использование иных сетевых инструментов.

6. Развитие электронного правосудия является частным случаем цифровизации государства, совершенствующим судебную защиту прав и свобод человека, гарантированную ст. 46 Конституции РФ.

7. На основании п. «а» ч. 4 ст. 125 Конституции РФ деятельность Конституционного Суда РФ по рассмотрению жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан законами и иными нормативными правовыми актами, примененными в конкретном деле, выступает гарантией прав человека в условиях, когда в связи с цифровизацией общества российское законодательство, постепенно адаптируясь, находится в переходном периоде.

8. В связи с выходом Российской Федерации из состава Совета Европы и нивелированием юрисдикции ЕСПЧ, а также недостаточной эффективностью органов и учреждений ООН по защите прав человека конституционная гарантия ч. 3 ст. 46 Конституции РФ об обращении граждан в межгосударственные органы по защите прав человека утратила актуальность, однако ее жизнеспособность зависит от международных политических отношений, проблемы которых не разрешаются в рамках конституционно-правовой науки.

2.3. Система органов публичной власти в механизме реализации прав человека в условиях цифровизации

Права человека и их конституционные гарантии обеспечиваются организационно-правовой деятельностью органов публичной власти. Категория «публичная власть» появилась в Конституции РФ в результате внесения в нее поправок в 2020 г.²³⁵ В обновленной редакции ч. 3 ст. 132 Конституции РФ закреплено, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации. В статье 71 (п. «г») организация публичной власти отнесена к ведению Российской Федерации. Конституционные поправки о публичной власти явились результатом длительного государственного строительства современной России. Подтверждением выступает правовая позиция Конституционного Суда РФ, который в своих решениях неоднократно указывал на осуществление в Российской Федерации трехуровневой публичной власти: федеральной, региональной и муниципальной²³⁶.

Предвосхищая итоги конституционной реформы 2020 г., ученые-конституционалисты в научной литературе для обозначения системы органов государственной власти и органов местного самоуправления использовали обобщенное понятие «органы публичной власти». Например, Н. С. Бондарь

---

²³⁵ *О совершенствовании* регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁶ См., напр.: *По делу* о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18 и статьи 30.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республики Саха (Якутия) «О выборах Президента Республики Саха (Якутия)» (п. 2.1) : постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2002 г. № 12-П // СПС «КонсультантПлюс» ; *По делу* о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» (п. п. 2.3, 3.2) : постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П // СПС «КонсультантПлюс».

раскрывал конституционно-правовую природу местной публичной власти через различные формы сочетания и взаимопроникновения государственных и муниципальных институтов демократии²³⁷. В. Е. Чиркин понятие «публичная власть» использовал для характеристики государственной власти и власти в территориальных публично-правовых сообществах (субъектах Федерации, территориальных автономиях и муниципальных образованиях)²³⁸. С. А. Авакьян, рассматривая публичную власть в качестве воплощения народовластия в России, пришел к выводу, что она представлена тремя организационными формами: государственной властью, общественной властью и муниципальной властью²³⁹. А. Н. Писарев сформулировал трехуровневую систему органов публичной власти в России: государственную федеральную, государственную региональную (уровень субъектов РФ) и муниципальную²⁴⁰.

Таким образом, конституционные поправки 2020 г. о публичной власти являются новеллами лишь в формально-юридическом смысле, так как констатируют реально сложившиеся общественные отношения, связанные с практикой единого государственного и муниципального управления в Российской Федерации.

В развитие обновленных положений Конституции РФ Федеральным законом «О Государственном Совете Российской Федерации»²⁴¹ в ч. 1 ст. 2 закреплено, что под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Федерации, иные государственные органы и органы местного самоуправления в

---

²³⁷ Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении : учеб. пос. — Москва : ОАО «Издательский дом „Городец“», 2004. — С. 67.

²³⁸ Чиркин В. Е. Территориальная организация публичной власти : монография / В. Е. Чиркин. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. — С. 64–65.

²³⁹ *Современные проблемы организации публичной власти* : монография / рук. авт. колл. и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Авакьян С. А. — Москва : Юстицинформ, 2014. — С. 59–60.

²⁴⁰ Писарев А. Н. Конституционно-правовые основы системы органов публичной власти в Российской Федерации / А. Н. Писарев. — Москва : РГУП, 2018. — С. 17.

²⁴¹ *О Государственном Совете Российской Федерации* : федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

их совокупности, осуществляющие взаимодействие, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также создания условий для социально-экономического развития государства. Как видим, из представленного определения одним из ключевых направлений деятельности российских органов публичной власти является обеспечение прав человека. Выстраивание вертикали единой публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях направлено на повышение эффективности взаимодействия органов, осуществляющих публично значимые функции в указанном направлении деятельности.

Классификация органов публичной власти predetermined положениями Конституции РФ. Выделение в ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации» системы органов публичной власти, представленной федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, иными государственными органами и органами местного самоуправления (вертикальное разделение), в полной мере согласуется со ст. ст. 10–12, 77 и 78 Конституции РФ.

Кроме того, в юридической литературе прослеживаются аналогичные подходы к раскрытию системы органов, осуществляющих публичную власть в России. Так, А. Н. Писарев в данную систему включает федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления²⁴². А. А. Югов к органам публичной власти относит органы публичной государственной власти федерального и регионального уровней, а также органы публичной муниципальной власти²⁴³. Другие теоретики в число элементов единой публичной власти включают федеральные органы

---

²⁴² Писарев А. Н. Указ. соч. С. 8–17.

²⁴³ Югов А. А. Органы публичной власти по законодательству России : электронная монография / А. А. Югов. — Казань : Бук, 2021. — 122 с.

государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы и всю совокупность органов местного самоуправления²⁴⁴.

В обязанности органов публичной власти в рамках собственной общей компетенции, выступающих от лица государства, входят признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, что вытекает из положений ст. 2 Конституции РФ. Соответственно обеспечение прав и свобод человека и гражданина является самостоятельным направлением их деятельности, имеющим важную роль в механизме реализации указанных прав и свобод. В результате цифровизации прав человека внесены коррективы в организационно-правовые аспекты деятельности органов публичной власти по обеспечению указанных прав. Однако, принимая во внимание эти изменения, в настоящее время в публично-правовой науке не предложены подходы к раскрытию элементов системы органов публичной власти в механизме реализации прав человека в условиях цифровизации, в достаточной степени не исследованы также особенности взаимодействия данных органов в названных условиях.

В соответствии с законодательно установленной компетенцией органы публичной власти в разной степени вовлечены в процесс обеспечения прав человека в условиях цифровизации. Из них условно можем выделить органы публичной власти, которые в рамках собственной общей компетенции выполняют указанную функцию в качестве сопутствующей, и органы публичной власти, предназначение которых заключается именно в обеспечении прав человека.

Президент РФ является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Функция Президента РФ как гаранта, в частности, реализуется через его нормотворчество, направленное на определение основных направлений внутренней политики государства в сфере обеспечения прав человека в условиях цифровизации. Цифровая трансформация стала национальной целью развития

---

²⁴⁴ *Публичная власть: система, компетенции* : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. М. Н. Кобзарь-Фроловой ; отв. ред. И. В. Глазунова. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. — С. 34–35.

Российской Федерации до 2030 г.²⁴⁵, определенной Президентом РФ. Этот приоритет подкреплен Указом Президента России от 5 декабря 2016 г. № 646²⁴⁶, который утверждает доктрину информационной безопасности России. В этой доктрине отмечается, что обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере, особенно в контексте использования информационных технологий и защиты неприкосновенности частной жизни, относятся к национальным интересам Российской Федерации (пп. «а» п. 8). Защита прав и законных интересов граждан и организаций также признана одной из задач, которые возлагаются на государственные органы в рамках обеспечения информационной безопасности (пп. «а» п. 35).

Президент РФ утвердил Стратегию развития информационного общества в России до 2030 г.²⁴⁷, в рамках которой одной из ключевых целей является обеспечение прав граждан на объективную, достоверную и безопасную информацию. Также в настоящей Стратегии говорится о необходимости создания условий, которые удовлетворяют потребности граждан в непрерывном развитии и доступе к знаниям (п. 24).

Национальной Стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490²⁴⁸, защита прав и свобод человека отнесена к основным принципам развития и использования технологий искусственного интеллекта, соблюдение которых обязательно при реализации указанной Стратегии.

Под руководством Президента РФ свою деятельность осуществляют подразделения Администрации Президента РФ, оказывающие содействие в

---

²⁴⁵ *О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года* : указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁶ *Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (дата обращения: 14.01.2023).

²⁴⁷ *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы* : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.

²⁴⁸ *О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации* : указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // СПС «КонсультантПлюс».

реализации его полномочий в исследуемой сфере: Управление Президента РФ по обеспечению конституционных прав граждан²⁴⁹ и Управление Президента РФ по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи²⁵⁰. Консультативным органом при главе государства является Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, который оказывает содействие обеспечению и защите прав и свобод человека в цифровом пространстве, вносит предложения Президенту РФ о совершенствовании законодательства РФ в обозначенной сфере²⁵¹.

Указом от 10 июля 2018 г. № 413²⁵² Президент РФ назначил специального представителя по вопросам цифрового и технологического развития, который занимается также вопросами защиты прав граждан при внедрении цифровых технологий в российское общество.

Таким образом, Президент РФ издает документы стратегического планирования, в которых обеспечение прав человека выступает одним из самостоятельных направлений внутренней политики государства в условиях цифровизации общества. Кроме того, Президентом РФ сформирована система консультативных и совещательных органов, оказывающих ему содействие в реализации полномочий по обеспечению прав человека в условиях цифровизации.

Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума) как высший законодательный и представительный орган Российской Федерации

---

²⁴⁹ *Об Управлении* Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан : указ Президента РФ от 21 декабря 2018 г. № 740 (ред. от 20.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁰ *О мерах* по оптимизации структуры Администрации Президента Российской Федерации (вместе с «Положением об Управлении Президента Российской Федерации по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи») : указ Президента РФ от 14 июня 2018 г. № 334 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵¹ *Доклад* Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» // URL: http://www.president-совет.ru/docs/doclad_SPCh.docx (дата обращения: 16.01.2022).

²⁵² *О специальном* представителе Президента Российской Федерации по вопросам цифрового и технологического развития : указ Президента Российской Федерации от 10 июля 2018 г. № 413 // СПС «КонсультантПлюс».

осуществляет законодательный процесс. Для целей обеспечения прав человека в условиях цифровизации российским парламентом принимаются федеральные законы, направленные на регулирование общественных отношений в данной сфере. К их числу в первую очередь следует отнести Федеральный закон № 149, Федеральные законы «О персональных данных», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве», «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁵³ и др. Приведенные в качестве примера федеральные законы регулируют отношения, находящиеся на стыке информационного и конституционного права, поскольку вопросы, связанные с информационным пространством, так или иначе затрагивают правовой статус личности.

При этом динамичность цифровых изменений общества диктует необходимость периодического пересмотра существующего нормативно-правового материала со стороны Федерального Собрания РФ и иных субъектов права законодательной инициативы.

В соответствии со ст. 23 обновленного после конституционной реформы 2020 г. Федерального Конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»²⁵⁴ Правительство РФ осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод человека и гражданина (п. 2), а также по обеспечению безопасности

---

²⁵³ *О персональных данных* : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс» ; *О защите* детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс» ; *О проведении* эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве : федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» ; *О цифровых* финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁴ *О Правительстве* Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».

личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. 3).

Правительство РФ осуществляет руководство деятельностью Минцифры России и подведомственной ей Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор). Минцифры России и Роскомнадзор в лице государства выступают значимым проводником цифровизации российского общества.

Для достижения национальной цели по цифровой трансформации России к 2030 г. в настоящее время Правительством РФ сформирована и реализуется Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», направленная на развитие сетевой инфраструктуры, искусственного интеллекта, иных цифровых технологий, цифровизацию экономических отношений, обеспечение безопасности цифровых данных граждан и их доступа к цифровым государственным услугам²⁵⁵. В рамках реализуемого под руководством Правительства РФ федерального проекта «Цифровая образовательная среда» происходит поэтапное внедрение информационных технологий в образовательный процесс для обеспечения права каждого на образование. Целью федеральных проектов «Здравоохранение» и «Культура» является также повышение качества предоставляемой медицинской помощи и, соответственно, доступа к учреждениям культуры за счет внедрения информационных технологий, что позволяет повысить уровень обеспечения конституционных прав граждан на медицинскую помощь, на участие в культурной жизни и на пользование учреждениями культуры.

На примере законодательного процесса можем отметить взаимодействие Президента РФ, Федерального Собрания РФ и Правительства РФ в вопросе обеспечения прав человека в условиях цифровизации. Так, Правительством РФ был внесен законопроект о розничной продаже лекарственных средств

---

²⁵⁵ *Паспорт* национального проекта «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

дистанционным способом²⁵⁶, который был рассмотрен Государственной Думой и Советом Федерации, а позднее подписан Президентом РФ. В конечном итоге принятый Федеральный закон²⁵⁷ позволил маломобильным гражданам (инвалидам, пожилым, пациентам из отдаленных населенных пунктов) получить лекарственные средства, оформив заказ в сети «Интернет».

Деятельность федеральных судов РФ и мировых судей субъектов РФ претерпевает изменения, связанные с внедрением концепции электронного правосудия в российское судопроизводство, о чем в диссертационном исследовании было сказано ранее. В контексте вопроса обеспечения прав человека в условиях цифровизации общества следует добавить, что суды РФ, опираясь на положения действующего отечественного законодательства, защищают права и свободы человека и гражданина, вне зависимости от того, где последние были нарушены — в материальной или виртуальной среде. Подтверждением является значительная судебная практика, в частности: по защите чести, достоинства и деловой репутации в сети «Интернет» в рамках гражданского судопроизводства; защите интеллектуальных прав в сети «Интернет»; по рассмотрению административных дел по ограничению доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, причиняющую вред здоровью и развитию детей; по рассмотрению уголовных дел о преступлениях в сфере компьютерной информации и др. Вместе с тем следует фиксировать и обратный процесс, при котором российская судебная практика стала основой формирования законодательной базы по обеспечению прав человека в информационном пространстве.

---

²⁵⁶ *О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств»* : законопроект № 285949-7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/285949-7> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁵⁷ *О внесении изменений в статью 15-1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств»* : федеральный закон от 3 апреля 2020 г. № 105-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

В организационно-правовом механизме обеспечения прав человека в условиях цифровизации органы государственной власти субъектов РФ представлены: органами законодательной и исполнительной ветвей власти субъектов РФ; институтами уполномоченных по правам человека в субъектах РФ; уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ; уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах РФ и избирательными комиссиями субъектов РФ.

Обеспечение прав человека в деятельности органов законодательной власти субъектов РФ проявляется прежде всего в принятии ими нормативных правовых актов, конкретизирующих положения федерального законодательства. Так, в соответствии с Федеральным законом «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»²⁵⁸ Московской городской думой был принят Закон для регулирования отношений в данной сфере²⁵⁹. Законом Республики Татарстан «Об обращениях граждан в Республике Татарстан»²⁶⁰ регламентируется порядок обращений граждан в органы публичной власти в электронной форме. Законом Свердловской области «Об отдельных вопросах подготовки и проведения публичных мероприятий на территории Свердловской области»²⁶¹ в ст. 8 предусмотрена обязанность уполномоченного

---

²⁵⁸ *О проведении* эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва : федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44277> (дата обращения: 22.01.2023).

²⁵⁹ *О проведении* эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва : закон города Москвы от 22 мая 2019 г. № 18 // URL: https://duma.mos.ru/ru/38/adopted_documents/corebofs002080000mkhdqnp85bnrpd (дата обращения: 22.01.2023).

²⁶⁰ *Об обращениях* граждан в Республике Татарстан : закон Республики Татарстан от 12 мая 2003 г. № 16-ЗРТ // URL: https://minjust.tatarstan.ru/zakonodatelstvo.htm?pub_id=146351.htm (дата обращения: 22.01.2023).

²⁶¹ *Об отдельных* вопросах подготовки и проведения публичных мероприятий на территории Свердловской области : закон Свердловской области от 7 декабря 2012 г. № 102-ОЗ // URL: <https://docs.cntd.ru/document/453123287> (дата обращения: 25.01.2023).

органа местного самоуправления размещать на своем официальном сайте в сети «Интернет» информацию о времени и датах проведения публичных мероприятий.

Исполнительные органы субъектов РФ (высшее должное лицо субъекта РФ и высший исполнительный орган субъекта РФ) в сфере своей компетенции по исполнению законов создают условия, обеспечивающие наиболее полную реализацию прав человека в условиях цифровизации. Во-первых, исполнительные органы субъектов РФ рассматривают обращения граждан РФ, в том числе по вопросам внесудебной защиты их прав и свобод. Для подачи обращений гражданами РФ может быть использована специальная форма на официальном сайте органа исполнительной власти субъекта РФ в сети «Интернет»²⁶². Во-вторых, органы исполнительной власти субъекта РФ для создания комфортной цифровой среды, повышения взаимодействия между гражданами, обществом и государством формируют и реализуют региональные программы по активному внедрению информационных технологий в общественную жизнь²⁶³. В-третьих, в целях интенсивного взаимодействия исполнительных органов государственной власти субъектов РФ с населением функционируют интернет-порталы (например, «Добродел»²⁶⁴ для жителей Московской области, «Наш город»²⁶⁵ для жителей Москвы).

Согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина определяют деятельность местного самоуправления. Федеральным законом от

---

²⁶² См., напр.: *Портал* Правительства Омской области // URL: <https://omskportal.ru/governor/priemnaya/obr> (дата обращения: 23.01.2023).

²⁶³ См.: *О городской* целевой Программе «Электронная Москва» : постановление Правительства Москвы от 6 августа 2002 г. № 609-ПП // URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/22748220/> (дата обращения: 23.01.2022) ; *О реализации* мероприятий по обновлению материально-технической базы общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций в целях внедрения цифровой образовательной среды в рамках федерального проекта «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование» : распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 14 апреля 2021 г. № 13-рп // URL: <https://docs.cntd.ru/document/603294202> (дата обращения: 23.01.2023).

²⁶⁴ *Официальный* портал Правительства Московской области // URL: <https://dobrodel.mosreg.ru/> (дата обращения: 26.01.2023).

²⁶⁵ *Портал* мэра Москвы «Наш город» // URL: <https://gorod.mos.ru/portal/about> (дата обращения: 26.01.2023).

6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»²⁶⁶ обеспечение прав человека прямо не отнесено к компетенции органов местного самоуправления. Однако, исходя из их полномочий по решению вопросов местного значения, органы местного самоуправления принимают участие в обеспечении прав человека в условиях цифровизации. Они создают условия для наиболее полной реализации прав человека при удовлетворении насущных, наиболее важных жизненных потребностей местного населения, а также в ходе решения иных вопросов местного значения.

Цифровизация муниципальных образований позволяет органам местного самоуправления использовать новые возможности для обеспечения прав человека. Это проявляется в применении информационных технологий в публичных слушаниях, опросах, сходах и обсуждениях местного населения; приеме обращений граждан в электронной форме, оказании консультаций по вопросам защиты их прав; размещении на официальном сайте органов местного самоуправления в сети «Интернет» информации, затрагивающей права и законные интересы граждан; в использовании многофункциональных центров при оказании органами местного самоуправления муниципальных услуг, а также государственных услуг при осуществлении ими отдельных государственных полномочий.

В настоящее время в большинстве зарубежных мегаполисов применяется цифровая модель многоаспектного развития «Умный город». В рамках реализации данного проекта отмечаются значительные цифровые преобразования в сферах транспорта, связи, безопасности, торговли, образования, здравоохранения и управления. А. И. Соколова, исследуя отечественный опыт цифровизации местного самоуправления, отмечает, что в российских муниципальных образованиях темпы внедрения информационных технологий

---

²⁶⁶ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

значительно медленнее, чем в других государствах²⁶⁷. Объясняется это повышенной дотационностью местных бюджетов и необходимостью государственного участия в создании сетевой и иной технологической инфраструктуры на определенной территории. Вместе с тем постепенное развитие «умных технологий» позволяет говорить о тенденции цифровизации отечественных муниципальных образований и, в перспективе, повышении интенсивности взаимодействия органов местного самоуправления с гражданами по вопросам обеспечения их прав и свобод.

Таким образом, рассмотренные органы публичной власти, помимо осуществления иных возложенных на них полномочий, задействованы в процессе обеспечения прав человека в условиях цифровизации общества. Это связано с тем, что их обязанность обеспечивать права человека неизменна, вне зависимости от цифровой трансформации способа реализации указанных прав.

Другую группу составляют органы публичной власти, предназначение которых заключается в обеспечении прав человека. К числу данных органов следует отнести: Уполномоченного по правам человека в РФ, Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ; Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка и Уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ; Уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ и в субъектах РФ; Уполномоченного по защите прав потребителей финансовых услуг, Представителя Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в сфере интернета (далее — Интернет-омбудсмен); МВД России; избирательные комиссии РФ и Роскомнадзор.

В условиях цифровой трансформации их деятельность претерпевает изменения. Так, по направлениям своей деятельности специализированные (отраслевые) омбудсмены федерального и регионального уровней в целях защиты прав человека осуществляют рассмотрение жалоб, предложений или заявлений,

---

²⁶⁷ Соколова А. И. Актуальные проблемы цифровизации местного самоуправления : учеб. пос. / А. И. Соколова. — Оренбург : Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2020. — С. 19.

поданных в форме электронного документа. В качестве примера отметим, что законодательной основой такого способа направления обращений является ч. 1 ст. 9 Федерального закона «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации»²⁶⁸. Из Доклада о деятельности Уполномоченного Омской области по правам человека следует, что в 2022 г. гражданами РФ через официальный сайт Уполномоченного или по электронной почте направлено 462 обращения, или 23% от общего количества поступивших письменных обращений²⁶⁹. Таким образом, на примере Омской области видим, что граждане в целях защиты своих прав активно используют информационно-телекоммуникационные технологии для подачи обращений региональному омбудсмену.

Специфическую роль в обеспечении прав человека в условиях цифровизации имеет Интернет-омбудсмен. Он входит в рабочий Аппарат Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и осуществляет общественно-представительские и экспертные функции по защите экономических прав субъектов предпринимательской деятельности в сфере Интернета. Вместе с тем статус Интернет-омбудсмента не урегулирован законодательством РФ, и осуществляемые им функции имеют узконаправленный характер.

Избирательные комиссии РФ различных уровней осуществляют подготовку и проведение выборов и референдумов в Российской Федерации. В условиях цифровизации они путем внедрения технологий ДЭГ обеспечивают реализацию и защиту активного и пассивного избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ. Кроме того, на официальном сайте ЦИК России в сети

---

²⁶⁸ *Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации* : федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁹ *Доклад о деятельности Уполномоченного Омской области по правам человека в 2022 году* // URL: <https://upch55.ru/doklad-o-deyatelnosti-upolnomochennogo-omskoj-oblasti-po-pravam-cheloveka-v-2022-godu/> (дата обращения: 24.05.2023).

«Интернет»²⁷⁰ размещены цифровые сервисы для информирования граждан РФ о выборах, референдумах и сроках их проведения; о включении в список избирателей, участников референдума; о кандидатах и избирательных объединениях, о голосовании по месту нахождения (сервис «Мобильный избиратель»), а также по иным вопросам, затрагивающим избирательные права граждан РФ. Также ЦИК России осуществляет нормативно-правовое регулирование предвыборной агитации в сети «Интернет» в части, посвященной учету объемов и стоимости услуг по размещению предвыборных агитационных материалов в сетевых изданиях²⁷¹.

Российская полиция является составной частью централизованной системы МВД России и в соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О полиции»²⁷² предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства. Современные технологии используются злоумышленниками для совершения преступлений. По данным ГИАЦ МВД России, за 2022 г. в Российской Федерации каждое четвертое преступление совершается с использованием высоких технологий (522 065 зарегистрированных преступлений)²⁷³. Высокий уровень обозначенной преступности негативно сказывается на состоянии защищенности прав человека.

В условиях цифровизации общества полиция находится на пути перехода от архаичных к инновационным методам осуществления правоохранительных

---

²⁷⁰ *Официальный сайт* Центральной избирательной комиссии РФ // URL: <http://www.cikrf.ru/digital-services/> (дата обращения: 01.02.2023).

²⁷¹ См., напр.: *О формах* ведения организациями телерадиовещания, редакциями периодических печатных изданий и редакциями сетевых изданий отдельного учета объемов и стоимости эфирного времени, печатной площади, услуг по размещению предвыборных агитационных материалов в сетевых изданиях, предоставленных политическим партиям, зарегистрированным кандидатам при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва : постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 9 июня 2021 г. № 9/71-8 // URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49397/> (дата обращения: 01.02.2023).

²⁷² *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷³ *Краткая характеристика* состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (01.05.2023).

функций. В целях эффективного противодействия преступности за счет внедрения информационных технологий оптимизируется деятельность полиции по обеспечению прав человека. Правовой основой подобных изменений выступает декларативное положение ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О полиции», согласно которому полиция в своей деятельности использует достижения науки и техники, информационные системы, сети связи и современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру.

Защита прав человека сотрудниками полиции осуществляется посредством традиционных административно-правовой и уголовно-процессуальной форм деятельности, в которые в результате цифрового развития российского общества вносятся необходимые коррективы. Административно-правовая деятельность сотрудников полиции включает следующие нововведения, вызванные цифровизацией:

1) производство по делам об административных правонарушениях, совершенных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

2) профилактику административных правонарушений и преступлений путем размещения справочных материалов в сети «Интернет»;

3) применение современных информационных технологий для обеспечения правопорядка в общественных местах при проведении массовых мероприятий;

4) автоматическую фото- и видеофиксацию административных правонарушений специальными техническими средствами;

5) использование документов в электронной форме в доказывании по делам об административных правонарушениях;

6) оказание государственных услуг посредством информационного портала в сети «Интернет»;

7) применение регистрационных и миграционных учетов территориальных органов МВД России по вопросам миграции;

8) применение систем видеонаблюдения в служебных автомобилях и персональных носимых устройствах регистрации информации;

9) использование автоматизированного рабочего места в деятельности сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения, участковых уполномоченных полиции, оперуполномоченных уголовного розыска и других сотрудников полиции;

10) использование информационных технологий для обеспечения взаимодействия служб и подразделений полиции при выполнении обязанностей в особых условиях (чрезвычайного положения, военного положения, при проведении контртеррористических операций и др.).

В рамках уголовно-процессуальной деятельности при применении цифровых технологий сотрудниками полиции осуществляются следующие мероприятия:

1) использование возможностей сети «Интернет» в розыске скрывшихся преступников, без вести пропавших лиц и других категорий граждан, разыскиваемых оперуполномоченными уголовного розыска органов внутренних дел;

2) прием заявлений о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях в электронной форме по телефону, электронной почте либо через официальные интернет-сайты;

3) выявление фактов преступной деятельности в сети «Интернет»;

4) использование возможностей сети «Интернет» при раскрытии преступлений;

5) документирование сотрудниками уголовного розыска органов внутренних дел фактов преступной деятельности посредством средств фото-, видео- и аудиофиксации;

6) расследование преступлений в сфере информационных технологий, которые относятся к подследственности дознавателей органов внутренних дел РФ;

7) применение информационно-поисковых систем для информационно-аналитического обеспечения деятельности полиции (учеты ГИАЦ МВД России —

ИБД-Ф, ИБД-Р, АИПС, АБД; информационный портал «Ваш участковый», АО «Папилон», AI-система «Авто-инспектор» и др.);

8) использование электронных носителей информации в качестве доказательств при производстве дознания по уголовному делу;

9) применение технических средств дознавателями органов внутренних дел РФ в ходе производства следственных действий по уголовному делу (например, фото- и видеосъемка в ходе осмотра места происшествия; проведение допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видео-конференц-связи; осмотр электронных носителей информации);

10) составление фотороботов экспертами-криминалистами с помощью автоматизированной российской системы «Фоторобот»;

11) использование средств мобильной связи и сетевых мессенджеров при взаимодействии дознавателей органов внутренних дел с участниками уголовного судопроизводства;

12) проведение компьютерных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России.

Технические средства автоматической идентификации граждан по их фото- и видеоизображениям, постепенно внедряемые в городских агломерациях, расширяют возможности полицейских органов. Россия занимает третье место в мире по общему количеству установленных камер видеонаблюдения²⁷⁴. Их применение полицейскими органами не ограничивается сферой безопасности дорожного движения. Так, в период проведения чемпионата мира по футболу в 2018 г. в России была верифицирована система распознавания лиц «FindFace Security», позволившая задержать свыше 180 правонарушителей, в том числе тех, кто находился в федеральном розыске²⁷⁵.

---

²⁷⁴ По числу камер видеонаблюдения страна вышла на третье место в мире // Коммерсантъ. 2020. 25 декабря // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4628220> (дата обращения: 03.02.2023).

²⁷⁵ Цит. по: Токарева С. Н. Цифровизация в деятельности органов правопорядка // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2019. — № 14(2). — С. 591.

Установленные камеры используются также в г. Москве для привлечения к административной ответственности лиц, нарушающих санитарно-эпидемиологические нормы, участвующих в несанкционированных публичных мероприятиях и др. Возможности системы распознавания лиц с помощью фото- и видеокамер в перспективе позволят устанавливать местонахождение разыскиваемых преступников и лиц, совершающих или совершивших административные правонарушения. Следовательно, в условиях цифровизации сотрудники полиции для обеспечения прав граждан используют достижения технического прогресса.

Другим современным направлением деятельности российской полиции выступает мониторинг информационного пространства, служащий действенным инструментом предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений²⁷⁶. На расширенном заседании коллегии МВД России Президент РФ в целом указывал на необходимость мониторинга интернет-пространства сотрудниками полиции и, в частности, обозначил задачи по выявлению в сети «Интернет» лиц, вовлекающих несовершеннолетних в противоправные действия (включая несанкционированные акции), осуществляющих экстремизм, незаконный оборот наркотических средств, коррупционные деяния, пропаганду национализма, религиозной ненависти и вражды²⁷⁷. Действительно, в сети «Интернет» совершаются различные противоправные действия, своевременное выявление которых позволит минимизировать общественно опасные последствия и привлечь виновных лиц к юридической ответственности.

Поэтому в условиях прозрачности контента, размещаемого в сети «Интернет», сотрудникам полиции следует регулярно осуществлять его

---

²⁷⁶ См. об этом подробнее: Бучакова М. А., Мушаков В. Е. Оптимизация деятельности российской полиции по защите прав человека в условиях цифровизации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2022. — № 4. — С. 9–13.

²⁷⁷ Расширенное заседание коллегии МВД России от 3 марта 2021 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 02.02.2023).

мониторинг в целях выявления лиц, склонных к антиобщественному поведению, а также выявления и фиксации фактов противоправной деятельности. В случае необходимости следует принимать адекватные меры административно-правового или уголовно-правового воздействия.

Вместе с тем под рассматриваемое направление фактически осуществляемой полицейской деятельности не подведена необходимая нормативно-правовая база. Федеральным законодательством на сотрудников полиции все еще не возложена обязанность мониторинга виртуальной среды. Принимая во внимание, что виртуальная среда стала местом совершения различных преступлений и административных правонарушений, автор считает необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции», где в п. 11.1 возложить на полицию следующую обязанность: «осуществлять мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет в целях выявления, предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений, отнесенных законодательством Российской Федерации к подведомственности полиции» (см. Приложение 3). Внесение предложенных изменений в законодательство РФ позволит сориентировать полицейские органы на обеспечение прав и свобод человека и гражданина в виртуальной среде.

Роскомнадзор — это федеральный орган исполнительной власти, ответственный за контроль и надзор в сфере массовой информации, включая средства массовой информации в электронном формате, массовые коммуникации, информационные технологии и связь. Он также осуществляет контроль и надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации в области персональных данных²⁷⁸.

Роскомнадзор осуществляет государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства РФ о защите детей от информации, причиняющей

---

²⁷⁸ О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций») : постановление Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 228 (ред. от 30.03.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

вред их здоровью и развитию, в том числе в сети «Интернет»; определяет и размещает на своем официальном сайте список информационной продукции, распространяемой в сети «Интернет» и оказывающей негативное воздействие на детей; а также аккредитует экспертов и экспертные организации на право проведения экспертизы указанной продукции²⁷⁹.

Роскомнадзор выступает уполномоченным органом публичной власти по защите прав субъектов персональных данных в информационном пространстве. Исходя из этого Роскомнадзор ведет реестр операторов, ответственных за обработку персональных данных, а также реестр нарушителей законодательства РФ в области персональных данных. Через специальную форму в сети «Интернет»²⁸⁰ Роскомнадзор принимает и рассматривает уведомления граждан РФ, авторизованных на Портале государственных услуг РФ, о фактах неправомерной передачи (предоставления, распространения, доступа) персональных данных, а также об иных нарушениях в данной сфере, тем самым обеспечивает конституционное право на частную жизнь.

Таким образом, рассмотренные органы публичной власти созданы и осуществляют публично-властные функции в целях обеспечения прав человека. Цифровая трансформация способов реализации прав человека также изменяет способы их обеспечения и вслед за этим вносит соответствующие коррективы в деятельность органов публичной власти рассматриваемой группы.

Другим авторским подходом к раскрытию элементов системы органов публичной власти является их деление в зависимости от осуществления регулятивной или охранительной правовых функций в механизме реализации прав человека в условиях цифровизации. К числу органов публичной власти,

---

²⁷⁹ *Об утверждении Порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции* : приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 24 августа 2012 г. № 824 // URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/p679/> (дата обращения: 03.02.2022).

²⁸⁰ *Уведомление о факте неправомерной или случайной передачи (предоставления, распространения, доступа) персональных данных, повлекшей нарушение прав субъектов персональных данных* // URL: <https://pd.rkn.gov.ru/incidents/form/> (дата обращения: 03.02.2023).

осуществляющих регулятивные функции в рассматриваемой сфере, относятся Президент РФ, Федеральное Собрание РФ и Правительство РФ. Они разрабатывают основные направления государственной политики и нормативно-правовое регулирование по обеспечению прав человека в условиях цифровизации. Охранительные функции выполняют суды РФ, иные правоохранительные органы РФ (Прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, МВД России, ФСБ России и др.), а также Роскомнадзор. В ходе правоприменительной деятельности данные органы обеспечивают охрану и защиту прав человека, независимо от того, традиционным либо виртуальным способом последние реализуются.

Таким образом, обеспечение прав человека в условиях цифровизации является самостоятельным направлением деятельности органов публичной власти. На основе компетенции органов публичной власти, отражающей степень их вовлеченности в процесс обеспечения прав человека в условиях цифровизации, диссертант подразделяет указанные органы на:

1) органы публичной власти, которые в рамках собственной компетенции, помимо осуществления иных возложенных на них полномочий, задействованы в процессе обеспечения прав человека в условиях цифровизации общества. К числу указанных органов следует отнести Президента РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, суды РФ, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления;

2) органы публичной власти, специально предназначенные для обеспечения прав человека (общий и специализированный (отраслевой) омбудсмены федерального и регионального уровней, МВД России, избирательные комиссии РФ и Роскомнадзор).

В механизме реализации прав человека в условиях цифровизации органы публичной власти также дифференцируются по признаку осуществления регулятивной и охранительной функций. Президент РФ, Федеральное Собрание РФ и Правительство РФ выполняют регулятивные функции в ходе выработки основных направлений государственной политики и нормативно-правового

регулирования в сфере обеспечения прав человека в условиях цифровизации. К числу органов публичной власти, осуществляющих охранительные функции в названной сфере, относятся российские правоохранительные органы и Роскомнадзор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо констатировать, что цифровизация, как объективное условие развития современного общества, ознаменовала наступление нового этапа в развитии прав человека. Внедрение и применение информационно-коммуникационных технологий в жизни общества повлияло на выстраивание публично-правовых отношений между личностью, обществом и государством и сказывается на степени защищенности и возможностях реализации прав человека.

Доктринальный подход к рассмотрению цифровизации общества позволил установить следующее. Цифровизация общества является процессом последовательного внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в различные сферы общественной жизни. В данном случае речь идет об оцифровке информации (ее двоичном кодировании), о применении цифровых технологий, появлении новой, виртуальной среды и создании инфраструктуры для информатизации и интернетизации населения.

В контексте проблематики прав человека под цифровизацией общества следует понимать процесс внедрения в публично-правовые отношения возможностей информационно-телекоммуникационных технологий, влияющих на степень защищенности и особенности реализации отдельных конституционных прав и свобод человека.

Доктринальный анализ цифровой трансформации общественных отношений позволил автору сформулировать положения о цифровизации общественных отношений, выступающих объектом конституционно-правового регулирования, а также о конституционализации информационного пространства, основанного на цифровых технологиях.

На основе анализа законодательства РФ автором раскрыт легальный подход к пониманию цифровизации, согласно которому последняя рассматривается как

необходимое средство достижения стратегически приоритетной цели Российской Федерации — построения информационного общества.

В настоящее время под воздействием процессов цифровизации появляются виртуальные способы реализации традиционных прав человека и возникают новые цифровые права, имеющие публично-правовую природу. Перечисленные процессы сопровождаются новыми рисками и угрозами нарушения прав личности, а также возникновением проблемы цифрового разрыва, противодействие которым требует принятия государством комплексных мер правового, экономического и культурного характера. Сформулировав и обосновав данные изменения, вызванные цифровизацией, автор приходит к выводу, что на рубеже XX–XXI вв. возник и действует в настоящее время новый этап развития прав человека, что приводит к обновлению концептуального подхода в исследовании прав человека в целом.

В работе обосновывается авторский подход к отнесению тех или иных правомочий личности в виртуальной среде к числу цифровых прав (в их публично-правовом смысле). В отличие от цифровизации способов реализации традиционных прав человека, в случае осуществления цифровых прав возникают новые, ранее неизвестные общественные отношения, существование которых возможно только в виртуальной среде. На этом основании автор к числу цифровых прав относит право на забвение, право на доступ к сети «Интернет» и право на цифровую смерть.

Автором выявлены основные международно-правовые стандарты прав человека в условиях цифровизации общества, включающие следующие нормы и принципы:

- 1) расширительное толкование положений действующих международных актов в области прав человека применительно к новой, виртуальной реальности;
- 2) равная защита прав человека в офлайновой и онлайновой среде;
- 3) обязательность содействия каждого отдельно взятого государства в реализации и защите прав человека в информационном пространстве;

4) обеспечение дополнительных правовых гарантий государственной защиты категориям лиц, наиболее уязвимых в цифровую эпоху (дети, инвалиды, интернет-потребители и лица пожилого возраста).

Перечисленные международно-правовые стандарты приняты международными организациями универсального и регионального характера в рамках сотрудничества государства для построения глобального информационного общества. Принятые стандарты наполняют новым содержанием правовой статус личности и тем самым сообщают ему развитие.

Учитывая рекомендательный характер международно-правовых стандартов прав человека в условиях цифровизации, их реализация определяется на внутригосударственном уровне, где принимаются во внимание национальные интересы, а также уровень цифрового развития общества и его влияние на конституционно-правовую жизнь граждан.

Системный анализ гл. 2 Конституции РФ позволил диссертанту сделать выводы о том, что ее положения составляют общие начала правового регулирования реализации прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации. В наибольшей степени цифровизации подвергаются личные и политические права человека, что объясняется объективными процессами, приводящими к цифровым изменениям в личной и политической сферах общественной жизни. Из них в цифровую эпоху для правового статуса личности в виртуальной среде первоочередное значение приобретают право на свободу, право на информацию и свобода слова. Самостоятельное определение человеком степени своего участия в цифровых коммуникациях, его свобода в выражении мнения, а также свободный оборот информации являются предпосылкой реализации иных прав и свобод, подвергшихся цифровизации.

Цифровизация способов осуществления определенных прав человека на современном этапе происходит при сохранении за личностью традиционных (отличных от цифровых) возможностей реализации указанных прав. Состояние, при котором отдельные права человека в полной мере реализуются также и в

виртуальной среде, свидетельствует о реальности действия положений Конституции РФ, что вписывается в принятую наукой конституционного права доктрину «живой конституции».

В условиях обострения проблематики защиты прав человека в виртуальной среде возрастает запрос на эффективность конституционных гарантий их обеспечения. Автор приходит к выводу, что к числу современных общих гарантий реализации прав человека относятся:

1) политика государства, направленная на технологическое развитие общества (политическое условие);

2) интенсивное межгосударственное взаимодействие в целях развития информационно-коммуникационных технологий (политическое условие);

3) экономическое благосостояние граждан, позволяющее им приобретать и пользоваться в личных интересах информационно-коммуникационными технологиями (экономическое условие);

4) создание, поддержание исправности и дальнейшее развитие сетевой инфраструктуры на территории всего государства (технологическое условие);

5) уровень цифровой грамотности населения государства, достаточный для обеспечения массового использования информационно-коммуникационных технологий при реализации прав и свобод (культурное условие);

6) доверие к информационно-коммуникационным технологиям со стороны граждан, на основании которого последние самостоятельно и исходя из личных интересов распространяют в виртуальной среде свои персональные данные и сведения о частной жизни (духовное условие).

Предельно общей конституционной гарантией прав человека, относящихся к числу юридических, является наличие конституционного строя, свидетельствующего об обеспечении прав человека в виртуальной среде. Признаком его зрелости выступает доктринальное и легальное толкование конституционных гарантий, адаптированных под реалии цифрового развития общества. Для этого автором в рамках диссертационного исследования было

представлено обновленное содержание ключевых гарантий, закрепленных в ст. ст. 2, 17–19, 45, 46 и 125 Конституции РФ.

Права человека и их конституционные гарантии обеспечиваются организационно-правовой деятельностью российских органов публичной власти. Отдельная группа органов публичной власти в рамках собственной общей компетенции, помимо осуществления иных возложенных на них полномочий, задействована в процессе обеспечения прав человека в условиях цифровизации общества. К числу указанных органов относятся Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, суды РФ, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления. Кроме того, в механизме реализации прав человека в условиях цифровизации участвуют органы публичной власти, специально предназначенные для обеспечения прав человека (общий и специализированный (отраслевой) омбудсмены федерального и регионального уровней, МВД России, избирательные комиссии РФ и Роскомнадзор).

Органы публичной власти осуществляют регулятивную и охранительную функции в механизме реализации прав человека в условиях цифровизации. Президент РФ, Федеральное Собрание РФ и Правительство РФ выполняют регулятивные функции в ходе выработки основных направлений государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения прав человека в условиях цифровизации. Охранительные функции в названной сфере возложены на российские правоохранительные органы и Роскомнадзор.

Изложенные в данном исследовании предложения по совершенствованию законодательства в области прав человека, с возможными корректировками, могут быть восприняты в Российской Федерации на законодательном и правоприменительном уровнях. Вместе с тем основные положения проведенного исследования могут получить дальнейшее развитие. Перспективы разработки темы видятся в продолжении исследования международного и зарубежного опыта обеспечения прав человека в условиях цифровизации; в изучении практики реализации международно-правовых стандартов прав человека в условиях

цифровизации в российской правовой действительности; в решении проблемы цифрового разрыва как угрозы для института прав человека; в определении дальнейших последствий цифровизации общества в части реализации отдельных конституционных прав человека; в разработке действенного механизма взаимодействия органов публичной власти в рамках их деятельности по обеспечению прав человека в цифровую эпоху. Все это позволит на более высоком теоретическом уровне продвинуться в решении проблем, возникающих при реализации прав человека в условиях цифровизации, повысив тем самым эффективность принимаемых законодательных новелл.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. — 1993. — 25 дек. ; Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

2. О Правительстве Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 11. — Ст. 1704.

4. О Государственном Совете Российской Федерации : федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 265-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31. — ч. I. — Ст. 5024.

6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «Консультант Плюс».

7. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31. — ч. I. — Ст. 5017.

8. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве : федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

9. О внесении изменений в статью 15-1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» : федеральный закон от 3 апреля 2020 г. № 105-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

10. Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

11. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва : федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44277> (дата обращения: 22.01.2023).

12. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 12. — Ст. 1224.

13. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 1 июля 2018 г. № 175-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

15. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

16. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

17. О безопасности : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

18. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

19. О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

20. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

21. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

22. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

23. О связи : федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

24. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

25. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

26. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

27. Об охране окружающей среды : федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

28. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

29. О воинской обязанности и военной службе : федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

30. О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания : федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

31. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».

32. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 14.12.2020).

33. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // СПС «КонсультантПлюс».

34. О специальном представителе Президента Российской Федерации по вопросам цифрового и технологического развития : указ Президента Российской Федерации от 10 июля 2018 г. № 413 // СПС «КонсультантПлюс».

35. Об Управлении Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан : указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2018 г. № 740 (ред. от 20.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

36. О мерах по оптимизации структуры Администрации Президента Российской Федерации (вместе с «Положением об Управлении Президента

Российской Федерации по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи») : указ Президента Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 334 // СПС «КонсультантПлюс».

37. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.

38. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/111285/> (дата обращения: 23.06.2022).

39. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (дата обращения: 14.01.2023).

40. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212). — Российская газета. — 2008. — 16 февр.

41. О Президентской программе «Российский народный телефон» : указ Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 31 // СПС «КонсультантПлюс».

42. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» : постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328 (ред. от 16.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

43. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых

рынков» : постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 320 (ред. от 31.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

44. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» : постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 16.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 18. — ч. 2. — Ст. 2159.

45. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» : постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 20.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

46. О федеральной целевой программе «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы» : постановление Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2009 г. № 985 (ред. от 14.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

47. О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций») : постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 228 (ред. от 30.03.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

48. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» : постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 (ред. от 09.06.2010) // СПС «КонсультантПлюс».

49. Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р (ред. от 18.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

50. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. № 2074-р (ред. от 26.12.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

51. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. № 1757-р (ред. от 26.12.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

52. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120-р (ред. от 26.12.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

53. Об утверждении Перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки : приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 1 февраля 2022 г. № 89. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033> (дата обращения: 12.07.2022).

54. Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача-педиатра участкового, врача-терапевта участкового, врача общей практики (семейного врача), врача-невролога, врача-оториноларинголога, врача-офтальмолога и врача-акушера-гинеколога : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 290н. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/documents/9082-prikaz-> (дата обращения: 20.06.2022).

55. Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий : приказ Министерства образования и науки РФ от 20 января 2014 г. № 22 // СПС «Гарант».

56. Об утверждении Концепции развития государственной информационной системы промышленности : приказ Минпромторга России от 23 июня 2016 г. № 2091 (ред. от 01.06.2020) // СПС «Консультант Плюс».

57. Об утверждении Порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции : приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 24 августа 2012 г. № 824. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/p679/> (дата обращения: 03.02.2022).

58. Об утверждении Правил технической эксплуатации первичных сетей Взаимоувязанной сети связи Российской Федерации : приказ Госкомсвязи РФ от 19 октября 1998 г. № 187 (с изм. от 12.07.2001) // СПС «КонсультантПлюс».

59. Концепция развития информатизации судов до 2020 года (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 19.02.2015 № 439) // СПС «Гарант».

60. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 (ред. от 17.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

61. О требованиях к проведению дистанционного электронного голосования : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/715-8. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/51680/> (дата обращения: 11.08.2022).

62. О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/716-8. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/51681/> (дата обращения: 11.08.2022).

63. О формах ведения организациями телерадиовещания, редакциями периодических печатных изданий и редакциями сетевых изданий отдельного учета объемов и стоимости эфирного времени, печатной площади, услуг по

размещению предвыборных агитационных материалов в сетевых изданиях, предоставленных политическим партиям, зарегистрированным кандидатам при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва : постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 9 июня 2021 г. № 9/71-8. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49397/> (дата обращения: 01.02.2023).

64. Паспорт национального проекта «Культура» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс».

65. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

66. ГОСТ Р 52653-2006. Национальный стандарт Российской Федерации «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2006 г. № 419-ст) // СПС «Гарант».

Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации

67. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва : закон города Москвы от 22 мая 2019 г. № 18. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://duma.mos.ru/ru/38/adopted_documents/corebofs002080000_mkhdqnp85bnrpd0 (дата обращения: 22.01.2023).

68. Об отдельных вопросах подготовки и проведения публичных мероприятий на территории Свердловской области : закон Свердловской области от 7 декабря 2012 года № 102-ОЗ. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/453123287> (дата обращения: 25.01.2023).

69. Об обращениях граждан в Республике Татарстан : закон Республики Татарстан от 12 мая 2003 г. № 16-ЗРТ. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://minjust.tatarstan.ru/zakonodatelstvo.htm?pub_id=146351.htm (дата обращения: 22.01.2023).

70. О городской целевой Программе «Электронная Москва» : постановление Правительства Москвы от 6 августа 2008 г. № 609-ПП. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/22748220/> (дата обращения: 23.01.2022).

71. О реализации мероприятий по обновлению материально-технической базы общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций в целях внедрения цифровой образовательной среды в рамках федерального проекта «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование» : распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 14 апреля 2021 г. № 13-рп. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/603294202> (дата обращения: 23.01.2023).

Судебная практика

72. По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» : постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П // СПС «КонсультантПлюс».

73. По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова : постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П // СПС «КонсультантПлюс».

74. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом

Законодательного Собрания Владимирской области : постановление Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П. [Электронный ресурс] .— Режим доступа: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15042014-n/> (дата обращения: 14.11.2022).

75. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова : постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09072013-n/> (дата обращения: 14.11.2022).

76. По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П (п. п. 2.3, 3.2) // СПС «КонсультантПлюс».

77. По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18 и статьи 30.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республики Саха (Якутия) «О выборах Президента Республики Саха (Якутия)» : постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2002 г. № 12-П (п. 2.1) // СПС «КонсультантПлюс».

78. По делу о проверке конституционности постановления Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля 1992 года «О газете „Известия“» и по индивидуальной жалобе журналистского коллектива редакции газеты «Известия» в связи с постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля

1992 года «О газете „Известия“» : постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1993 г. № 10-П // СПС «КонсультантПлюс».

79. По жалобе местной религиозной организации Церковь евангельских христиан-баптистов «Примирение» города Йошкар-Олы Республики Марий Эл на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 2 и 3 статьи 8 и пунктом 3 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» : определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2019 г. № 2683-О. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10102019-n/> (дата обращения: 14.11.2022).

80. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр „Сова“» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» и статьями 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 849-О // СПС «КонсультантПлюс».

81. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Леоновой Ирины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского Кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 698-О // СПС «КонсультантПлюс».

82. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безруковой Анны Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского Кодекса Российской Федерации :

определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 275-О // СПС «КонсультантПлюс».

83. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 274-О // СПС «КонсультантПлюс».

84. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктов 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 3087-О // СПС «КонсультантПлюс».

85. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (ред. от 09.02.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

86. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // СПС «КонсультантПлюс».

87. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

88. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 марта 2014 г. № С01-114/2013 по делу № А56-58781/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Международные акты и судебная практика

89. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

90. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс».

91. Декларация тысячелетия ООН (принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2000). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 25.10.2021).

92. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху : резолюция A/RES/75/176 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/179> (дата обращения: 14.12.2021).

93. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век : резолюция № A/HRC/RES/28/16 Генеральной Ассамблеи ООН от 1 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/hrc/RES/28/16> (дата обращения: 27.06.2021).

94. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век : резолюция № A/RES/68/167 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

95. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете : резолюция № A/HRC/RES/20/8 от 16 июля 2012 г. (принята на 20-й сессии Совета по правам человека ООН). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G12/153/27/pdf/G1215327.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.11.2021).

96. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» : резолюция A/HRC/47/L.22 от 7 июля 2021 г. (принята на 47-й сессии Совета по правам человека ООН). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp> (дата обращения: 21.11.2021).

97. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете : резолюция № A/HRC/RES/38/7 от 5 июля 2018 г. (принята на 38-й сессии Совета по правам человека ООН). [Электронный ресурс] . Режим доступа: <https://documents->

dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/215/69/pdf/G1821569.pdf?OpenElement (дата обращения: 21.11.2021).

98. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете : резолюция № A/HRC/32/L.20 от 27 июня 2016 г. (принята на 32-й сессии Совета по правам человека ООН). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G16/131/91/pdf/G1613191.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.11.2021); Резолюция A/HRC/RES/38/7 от 05.07.2018 г.

99. Декларация принципов построения информационного общества (WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R) от 12 декабря 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

100. Тунисская программа для информационного общества (WSIS-05/TUNIS/DOC/6 (Rev.1)-R от 15 ноября 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 09.11.2021).

101. Доклад A/HRC/17/27 Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю (представлен 16.05.2011 на 17-й сессии Совета по правам человека ООН). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/rights/expression/hr_special_rapporteur.shtml (дата обращения: 20.11.2021).

102. О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных : Конвенция Совета Европы (заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108) // СПС «КонсультантПлюс».

103. О правах человека и верховенстве права в информационном обществе : Декларация Комитета министров Совета Европы (№ CM(2005)56 final от

13.05.2005). [Электронный ресурс] . Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/Deklaratsiya_Komiteta_ministrov_o_pravah_cheloveka_i_verhovenstve_prava_v_informatsionnom_obschestve.pdf (дата обращения: 04.11.2021).

104. О свободе обмена информацией в интернете : декларация Комитета министров Совета Европы (принята 28.05.2003 на 840-м заседании представителей Комитета министров) // СПС «КонсультантПлюс».

105. О влиянии новых коммуникационных и информационных технологий на демократию : резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы от 29 января 2014 г. № 1970 // СПС «КонсультантПлюс».

106. О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС : регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 // СПС «КонсультантПлюс».

107. О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных) : регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 14.12.2021).

108. О принятии Многолетнего плана действий Сообщества по содействию более безопасному использованию сети Интернет и новых онлайн-технологий путем борьбы с незаконным и вредным контентом, прежде всего в сфере защиты детей и несовершеннолетних : решение № 276/1999/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принято в г. Брюсселе 25.01.1999) // СПС «КонсультантПлюс».

109. Об универсальных услугах и правах пользователей в отношении сетей электронных коммуникаций и услуг : директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 7 марта 2002 г. № 2002/22/ЕС // СПС «Гарант».

110. Руководство Европейского Союза SN 10232/14 по правам человека в области свободы выражения мнений в Интернете и вне его. 2014. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_human_rights_guidelines_on_freedom_of_expression_online_and_offline_ru.pdf (дата обращения: 13.12.2021).

111. Рекомендации Rec(2004)11 Комитета Министров Совета Европы стран-участниц по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования (приняты Комитетом Министров 30.09.2004 на 898-м заседании). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: http://www.cikrf.ru/international/docs/rec_rus.html (дата обращения: 06.12.2021).

112. О мерах по повышению ценности Интернета как общественной службы : рекомендация № CM/Rec(2007)16 Комитета министров Совета Европы (принята Комитетом министров 07.11.2007 на 1010-м заседании заместителей министров). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d4a39 (дата обращения: 26.11.2021).

113. О поощрении свободы выражения мнения и информации в новой информационно-коммуникационной среде : рекомендация CM/Rec(2007)11 Комитета министров Совета Европы // СПС «Гарант».

114. О мерах по развитию уважения к свободе слова и информации в связи с интернет-фильтрами : рекомендация CM/Rec(2008)6 Комитета Министров для государств-членов Совета Европы (принята Комитетом министров 26.03.2008 на 1022-й встрече заместителей министров). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://medialaw.asia/document/-2364> (дата обращения: 06.12.2021).

115. Рекомендации № CM/REC (2009)1 Комитета министров Совета Европы по электронной демократии от 12 февраля 2009 г. (приняты Комитетом министров 18.02.2009 на 1049-м собрании заместителей министров). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/international/recommend.doc> (дата обращения: 06.12.2021).

116. О защите прав человека применительно к поисковым системам : рекомендация CM/Rec(2012)3 Комитета Министров к государствам-членам Совета Европы (принята Комитетом министров 04.04.2012 на 1139-м заседании заместителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

117. Рекомендация CM/Rec(2012)4 Комитета министров к государствам-членам о защите прав человека применительно к сервисам социальных сетей (принята Комитетом министров 04.04.2012 на 1139-м заседании заместителей министров) // СПС «Гарант».

118. О Руководстве по правам человека для пользователей Интернета : рекомендация № CM/Rec(2014)6 Комитета министров Совета Европы (принята 16.04.2014 на 1197-м заседании заместителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

119. О правилах электронного голосования : рекомендации № CM/Rec(2017)5 Комитета министров Совета Европы (приняты 14.06.2017 на 1289-м заседании представителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

120. Повышение роли ОБСЕ в обеспечении свободы мнений и их свободного выражения : резолюция 18-й ежегодной сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ (Вильнюс, 29 июня – 3 июля 2009 г.). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30443517 (дата обращения: 06.12.2021).

121. Модельный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию (принят в г. Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением № 33-15 на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // СПС «КонсультантПлюс».

122. Окинавская хартия глобального информационного общества (принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22.07.2000). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 25.10.2021).

123. Руководство по наблюдению за использованием новых технологий голосования // Organization for Security and Cooperation in Europe. Warsaw Poland. — 2013.

124. Дело Компании «Google Spain SL и Google Inc. против Агентства по защите персональных данных Испании (AEPD) и Марио Костеха Гонсалеса (Google Spain SL and Google Inc. v. Agencia Espanola de Proteccion de Datos (AEPD) and Mario Costeja Gonzalez) (Дело № C-131/12CJEU) (Большая Палата) : постановление Европейского Суда Справедливости от 13 мая 2014 г. // СПС «Гарант».

125. Дело «Владимир Харитонов (Vladimir Kharitonov) против Российской Федерации» (жалоба № 10795/14) : постановление Европейского суда по правам человека от 23 июня 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

126. Дело «Булгаков (Bulgakov) против Российской Федерации» (жалоба № 20159/15) : постановление Европейского суда по правам человека от 23 июня 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

127. Дело «Энгельс (Engels) против Российской Федерации» (жалоба № 61919/16) : постановление Европейского суда по правам человека от 23 июня 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

128. Дело «Компания «ООО Флавус» и другие (ООО Flavus and Others) против Российской Федерации (жалоба № 12468/15) : постановление Европейского суда по правам человека от 23 июня 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

129. Дело «Ивашченко (Ivashchenko) против Российской Федерации» (жалоба № 61064/10) : постановление Европейского суда по правам человека от 13 февраля 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

130. Дело «Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации» (жалоба № 47143/06) : постановление Европейского суда по правам человека от 4 декабря 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс».

131. По делу «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» (жалоба № 3111/10) : постановление Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс».

132. Отчет Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе «Свобода выражения мнения в Интернете: исследование правовых норм и практик, связанных со свободой выражения мнения, свободным потоком информации и плюрализмом СМИ в Интернете в государствах — участниках ОБСЕ». 2011. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/human-rights> (дата обращения: 13.12.2021).

Зарубежные нормативные правовые акты и судебная практика

133. Конституция Португальской Республики от 25 апреля 1974 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).

134. The Kenya Education Network Trust. Strategic Plan: 2007–2010. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://www.kenet.or.ke> (дата обращения: 29.10.2021).

135. Стратегия информационно-технологического развития страны» (e-Japan Strategy или «Электронная Япония») : решение Совета по развитию информационных технологий при Правительстве Японии от 22 января 2001 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: http://www.kantei.go.jp/foreign/it/network/0122full_e.html (дата обращения: 29.10.2021).

136. Национальная стратегия по обеспечению безопасности киберпространства США от 14 февраля 2003 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://us-cert.cisa.gov/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy (дата обращения: 29.10.2021).

Монографии, учебники, учебные пособия

137. Цифровое развитие экономики и прикладная информатика в управлении территориями: опыт России и Казахстана : монография /

Е. Бейсембай, Е. Г. Вдовкина, М. А. Егорова [и др.] ; под редакцией О. В. Кожевиной, Н. В. Салиенко. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 170 с.

138. Сморгунов, Л. В. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость : монография / Балаян А. А., Волкова А. В., Игнатьева О. А. [и др.] ; под редакцией Л. В. Сморгунова ; Санкт-Петербургский государственный университет. — Москва : Аспект Пресс, 2022. — 348 с.

139. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / под ред. И. В. Воронцовой. — Казань : Отечество, 2020. — 415 с.

140. Голубев, С. С. Экономика цифровизации промышленных предприятий : монография / С. С. Голубев, А. Г. Щербаков. — Москва : Первое экономическое изд-во, 2022. — 231 с.

141. Кирилловых, А. А. Цифровое государство (digital state): организационно-правовые аспекты. — Москва : Юрлитинформ, 2022. — 184 с.

142. Ганиева, Д. З. Модернизация правовой системы России в условиях цифровой экономики : монография / Д. З. Ганиева. — Волгоград : Черняева Ю. И., 2022. — 102 с.

143. Попадейкин, В. В. Цифровизация в государственном управлении, общественной жизни и правовой сфере : монография / Архипова М. Ю., Розанова Е. В., Сиротин В. П. [и др.] ; под общ. ред. В. В. Попадейкина. — Москва : Эдитус, 2022. — 237 с.

144. Талапина, Э. В., Антопольский А. А., Монахов В. В. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект : монография / отв. ред. Э. В. Талапина. — Москва : Проспект, 2021. — 143 с.

145. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; под ред. А. А. Васильева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 432 с.

146. Щербович, А. А. Хартия прав человека и принципов для Интернета с точки зрения реализации социальных, экономических и культурных прав : монография / А. А. Щербович. — Москва : ТЕИС, 2016. — 141 с.

147. Витрук, Н. В. Избранное. Том 2. Монографии. Комментарии. 1963–1990 / Н. В. Витрук. — Москва : РАП, 2012. — 735 с.

148. Умнова-Конюхова, И. А. Цифровое развитие и права человека : монография / И. А. Умнова-Конюхова, Е. В. Алферова, И. А. Алешкова; РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., отд. правоведения ; под общ. ред. И. А. Умновой-Конюховой. — Москва : ИНИОН РАН, 2021. — 171 с.

149. Бурьянов, М. С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации : монография / М. С. Бурьянов. — Москва : Русайнс, 2022. — 146 с.

150. Саликов, М. С., Несмеянова С. Э., Мочалов А. Н., Колобаева Н. Е., Иванова К. А. Права человека в сети Интернет : коллективная монография. — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2019. — 148 с.

151. Турлюн, Л. Н. Компьютерная графика как особый вид современного искусства : монография / Л. Н. Турлюн ; науч. ред. Т. М. Степанская. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. — 100 с.

152. Талапина, Э. В., Антопольский А. А., Монахов В. Н. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект : монография / отв. ред. Э. В. Талапина. — Москва : Проспект, 2021. — 144 с.

153. Лебедев, В. А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России: концепция, ограничения, механизм охраны и защиты / В. А. Лебедев. — Москва : ООО «Проспект», 2016. — 208 с.

154. Краснова, И. О. Конституционные основы государственной экологической политики : монография / И. О. Краснова. — Москва : Норма, 2022. — 92 с.

155. Цифровизация образования: тенденции, проблемы, перспективы: монография / С. О. Мусиенко, Д. А. Егорова, Л. Е. Хрустова, Е. В. Корнилова. — Москва : КНОРУС, 2022. — 162 с.

156. Шапорева, Д. С. Конституционное право человека и гражданина на свободу творчества в России : монография / Д. С. Шапорева ; под редакцией В. Т. Кабышева. — 2-е изд. — Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2019. — 125 с.

157. Хазов, Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации : монография / Е. Н. Хазов. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 342 с.

158. Чиркин, В. Е. Территориальная организация публичной власти : монография / В. Е. Чиркин. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 208 с.

159. Современные проблемы организации публичной власти : монография / С. А. Авакьян, С. Н. Шевердяев, И. П. Кененова — Москва : Юстицинформ, 2014. — 595 с.

160. Писарев, А. Н. Конституционно-правовые основы системы органов публичной власти в Российской Федерации / А. Н. Писарев— Москва : РГУП, 2018. — 300 с.

161. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности : монография / Н. В. Витрук. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. — 448 с.

162. Публичная власть: система, компетенции : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. М. Н. Кобзарь-Фроловой ; отв. ред. И. В. Глазунова. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. — 237 с.

163. Югов, А. А. Органы публичной власти по законодательству России : электронная монография / А. А. Югов. — Казань : Бук, 2021. — 121 с.

164. Лукашева, Е. А. Общая теория прав человека. / В. А. Карташкин, Н. С. Колесова, А. М. Ларин [и др.]. — Москва : «Норма», 1996. — 509 с.

165. Реале, Ж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. — Т. I. Античность. — Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1994. — 339 с.

166. Лукашева, Е. А. Права человека : учебник для вузов / отв. ред. — член-корр. РАН, д-р юрид. наук Е. А. Лукашева. — Москва : Издательская группа НОРМА-ИНФА, 1999. — 573с .

167. Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. —3-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. — 512 с.

168. Стремоухов, А. В. Правовая защита человека / А. В. Стремоухов. — Москва, 2006. — 324 с.

169. Чернявский, А. Г. Права человека в России : учебник / А. Г. Чернявский, Л. Ю. Грудцына. — Москва : Юстиция, 2021. — 340 с.

170. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов / М. В. Баглай. — 6-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма, 2007. — 784 с.

171. Нарутто, С. В. Конституционное право России : учебник / С. В. Нарутто, С. Г. Павликов. — Москва : Юстиция, 2023. — 499 с.

172. Соколова, А. И. Актуальные проблемы цифровизации местного самоуправления: учебное пособие / А. И. Соколова — Оренбург : Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2020. — 59 с.

173. Капицын, В. М. Права человека и механизмы их защиты : учебное пособие / В. М. Капицын. — Москва : ИКФ «ЭКМОС», 2003. — 288 с.

174. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пос. / Л. Д. Воеводин. — Москва : НОРМА. 1997. — 298 с.

175. Добринская, Д. Е. Введение в цифровую социологию : учеб. пос. / Д. Е. Добринская. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2022. — 144 с.

176. Бондарь, Н. С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении : учеб. пос. / Н. С. Бондарь. — Москва : ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. — 351 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

177. Антонов, Я. В. Электронное голосование в системе электронной демократии : конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Антонов Ярослав Валерьевич. — Москва, 2015. — 220 с.

178. Войде, Е. Г. Способы реализации прав человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Войде Екатерина Георгиевна. — Москва, 2015. — 179 с.

179. Григорьев, А. В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Григорьев Антон Владимирович. — Москва, 2020. — 224 с.

180. Кротов, А. В. Формирование предмета подотрасли права частной жизни в системе конституционного права: сравнительно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Кротов Андрей Владиславович. — Белгород, 2022. — 441 с.

181. Максимов, А. А. Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2. / Максимов Александр Александрович. — Москва, 2021. — 233 с.

182. Матренина, К. Ю. Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития : конституционно-правовое исследование : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Матренина Ксения Юрьевна. — Тюмень, 2016. — 224 с.

183. Несмелов, П. В. Конституционно-правовое обеспечение прав человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Несмелов Павел Вячеславович : 12.00.02. — Москва, 2007. — 196 с.

184. Пащенко, И. Ю. Информация как объект публично-правового регулирования в условиях цифровизации : диссертация ... кандидата юридических наук : 5.1.2. / Пащенко Илья Юрьевич. — Краснодар, 2022. — 300 с.

185. Пучков, С. В. Музыкальные компьютерные технологии как новый инструментарий современного творчества : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.09 / Пучков Станислав Владимирович. — Санкт-Петербург, 2002. — 278 с.

186. Туликов, А. В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития : теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Туликов Алексей Викторович. — Москва, 2017. — 180 с.

187. Турлюн, Л. Н. Компьютерная графика как особый вид современного искусства : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Турлюн Любовь Николаевна. — Бийск, 2006. — 203 с.

188. Чимаров, Н. С. Проблемы реализации правовых избирательных стандартов новых технологий голосования в Российской Федерации и зарубежных странах : конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Чимаров Николай Сергеевич. — Санкт-Петербург, 2017. — 271 с.

189. Щербович, А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Щербович Андрей Андреевич. — Москва, 2013. — 250 с.

190. Ерохин, С. В. Эстетика цифрового компьютерного изобразительного искусства : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.04 / Ерохин Семен Владимирович. — Москва, 2010. — 45 с.

191. Ибрагимова, Д. Я. Психосемантическое исследование ценностной сферы частной жизни личности : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / Ибрагимова Джамиля Ямудиновна. — Сочи, 2007. — 27 с.

192. Некрасов, Д. Ю. Художественная специфика цифрового искусства : на примере творчества художника кино : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.03 / Некрасов Дмитрий Юрьевич. — Москва, 2015. — 27 с.

193. Сысоев, Ю. Е. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному вмешательству в частную жизнь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сысоев Юрий Евгеньевич. — Москва, 2011. — 30 с.

194. Федорова, Л. Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Федорова Людмила Николаевна. — Волгоград, 2007. — 29 с.

195. Хазов, Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Хазов Евгений Николаевич. — Москва, 2011. — 63 с.

196. Чепурнов, А. А. Правовой статус личности в Российской Федерации: конституционные основы гарантирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Чепурнов Александр Александрович. — Волгоград, 2006. — 34 с.

197. Шайхиев, Р. И. Конституционно-правовые средства информационного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Шайхиев Ришат Исламович. — Казань, 2020. — 31 с.

198. Яцюк, О. Г. Мультимедийные технологии в проектной культуре дизайна: гуманитарный аспект : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.06 / Яцюк Ольга Григорьевна. — Москва, 2009. — 64 с.

Научные статьи

199. Абламейко, М. С., Подготовка и принятие информационного кодекса Республики Беларусь — настоятельная потребность времени / М. С. Абламейко, Г. А. Василевич // Веснік БДУ. — Сер. 3. — 2012. — № 2. — С. 98–102.

200. Авакьян, С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 23–28.

201. Агеев, А. С. «Digital divide» и элементы его архитектуры: к вопросу о правовых аспектах цифрового неравенства / А. С. Агеев // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 10. — С. 23–26.

202. Алешкова, И. А., Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые / И. А. Алешкова, О. Х. Молокаева // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. — С. 41–45.

203. Алферова, Е. В. Защита прав человека в Интернете / Е. В. Алферова // Государство и право в новой информационной реальности. — 2018. — № 1. — С. 143–156.

204. Аничкин, Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства / Е. С. Аничкин // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 12. — С. 19–22.

205. Антоненко, В. М. Прямое действие конституции и «живая» конституция: сравнительный анализ концепций / В. М. Антоненко // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 8. — С. 15–18.

206. Артемова, С. Т. Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства / С. Т. Артемова, Н. А. Жильцов, О. И. Чердаков // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 10. — С. 41–45.

207. Афанасьев, С. Д. «Цифровизация» конституционного права: личные и политические права в информационном обществе / С. Д. Афанасьев, А. С. Шатилина // Информационное общество. — 2019. — № 3. — С. 53–58.

208. Батоболотова, Е. Б. О некоторых проблемах защиты авторских прав в сети интернет / Е. Б. Батоболотова // Право и практика. — 2020. — № 4. — С. 168–171.

209. Благодатная, Е. Ю. Проблемы развития информационно-коммуникационных технологий и электронного правосудия в гражданском процессе / Е. Ю. Благодатная, Б. Ю. Харук // Дневник науки. — 2022. — № 4.

210. Болдырев, С. Н. Гарантии как технико-юридические средства обеспечения прав и свобод личности / Болдырев Н. С. // Общество и право. — 2010. — № 5(32). — С. 18–22.

211. Большаков, А. В. Виды сетевого творчества / А. В. Большаков // Аналитика культурологии. — 2008. — № 10. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-setevogo-tvorchestva> (дата обращения: 14.07.2022).

212. Бондарь, Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. — 2019. — № 11. — С. 25–42.

213. Боннер, А. Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин / А. Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 1. — С. 22–38.

214. Борисова, В. Ф. Электронные платформы правосудия по гражданским делам: состояние, риски, перспективы / В. Ф. Борисова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2021. — № 4. — С. 13–17.

215. Борисова, Л. В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России / Л. В. Борисова // Право и цифровая экономика. — 2020. — № 2(08). — С. 32–35.

216. Бочков, С. И. Об Окинавской хартии глобального информационного общества и задачах развития российских систем коммуникации / С. И. Бочков, Г. И. Макаренко, А. В. Федичев // Правовая информатика. — 2018. — № 1. — С. 4–14.

217. Бучакова, М. А. Оптимизация деятельности российской полиции по защите прав человека в условиях цифровизации / М. А. Бучакова, В. Е. Мушаков // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2022. — № 4. — С. 9–13.

218. Валеев, Д. Х. Система нормативных регуляторов «электронного правосудия» / Д. Х. Валеев, Е. В. Базилевских // Российская юстиция. — 2019. — № 8. — С. 34–36.

219. Варламова, Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — № 4. — С. 9–46.

220. Васильева, Л. Н. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития / Л. Н. Васильева, А. В. Григорьев // Журнал российского права. — 2020. — № 10. — С. 40–58.

221. Вознюк, П.А. Влияние цифровизации на образование, медицину и сферу культуры / П. А. Вознюк // Modern Science. — 2020. — № 11(3). — С. 38–41.

222. Зайцев, И. А. Права и обязанности физического лица, привлекаемого к административной ответственности, в условиях развития цифровой коммуникации (часть 1. Новое поколение прав человека в информационном пространстве (цифровые права)) / И. А. Зайцев // Административное право и процесс. — 2022. — № 12. — С. 45–48.

223. Занкова, А. А. Интерпретация понятия «электронное обучение» в российских и зарубежных публикациях / А. А. Занкова // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2018. — № 2. — С. 25–35;

224. Зорькин, В. Д. Конституционный Суд на рубеже четвертого десятилетия / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2021. — 27 окт.

225. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2019. — 25 мая.

226. Зорькин, В. Д. Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2018. — 9 окт.

227. Казанник, А. И. Конституционно-правовые гарантии права человека на жизнь / А. И. Казанник // Права и свободы человека и гражданина в современном

мире: материалы научно-практической конференции. — Омск: Омская академия МВД России, 2005. — С. 9–11.

228. Карасев, А. Т. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации / А. Т. Карасев, О. А. Кожевников, В. А. Мещерягина // Антиномии. — 2019. — Т. 19. — Вып. 3. — С. 99–119.

229. Кириленко, В. П. Киберпреступность и цифровая трансформация / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — № 1(7). — 2021. — С. 39–53.

230. Клячко, Т. Л. Будущее университетов / Т. Л. Клячко, В. А. Мау // Общественные науки и современность. — 2015. — № 3. — С. 5–18.

231. Козина, А. А. Проблема реализации конституционного права на свободу мысли и слова в современной России / А. А. Козина, А. Б. Кавецкий // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2019. — Т. 10. — № 2(23). — С. 135–138.

232. Козловская, Г. Е. Цифровизация образования: модернизация или трансформация / Г. Е. Козловская, А. А. Казенина // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. — 2020. — № 1(33). — С. 38–43.

233. Козырев, А. Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе / А. Н. Козырев // Цифровая экономика. — 2018. — №. 1. — С. 5–19.

234. Кравец, И. А. Конституционный символизм, модернизация Конституции и информационное общество (между учредительным и информационным конституционализмом для России / И. А. Кравец // Lex russica. — 2020. — № 1. — С. 43–58.

235. Краснова, Г. А. Электронное образование в мире и России: состояние, тенденции и перспективы / Г. А. Краснова, А. Нухулы, В. А. Тесленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. — 2017. — Т. 14. — № 3. — С. 371–377.

236. Кузнецов, А. А. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия / А. А. Кузнецов, В. Д. Гриценко // Наукосфера. — 2022. — № 4. — С. 208–212.

237. Кузнецов, В. В. Судебные гарантии прав человека в системе конституционных гарантий стран Западной Европы / В. В. Кузнецов // Российский судья. — 2018. — № 7. — С. 55–59.

238. Либанова, С. Э. Информационное гражданское общество в «эпоху разобщенности» / С. Э. Либанова // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 19–22.

239. Липкина, Н. Н. Международно-правовое обязательство уважать права человека: основные элементы содержания и пределы / Н. Н. Липкина // Журнал российского права. — 2014. — № 4. — С. 112–118.

240. Масловская, Т. С. Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия / Т. С. Масловская // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 9. — С. 18–22.

241. Мецгер, А. А. Естественные права человека и государственная защита прав граждан в Российской Федерации / А. А. Мецгер // Образование и право. — 2021. — № 4. — С. 58–63.

242. Мирская, Т. И. К вопросу о понятии гарантий прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / Т. И. Мирская // Юридическая наука. — 2013. — № 2. — С. 23–27.

243. Морозова, Ю. А. Цифровая трансформация российского здравоохранения как фактор развития отрасли / Ю. А. Морозова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2020. — № 2. — С. 36–47.

244. Музычук, В. Ю. Основные направления цифровизации в сфере культуры: зарубежный опыт и российские реалии / В. Ю. Музычук // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2020. — № 5. — С. 49–63.

245. Мушаков, В. Е. Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва / В. Е. Мушаков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2022. — № 1(93). — С. 69–73.

246. Мушаков, В. Е. Дистанционное электронное голосование в России: опыт прошлого и возможности настоящего / В. Е. Мушаков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2022. — № 2(96). — С. 37–44.

247. Мушаков, В. Е. От долевого участия в строительстве — к проектному финансированию / В. Е. Мушаков // Традиции и новации в системе современного российского права : сб. тезисов XVII междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Москва, 6–7 апреля 2018 г. — Москва : ООО «Перспектив», 2018. — С. 402–403.

248. Невинский, В.В. Цифровые права человека: сущность, система, значение / В. В. Невинский // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10. — С. 26–32.

249. Нестеров, А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав / А. В. Нестеров // Право и цифровая экономика. — 2020. — № 1. — С. 11–16.

250. Никодимов, И. Ю. Проблемы внедрения цифровых прав при реализации концепции информационного общества в Российской Федерации / И. Ю. Никодимов, Ю. В. Земсков, О. А. Мотякова, Е. В. Кочеткова // Административное право и процесс. — 2022. — № 9. — С. 28–31.

251. Ожиганова, Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е. М. Ожиганова // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2015. — № 1(1). — С. 94–97.

252. Остапович, И. Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции / И. Ю. Остапович // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 440. — С. 219–230.

253. Отекина, Н. Е. Электронное обучение, дистанционные образовательные технологии / Н. Е. Отекина // Инновационная наука. — 2017. — № 4. — С. 127–128.

254. Партас, И. Р. Телемедицина как часть совершенствования информационных технологий в сфере здравоохранения / И. Р. Партас // Точная наука. — 2021. — № 109. — С. 13–14.

255. Попов, Д. В. Датаизм — квазирелигиозное расширение трансформантропной биополитики / Д. В. Попов // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений седьмой всерос. науч.-практ. конф., Омск, 8–9 октября 2020 года / отв. за выпуск А. А. Морозов. — Омск : Омская академия МВД РФ, 2020. — С. 25–31.

256. Прудников, А. С. Свобода творчества: теория и практика (конституционно-правовой аспект) / А. С. Прудников // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 3. — С. 74–77.

257. Романов, А. А. «Fake news» в социальных сетях, блогах и мессенджерах как угроза информационной безопасности / А. А. Романов, В. В. Шабает // Юристъ-Правоведъ. — 2020. — № 1(92). — С. 16–20.

258. Романова, Н. В. Специфика цифровой трансформации в сфере здравоохранения / Н. В. Романова // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2020. — № 6(156). — С. 178–184.

259. Саурин, А. А. Цифровизация как фактор трансформации права / А. А. Саурин // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. — С. 26–31.

260. Солохин, А. Е. Электронное правосудие: особенности, проблемы и перспективы / А. Е. Солохин // Закон. — 2019. — № 6. — С. 193–208.

261. Стребкова, Е. Г. Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации / Е. Г. Стребкова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2021. — № 1. — С. 217–225.

262. Талапина, Э. В. Права человека в Интернете / Э. В. Талапина // Журнал российского права. — 2019. — № 2. — С. 41–54.

263. Талапина, Э. В. Права человека и цифровой суверенитет / Э. В. Талапина // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — № 6. — С. 10–15.

264. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2019. — Т. 14. — № 3. — С. 122–146.

265. Танимов, О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации / О. В. Танимов // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 2. — С. 11–18.

266. Токарева, С. Н. Цифровизация в деятельности органов правопорядка / С. Н. Токарева // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2019. — № 14(2). — С. 590–592.

267. Уваров, А. А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан / А. А. Уваров // Право и цифровая экономика. — 2020. — № 2. — С. 5–11.

268. Федотов, М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства / М. А. Федотов // Lex russica. — 2016. — № 3. — С. 164–182.

269. Фотиева, И. В. «Fake news» в современном российском медиапространстве: цели создания, функции, механизмы трансляции / И. В. Фотиева // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 2(93). — С. 428–430.

270. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–120.

271. Хуснутдинов, А. И. Право на доступ в Интернет — новое право человека? / А. И. Хуснутдинов // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 4. — С. 109–123.

272. Чекмарева, А. В. Некоторые вопросы цифровизации гражданского судопроизводства в условиях формирования информационного общества / А. В. Чекмарева // Администратор суда. — 2021. — № 3. — С. 15–19.

273. Щербович, А. А. Сущность и процессуальные аспекты мультистейкхолдер-подхода в управлении Интернетом / А. А. Щербович // Бизнес-информатика. — 2017. — № 1(39). [Электронный ресурс] . — Режим доступа: : <https://cyberleninka.ru/article/n/multistakeholder-approach-and-human-rights-in-internet-governance> (дата обращения: 18.11.2021).

Зарубежная литература

274. Cole W. M. Mind the Gap: State Capacity and the Implementation of Human Rights Treaties // International Organization. — 2015. — Vol. 69, — No. 2. — Pp. 405–441.

275. Farris C. J. Respect for Human Rights Has Improved Over Time: Modeling the Changing Standard of Accountability. The American Political Science Review. — 2014. — Vol. 108. — No. 2. — Pp. 297–318. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/43654374> (дата обращения: 02.11.2021).

276. Mahnkopf B. «THE FUTURE OF WORK IN THE ERA OF «DIGITAL CAPITALISM»». Beyond Market Dystopia: New Ways of Living: Socialist Register 2020, edited by LEO PANITCH and GREG ALBO NYU Press, 2019. — Pp. 104–121. [Электронный ресурс] . — Режим доступа : <http://www.jstor.org/stable/j.ctv1f885m4.8> (дата обращения: 13.11.2020).

277. Milker J. Die Umsetzung des «Rechts auf Vergessenwerden» im deutschen Recht: Der Datenschutz als Taktgeber für das Äußerungsrecht. — Springer-Verlag, 2019. — 346 S.

278. Белл, Д. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI в. / Белл Д., Иноземцев В. Л. — Москва : Центр исследований постиндустриального общества, 2007. — 304 с.

279. Курбалия, Й. Управление Интернетом / Й. Курбалия // Координационный центр национального домена сети Интернет. — Москва, 2010. — 391 с.

280. Сарпекоев, Р. К. Цифровизация правового пространства / Р. К. Сарпекоев // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. — 2020. — № 3(61). — С. 12–23.

281. Шваб, К. Четвертая промышленная революция [Текст] = The fourth industrial revolution : [перевод с английского : 12+] / Клаус Шваб. — Москва : Эксмо, 2018. — 285 с.

Справочная литература

282. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский ; под ред. Т. Я. Хабриевой ; обращение к читателям В. В. Путина. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. — 368 с.

283. Сноуден, Э. Д. Личное дело (Автобиография великого человека) / Э. Сноуден. — «Эксмо». 2019 — 416 с.

Интернет-ресурсы

284. «Норникель» привел доказательства своевременного информирования об аварии. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/11/06/2020/5ee153cb9a7947f1fb6defbb> (дата обращения: 28.07.2022).

285. Measuring digital development: Facts and figures 2021. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2021/> (дата обращения: 12.05.2022).

286. The Network Readiness Index (Shaping the Global Recovery. How digital technologies can make the post-COVID world more equal). — 2021. — S. 36–39.

[Электронный ресурс] . — Режим доступа: [https:// networkreadinessindex.org/](https://networkreadinessindex.org/) (дата обращения: 19.08.2022).

287. Акт технического расследования аварии топливного резервуара АО «НТЭК». [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.gosnadzor.ru/news/65/3325/> (дата обращения: 29.06.2022).

288. В Москве, Петербурге и Ростове провели «виртуальные митинги». [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dbbba9a79477c30d257c5> (дата обращения: 10.08.2022).

289. В России участились преступления при помощи интернета. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/10844713> (дата обращения: 08.09.2021).

290. Доклад о деятельности Уполномоченного Омской области по правам человека в 2022 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://upch55.ru/doklad-o-deyatelnosti-upolnomochennogo-omskoj-oblasti-po-pravam-cheloveka-v-2022-godu/> (дата обращения: 24.05.2023).

291. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве». [Электронный ресурс] . — Режим доступа: http://www.president-sovet.ru/docs/doclad_SPCh.docx (дата обращения: 16.01.2022).

292. Законопроект № 285949-7 «О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств». [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/285949-7> (дата обращения: 20.01.2022).

293. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (01.05.2023).

294. МВД: увеличение числа киберпреступлений повлияло на рост тяжких преступлений в 2020 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/10505371> (дата обращения: 08.09.2021).

295. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/o-portale.php> (дата обращения: 05.04.2022).

296. Официальный портал Правительства Московской области. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://dobrodel.mosreg.ru/> (дата обращения: 26.01.2023).

297. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/digital-services/> (дата обращения: 01.02.2023).

298. По числу камер видеонаблюдения страна вышла на третье место в мире // Коммерсантъ. 2020. 25 декабря. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4628220> (дата обращения: 03.02.2023).

299. Пользовательское соглашение «ВКонтакте». [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 10.11.2022).

300. Портал мэра Москвы «Наш город». [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://gorod.mos.ru/portal/about> (дата обращения: 26.01.2023).

301. Портал Правительства Омской области. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://omskportal.ru/governor/priemnaya/obr> (дата обращения: 23.01.2023).

302. Расширенное заседание коллегии МВД России от 3 марта 2021 г. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 02.02.2023).

303. Ревякин, С. А. Влияние процессов цифровизации на права человека и развитие гражданского общества / С. А. Ревякин. [Электронный ресурс] . —

Режим доступа: [https:// www.hse.ru/mirror/pubs/share/503335409.pdf](https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/503335409.pdf) (дата обращения: 04.09.2021).

304. Россиянам откроют все данные о состоянии окружающей среды. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/03/19/rossiianam-otkroiut-vse-dannye-o-sostoianii-okruzhaiushchej-sredy.html> (дата обращения: 24.06.2022).

305. Суворов, Е. Д. О праве каждого на образование без электронного обучения и применения дистанционных информационных технологий / Е. Д. Суворов. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/12/1/o_prave_kazhdogo_na_obrazovanie_bez_elektronnogo_obucheniya_i_primeneniya_distancionnyh_informacionn (дата обращения: 10.07.2022).

306. Уведомление о факте неправомерной или случайной передачи (предоставления, распространения, доступа) персональных данных, повлекшей нарушение прав субъектов персональных данных. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://pd.rkn.gov.ru/incidents/form/> (дата обращения: 03.02.2023).

307. Условия использования «YouTube». [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.youtube.com/static?template=terms> (дата обращения: 06.11.2022).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Проект

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН**О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»****Статья 1**

Статью 8 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2006, № 31, ст. 3448; 2010, № 31, ст. 4196; 2011, № 15, ст. 2038; № 30, ст. 4600; 2012, № 31, ст. 4328; 2013, № 14, ст. 1658; № 23, ст. 2870; № 27, ст. 3479; № 52, ст. 6961, 6963; 2014, № 19, ст. 2302; № 30, ст. 4223, 4243; № 48, ст. 6645; 2015, № 1, ст. 84; № 27, ст. 3979; № 29, ст. 4389, 4390; 2016, № 26, ст. 3877; № 28, ст. 4558; № 52, ст. 7491; 2017, № 18, ст. 2664; № 24, ст. 3478; № 25, ст. 3596; № 27, ст. 3953; № 31, ст. 4790, 4825, 4827; № 48, ст. 7051; 2018, № 1, ст. 66; № 18, ст. 2572; № 27, ст. 3956; № 30, ст. 4546; № 49, ст. 7523; № 52, ст. 8101; 2019, № 12, ст. 1220, 1221; № 18, ст. 2214; № 49, ст. 6985, 6986; 2020, № 14, ст. 2035; 2021, № 1, ст. 69; № 27, ст. 5059, 5089, 5094, 5116, 5183; 2022, № 50, ст. 8792; 2023, № 1, ст. 31, 32, 51) дополнить частью 4¹ следующего содержания:

«4¹. Каждый имеет право на беспрепятственный доступ к информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети «Интернет», независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Ограничение права на доступ к информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети

«Интернет», возможно при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации».

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН**О внесении изменений в статью 64.1 Федерального закона
«Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие
в референдуме граждан Российской Федерации»****Статья 1**

Пункт 13 статьи 64.1 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 24, ст. 2253; 2003, № 27, ст. 2711, 2716; 2004, № 24, ст. 2335; № 33, ст. 3368; № 35, ст. 3607; № 50, ст. 4950; 2005, № 30, ст. 3104; 2006, № 29, ст. 3124, 3125; № 31, ст. 3427; № 50, ст. 5303; 2007, № 1, ст. 37; № 6, ст. 681; № 10, ст. 1151; № 17, ст. 1938; № 18, ст. 2118; № 31, ст. 4008, 4011; 2008, № 30, ст. 3605, 3616; № 48, ст. 5517; № 52, ст. 6229, 6236; 2009, № 1, ст. 30; № 7, ст. 771; № 14, ст. 1577; № 20, ст. 2391; № 23, ст. 2763; № 29, ст. 3633, 3640; № 45, ст. 5268; № 52, ст. 6433; 2010, № 17, ст. 1986; № 23, ст. 2794, 2799; № 27, ст. 3417; № 41, ст. 5192; 2011, № 1, ст. 16; № 11, ст. 1503; № 13, ст. 1685; № 25, ст. 3536; № 29, ст. 4291; № 30, ст. 4607; № 31, ст. 4702, 4703; № 43, ст. 5975; 2012, № 19, ст. 2274, 2275; № 41, ст. 5522; № 43, ст. 5786; № 50, ст. 6961; 2013, № 14, ст. 1638, 1648; № 19, ст. 2329; № 27, ст. 3477; № 43, ст. 5453; № 44, ст. 5642; № 51, ст. 6684; № 52, ст. 6961; 2014, № 6, ст. 565; № 8, ст. 739; № 14, ст. 1543; № 19, ст. 2299–2300; № 23, ст. 2931; № 42, ст. 5614; № 48, ст. 6636; № 49, ст. 6928; 2015, № 6, ст. 886; № 14, ст. 2015; № 29, ст. 4357; № 41, ст. 5639, 5641; № 45, ст. 6203; 2016, № 7, ст. 917; № 11, ст. 1492, 1493; № 15, ст. 2054; 2017, № 1, ст. 15, 46; № 15, ст. 2139; № 23, ст. 3227; 2018, № 7, ст. 961; № 17, ст. 2432; № 28, ст. 4148; № 51, ст. 7861; № 53, ст. 8476; 2019, № 22, ст. 2660; 2020, № 9, ст. 1119; № 14, ст. 2028; № 21, ст. 3232, 3233; № 31, ст. 5026; 2021, № 11, ст. 1708; № 15, ст. 2456; № 17, ст. 2877;

№ 18, ст. 3059; № 23, ст. 3916; № 27, ст. 5188; 2022, № 12, ст. 1787; № 14, ст. 2203; № 50, ст. 8792; 2023, № 18, ст. 3230; 2023, № 23, ст. 4004) дополнить подпунктами 6, 7 и 8 следующего содержания:

«6) порядок обжалования нарушений избирательных прав граждан при проведении дистанционного электронного голосования и подведения его итогов на выборах, референдуме;

7) основания, порядок и сроки повторного подсчета голосов, полученных в результате дистанционного электронного голосования;

8) основания и порядок аннулирования голосов, полученных в ходе дистанционного электронного голосования с нарушением законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах».

Статья 2

1. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

2. Положения статьи 64.1 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в редакции настоящего Федерального закона) применяются к правоотношениям, возникшим в связи с проведением выборов, референдумов, назначенных после дня вступления в силу настоящего Федерального закона.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН**О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О полиции»****Статья 1**

Часть 1 статьи 8 Федерального закона от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2011, № 7, ст. 900; № 27, ст. 3880, 3881; № 49, ст. 7067; 2013, № 14, ст. 1645; № 26, ст. 3207; № 27, ст. 3477; № 48, ст. 6165; 2014, № 6, ст. 558, 559, 566; № 30, ст. 4259; № 42, ст. 5615; 2015, № 10, ст. 1393; № 29, ст. 4374; 2016, № 27, ст. 4160, 4238; 2017, № 22, ст. 3071; № 31, ст. 4821; № 50, ст. 7562; 2018, № 1, ст. 26; № 11, ст. 1591; № 31, ст. 4857; № 32, ст. 5076, 5125; 2019, № 14, ст. 1461; № 23, ст. 2905; № 40, ст. 5488; № 42, ст. 5802; № 49, ст. 6963; № 52, ст. 7805; 2020, № 6, ст. 591; 2021, № 1, ст. 4; № 15, ст. 2447; № 52, ст. 8983; 2023, № 1, ст. 16) дополнить пунктом 11.1 следующего содержания:

«11.1) осуществлять мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет в целях выявления, предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений, отнесенных законодательством Российской Федерации к подведомственности полиции;».

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

СВЕДЕННЫЕ ДАННЫЕ

результатов социологического опроса граждан Российской Федерации,

проведенного в рамках диссертационного исследования на тему:

«Права человека в условиях цифровизации общества:

конституционно-правовое исследование»

Общая выборка — 240 респондентов

№	Вопрос	Количество респондентов	Удельный вес, %
1.	Ваш возраст:	240	100
	до 20 лет;	14	6
	от 20 до 30 лет;	167	70
	от 30 до 40 лет;	29	12
	от 40 до 50 лет;	26	10
	свыше 50 лет	4	2
2.	К какой категории анкетированных вы относитесь?		
	сотрудник правоохранительного органа	119	50
	студент	57	24
	сотрудник коммерческой организации	24	10
	сотрудник государственного или муниципального органа (учреждения)	21	9
	самозанятый	7	3
	индивидуальный предприниматель	3	1
	безработный	3	1
	иное	6	2
3.	В каком регионе (области/крае/ республике и т. д.) Российской Федерации Вы проживаете?		
	Омская область	152	64
	Санкт-Петербург	21	9
	Нижегородская область	19	8
	Москва	14	5
	Новосибирская область	3	1
	иные субъекты РФ (Алтайский край, Белгородская область, Владимирская область, Воронежская область, Донецкая Народная Республика, Забайкальский край, Курганская область, Московская область, Приморский	31	13

	Край, Рязанская область, Свердловская область, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Томская область, Тамбовская область)		
4.	Пользуетесь ли вы в повседневной жизни цифровыми технологиями (сетью «Интернет», смартфоном, персональным компьютером)?		
	да	238	99
	нет	2	1
5.	Сколько времени вы обычно проводите у экрана смартфона и (или) персонального компьютера в повседневной жизни?		
	ежедневно, более 8 часов в сутки	2	1
	ежедневно, более 4 часов в сутки	151	63
	ежедневно, в течение 1-4 часов	80	33
	ежедневно, менее часа в сутки	4	2
	значительно реже	3	1
6.	Какой из источников получения информации Вы используете наиболее часто?		
	электронные источники;	210	87
	другие люди;	17	7
	печатные издания;	9	4
	телевидение;	3	1
	радио	1	1
7.	По Вашему мнению, внедрение цифровых технологий в жизнь общества приводит к:		
	общественному развитию	194	81
	общественной деградации	19	8
	общественной стагнации (застоем);	17	7
	к развитию и деградации общества, одновременно	10	4
8.	Как вы считаете, каким образом цифровые технологии влияют на возможности реализации Ваших прав и свобод?		
	позитивно, так как расширяют возможности реализации	169	70
	нейтрально, так как от них не зависит реализация прав и свобод	46	19
	негативно, так как ограничивают возможности реализации	8	4
	как позитивно, так и негативно	5	2
	затрудняюсь ответить	12	5
9.	Пользовались ли вы цифровыми технологиями (сетью «Интернет», смартфоном, персональным		

	компьютером) для обращения в органы государственной власти и (или) органы местного самоуправления?		
	да	185	77
	нет	55	23
10.	Использовали ли Вы в сети «Интернет» Портал государственных услуг для обращения в органы публичной власти?		
	да	168	70
	нет	72	30
11.	Участвовали ли Вы посредством сети «Интернет» в дистанционном электронном голосовании на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления? (Ответ обязателен для жителей г. Москва, Калужской, Курской, Калининградской, Нижегородской, Новгородской, Томской, Псковской и Ярославской областей)		
	да	79	34
	нет	69	30
	не являюсь жителем вышеуказанных регионов	85	36
12.	Если да, то охарактеризуйте вышеуказанный способ реализации активного избирательного права («права избирать») на выборах в России. <i>Отметьте все подходящие варианты.</i>		
	удобство процедуры голосования;	113	76
	устранение возможных эпидемиологических рисков для избирателей;	45	30
	повышение избирательной явки среди молодежи;	59	40
	угроза утечки персональных данных избирателей;	22	15
	риски нарушения тайности голосования, фальсификации итогов голосования;	33	22
	отсутствие возможности онлайн-голосования для отдельных категорий граждан (пожилых граждан, инвалидов и др.);	28	19
13.	Пользовались ли вы законодательно предусмотренной возможностью требовать от оператора поисковой сети (например, Яндекс или Google) удаления информации, выдаваемой по поисковому запросу и затрагивающей ваши права и законные интересы?		
	да	45	19
	нет	195	81

14.	Доверяете ли Вы цифровым технологиям с точки зрения безопасности своих персональных данных?		
	доверяю	59	25
	не доверяю	172	71
	доверяю только ограниченному кругу источников	9	4
15.	Как вы считаете, каким образом цифровые технологии влияют на безопасность ваших персональных данных?		
	угрожают безопасности моих персональных данных	172	71
	повышают безопасность моих персональных данных	17	7
	как повышают, так и снижают безопасность моих персональных данных	4	2
	не влияют на безопасность моих персональных данных	44	19
	затрудняюсь ответить	3	1
16.	Сталкивались ли Вы с нарушением своих прав и свобод в виртуальной среде (кибербуллинг, дистанционное мошенничество, утечка персональных данных и др.)?		
	да	120	50
	нет	94	39
	Затрудняюсь ответить	25	11
17.	С какими из нарушений прав и свобод в виртуальной среде Вы сталкивались? Отметьте все подходящие варианты.		
	кибербуллинг (травля);	31	13
	оскорбление чести, достоинства и (или) деловой репутации;	45	15
	утечка персональных данных;	89	37
	нарушение тайны переписки, телефонных переговоров;	34	14
	ограничения свободы слова, цензура;	27	11
	мошенничество посредством мобильной связи либо сети «Интернет»;	129	53
	получение «фейковой» информации или иная дезинформация в сети «Интернет»;	133	55
вообще не сталкивался;	55	23	
18.	Считаете ли Вы необходимым принятие дополнительных законодательных мер по защите прав и свобод человека в виртуальной среде?		
	да	222	93
	нет	18	7